

СЕРИЯ
Невинность
КНИГА 1

VK.COM/LOVESTORIES2017

ВЛАДЕЯ
её
Невинность

АЛЕКСА РАЙЛИ

Любое копирование текста без ссылки на группу ЗАПРЕЩЕНО!

Перевод осуществлён исключительно в личных целях, не для коммерческого использования.

Автор перевода не несёт ответственности за распространение материалов третьими лицами.

Автор: Алекса Райли

Книга: 1-Владея её невинностью.2- Невинный побег. 3-Невинное Рождество
4-Бонус к серии.

Серия: Невинность

Внимание! Это дебютная работа автора, поэтому просьба не судить строго!

Рейтинг: 18+

Переводчик: Тамара

Редактор|Вычитка: Марина

Обложка: Iriska S.

Перевод группы: <https://vk.com/lovestories2017> (Сказки для взрослых девочек).

Владея её невинностью

Аннотация

Уильям Дарклинг успешный, сексуальный, зрелый холостяк. К его ногам брошен весь мир, но ему не хватает одной вещи, в которой он нуждается больше всего.

Хейли только что исполнилось восемнадцать лет, она готова познать таинство любви и лишиться своей невинности. После травмирующей вечеринки по случаю дня рождения она просыпается, привязанная к кровати по милости человека, которому она больше всего доверяет.

Хейли всегда была его питомцем, но теперь Уильям хочет большего. Он хочет любить её, так как каждый пapa должен любить свою маленькую девочку.

Внимание: в этой короткой новелле присутствует сладко сексуальная, кристально грязная забава. Наряду с подробным описанием взрослых и детских шалостей.

Глава 1

Хейли

Запах мускуса – это первое, что я почувствовала. Затем я поняла, что не могу двигать руками или ногами – будто свинцом залили. Подождите, нет, кажется, я связана. Я извиваюсь, пытаясь понять, смогу ли освободиться, но мое положение крепко зафиксировано мягким ленточным материалом. «Где я?» — прошептав про себя, в панике, я пытаюсь освободиться от повязок.

Бах! Где-то на расстоянии нескольких комнат от меня хлопает дверь.

Я замерла.

Стоит ли мне закричать? Холод поднимается по моему позвоночнику, и я внезапно осознаю, что я голая, не считая какой-то засохшей вязкой жидкости покрывающей мою грудь. Когда я вдыхаю, мускусный запах, кажется, усиливается. Что это за звук? Шаги. Кто-то идет. Я слышу, как шаги ускоряются. Может быть, просто, если я притихну, этот кто-то пройдёт мимо. Звук шагов становится все громче и громче, а затем становится тихо. Я задерживаю дыхание, и, кажется, что проходит вечность. Звук шагов снова повторяется, на этот раз, удаляясь от меня. Выдохнув, я откидываю голову на матрас. *Подумай, Хейли, как ты сюда попала? Что последнее ты помнишь?*

Уильям.

- Ночью ранее -

— Я хочу поблагодарить всех за то, что вы пришли сюда сегодня вечером, чтобы отпраздновать торжество моей маленькой Хейли.

Не думаю, что когда-либо видела своего отца таким счастливым. Он продолжает говорить о том, какая я сейчас большая девочка. Пора взросльть, говорит он. «Пора выбираться из своей скорлупы, Хейли». Он зашел так далеко, что даже убрался в моей комнате на прошлой неделе, выбросив всех моих плюшевых животных, детских кукол, которые у меня были с тех пор, как я помню, а нанятая строительная компания Уильяма перекрасила мои любимые розовые стены. Теперь моя комната – отвратительного синего цвета, который заставляет меня топать ногами каждый раз, когда я её вижу.

— Она больше не моя маленькая девочка. Она молодая женщина, готовая выйти в мир, и я уверен, что её ждут великие дела. Я люблю тебя, Хейли. Ты заставила меня гордиться тобой. Хотел бы я, чтобы твоя мама увидела тебя сейчас, — видя улыбку на его лице, я спешу обнять своего отца.

Я знаю, что он имеет в виду только хорошее, но мысль о том, чтобы повзросльть и стать женщиной, пугает меня до глубины души. Мне нужно немного воздуха. В этом доме слишком жарко, и я начинаю чувствовать, что задыхаюсь.

Пробираясь по коридору, я вижу, что Уильям прислонился к заднему выходу. Уильям, мужчина, при виде которого, моё тело покалывает во всех местах. У него самые широкие плечи и самые мускулистые бедра, которые я когда-либо видела. Он мужчина во всем. Казалось бы, я всегда испытывала к нему чувства, не считая прошлого года, когда он избегал меня, как будто у меня развилась проказа.

Он все время был рядом. В конце концов, он был лучшим другом моего отца. Он забирал меня из школы, когда отец задерживался на работе, оставался и укладывал меня спать, когда отец не успевал вовремя приехать домой. Я помню, как сворачивалась клубком у него на коленях, когда он читал мне сказки на ночь, которые я могла попросить его прочитать еще раз.

«Пожалуйста, Папочка Уильям, еще разочек».

«Один, дорогая, и все. Ты поняла меня? Я не хочу, придавать твоей маленькой попке вишневый оттенок».

Тогда эта угроза заставила меня хихикать. Сейчас, она заставляет мои трусики мокнуть.

Уильям выпрямляется, когда я приближаюсь. Его чёрные волосы со временем приобрели мягкий пепельный цвет, но это лишь добавляет ему привлекательности. Могут ли мужчины понять, когда девушка мокнет для него? Мысль о том, что Уильям узнает об этом, заставляет меня покраснеть.

— Боже, Хейли, это самый сладкий румянец, который я когда-либо видел, — говорит он, проводя пальцем по моей щеке, и я не могу не покраснеть сильнее. Он быстро опустил руку, словно вспомнив про мою несуществующую проказу. Он продолжает смотреть на меня тем же взглядом, которым одаривал меня в последнее время. Я не могу понять, что это. Я скучаю по его прикосновениям. Он больше меня не трогает. На самом деле он почти не смотрит на меня, а если и смотрит, то мрачно — он уже не тот Папочка Уильям, которого я знала. Он также ясно дал понять, что я должна перестать называть его так, исправляя меня каждый раз, когда я использую это имя.

— Папочка Уильям, поиграешь в шашки со мной? — однажды спросила я.

— «Уильям», Хейли. Повтори, — я просто уставилась на него. Я не хотела, просто «Уильям». Он был моим Папочкой Уильямом.

— Скажи это, Хейли, — повторил он.

— Забыли, Уильям! — сказала я, подчеркивая его имя, в надежде уколоть его немного. — Я все равно не хочу играть с тобой в шашки больше.

Я никогда не забуду, как он схватил меня за руки и притянул к себе, прижимая к своей широкой груди, опустив голову прямо рядом с моим ухом так, что его щетина защекотала мою мягкую кожу.

— Это хорошо, маленькая Хейли. Лучше тебе вообще не играть со мной, — его нос прижался к моей шее, и мне показалось, что он вдыхает меня. Затем он исчез. Это был последний раз, когда Уильям коснулся меня... год без его прикосновений. До этого момента.

— Добрый вечер, Уильям, — я не могу остановить саркастический тон, когда произношу его имя. Это как пластырь, который резко отрывают каждый раз, когда я говорю это, и я хочу, чтобы он знал об этом. Или, может быть, я просто хочу от него реакции. Что-то. Что-нибудь, чтобы привлечь его внимание. Я вижу, как желваки на его челюсти дернулись, и я не могу не ухмыльнуться своей маленькой победе.

— Я так рада, что ты смог бросить все свои дела ради моей маленькой выпускной вечеринки. Одному Богу известно, когда бы мы еще встретились, — святые крекеры! Похоже, я зашла дальше, чем предполагалось. Я никогда не видела Уильяма с другой женщиной, но я не могу не думать, что это то, что удерживает его от нас... от меня. Сама мысль об этом разрезает моё сердце.

— У каждого своя жизнь, Хейли. Как и сказал твой отец, теперь ты большая девочка, и пришло время, когда тебе придется жить, как и полагается большой девочке.

Мои плечи опадают от его слов. Опять двадцать пять, сейчас я большая девочка.

— Может быть, я не хочу быть большой девочкой, — мягко шепчу я.

Он бормочет то, что я не совсем понимаю, и температура в комнате, кажется, накаляется.

— Черт, Хейли, это выше моих сил. Неси свою маленькую задницу туда, куда собиралась.

Я чувствую, как в горле поднимается комок, но не могу позволить ему увидеть, как он влияет на меня.

— Тогда почему бы тебе не отодвинуть свое глупое лицо от двери! — кричу на него.

Надеюсь, гнев сдержит мои слёзы на несколько секунд дольше, прежде чем я смогу убежать.

— Не думай Хейли, что твой теперь зрелый возраст оградит меня от того, чтобы нагнуть тебя и, стянув трусики, отшлепать твою маленькую сладкую попку.

Я не могу контролировать дыхание, которое прорывается сквозь мои губы. Как он посмел!

Это помогает сдерживать слёзы, и я чувствую, как нарастает гнев. Он игнорировал меня в прошлом году, а теперь думает, что может просто прийти сюда и указывать мне? Я так не думаю, Папочка Уильям. Я выпрямляю спину, пытаясь казаться выше, но с моими короткими ногами, это вряд ли сработает.

— Я бы хотела, чтобы вы попытались... Папочка Уильям, — как только слова сорвались с моих губ, он хватает меня за талию, поворачивает и толкает меня к двери.

Я поднимаю лицо, чтобы посмотреть на него сквозь завесу моих ресниц. Взгляд на его лице — тот, которого я никогда раньше не видела. Его глаза, кажется, меняются от светлого, до самого глубокого зелёного, который я когда-либо видела. Он скользит своей ногой между моими, прижимая левую руку к моему лицу, а правую к моему бедру, чтобы я не смогла убежать. Я в ловушке. Он не причинит мне вреда, не так ли? Его рука на моём бедре сжимается, вызывая острую боль, которая, похоже устремляется к моей промежности. О, Боже, покалывание между моими ногами отразилось так, как я никогда раньше не чувствовала. Клянусь, я чувствую там свой пульс, и чувствую, как мои нежные нижние губки пропускают выступившую влагу. У меня никогда не было мальчика — нет, у меня никогда не было мужчины.

Единственный опыт, который у меня есть — это когда-то моя лучшая подруга Молли уговарила меня пойти на баскетбольный матч своего брата. Молли — очень любвеобильна, и, когда мы пошли в частную католическую школу для девочек, мы никогда не были рядом с мальчиками. После игры её брат Тим поймал меня за трибуналами и попытался протолкнуть свой слизистый язык в моё горло, что было отвратительно. Когда я пришла домой и рассказала об этом отцу, он словно съехал с катушки и заказал у врача противозачаточные средства. Я попыталась объяснить, но он был слишком напуган, чтобы слушать. К счастью, я не сказала ему, что это брат Молли, поскольку, он бы больше не позволил с ней дружить.

Как бы то ни было, то, что происходит сейчас, отнюдь не отвратительно. Что бы он сделал, если бы я прижала вплотную свои нежные нижние губки к его бедру? Он почувствовал бы мою влажность? Он заметил бы это, если бы я немножко поёрзала на нём? Почему мне так хочется этого? Есть ли смысл? Но я хочу. Мне *придётся*.

Я вижу, как Уильям переводит свой взгляд на мои губы. Бьюсь об заклад, его поцелуй был бы не таким как у Тима. Я облизываю губы, задаваясь вопросом, сделает ли он это. *Поцелуй меня, я умоляю своими глазами*, зная, что не могу сказать слова.

Уильям начинает наклоняться ко мне, и я столбенею. Он собирается поцеловать меня, но прямо перед тем, как он приблизился к моим губам, он резко поворачивает моё лицо и утыкается в шею. Я чувствую, как что-то теплое и мокрое скользит по моей шее, и стон соскальзывает с моих губ. Он лижет меня. *Боже мой, он облизывает меня!*

— Ты на вкус, как чистая невинность, — говорит он мне. После этих слов, я позволила своим нижним губкам прижаться к его бедру. Давление от такого тесного контакта, начало плавить меня. Кажется, что-то поднимается. Что-то случится...

— Хейли! — слышу, как мой отец кричит.

Следующее, что я осознаю — я стою, а Уильям пересек комнату, и прислонился к стене, как будто ничего не случилось. Неужели я совсем не привлекаю его? Эта мысль сокрушает меня, но кого я обманываю? У меня абсолютно нет опыта в том, как привлечь такого мужчину, как Уильям.

Возможно, мои фантазии начинают заставлять меня сходить с ума. Возможно, я придумала всё, что только что произошло. Это не первый раз, когда я фантазировала об Уильяме, и я уверена, что не последний. Я просто не могу выкинуть его из головы. Он

доминирует над каждой моей мыслью и, возможно, даже владеет ими. Каково это было бы принадлежать Уильяму? Идея должна напугать меня, но меня это только возбуждает.

— Хейли, вот ты где, — говорит мой отец, вырывая меня из моих мыслей.

— Молли и её брат Тим только что приехали сюда. Ты должна пойти и поприветствовать своих гостей.

Я бросаю последний взгляд на Уильяма, прежде чем выскочить из комнаты, чтобы найти Молли. Я слышала, как мой отец кричал мне вслед:

— Не бегай в доме, Хейли!

После этого я стараюсь изо всех сил избегать Уильяма всю оставшуюся ночь. Если он может притворяться, будто ничего не случилось, я тоже.

Я провожу большую часть вечера, зависая с Молли и Тимом. Я с удивлением вижу здесь Тима. После того поцелуя, он держался от меня на расстоянии. Однако сегодня он кажется слишком внимательным. Он всё время спрашивает меня о моих планах на это лето и следит за тем, чтобы мой бокал всегда был полон. Это действительно мило, но некоторые из его затяжных прикосновений заставляют меня чувствовать себя некомфортно.

Я знаю, что должна попытаться отвлечься от мыслей об Уильяме, может быть даже сходить с кем-нибудь на свидание. Ни в коем случае Уильям никогда не захочет быть с такой пухленькой девушки как я, которая не может даже поцеловать мальчика, без желания сбежать. Если честно, мой отец, вероятно, убил бы нас обоих. Когда я пошла в школу для девочек, разговоров «о мальчиках» больше не происходило.

По мере того, как вечер прогрессирует, я стараюсь избегать Уильяма, но вместо облегчения, чувствую сплошное раздражение. Он смотрит на меня неодобрительным взглядом. Я также не могу не заметить, что Джейн — сотрудница отделения моего отца — висит на нём весь вечер. Мою грудь словно набивают камнями, когда я вижу их вместе. Я слышала, как мой отец сказал, что она золотоискательница, которая будет спать с кем угодно, что бы это не значило. Я не могу смотреть на них, но клянусь, стоит мне перейти в другую комнату, как через две секунды там появится Уильям, а затем Джейн.

Мне действительно нужен момент, чтобы уединиться. Я чувствую небольшое головокружение и усталость. Мне также нужно сменить нижнее бельё, которое промокло после недавних событий.

Прокочив в свою комнату, я внутренне съёжилась от глупых синих стен. Я направляюсь к комоду, и зарываюсь в него, чтобы найти новую пару нижнего белья. Узнай кто, что случилось с теми, которые на мне, я бы сгорела от стыда. Только мысль о том, что произошло с Уильямом ранее, заставила их промокнуть повторно. Может, я должна обратиться к врачу. Это не может быть нормально.

Стоит мне только начать стягивать трусики к ногам, как моя дверь внезапно распахивается, и я резко оборачиваюсь, с нижним бельем, обернутым вокруг моих ног. Тим поймал меня с поличным.

— Судя по положению твоих трусиков, ты, похоже, начала без меня, сладкая, — говорит Тим.

Я побледнела. Что он имеет в виду? Без него? Начала что?

— Тим, ты не должен быть здесь. Мой отец с ума сойдет, узнав, где ты.

— Ты же знаешь, что хочешь меня, сладкая. Теперь ты большая девочка, и хранить свою спелую вишненку не имеет больше смысла. Я сделаю тебе приятно.

Головокружение поражает меня сильнее, и комната начинает вращаться.

— Нет, Тим, пожалуйста, остановись. Я хочу прилечь на минутку. Я просто устала, — сказала я.

Тим медленно помогает мне добраться до кровати. Кажется, я не могу заставить свои ноги работать.

— Думаешь, я не заметил, как ты смотрела на этого Уильяма? В этом проблема? Так хочется раздвинуть бедра для этого старпёра? Может быть, мне стоит первому раскрыть твои таланты? Кроме того, я видел, как та женщина обхаживала его. Зачем ему нужен такой маленький, неопытный зверёк, как ты?

Его слова резали без ножа, и я чувствую, как он дергает моё платье, из-за чего мои груди вываливаются наружу.

— Они немного большие на мой вкус, но я не привередливый. Поскольку я буду первым, кто внедрится в это плотное маленькое влагалище, я закрою на это глаза. В действительности ты должна благодарить меня. Может быть, я смогу показать тебе, как угодить мужчине, — говорит Тим с ухмылкой на лице.

Я пытаюсь прикрыть себя, сказать ему, чтобы он остановился, что это неправильно, но мои руки одеревенели. Я не могу их поднять. Я начинаю закрывать глаза, и вдруг слышу громкий треск, а потом обнаруживаю Уильяма над собой.

— Кто-то сегодня был очень плохой девочкой, не так ли, маленькая Хейли? Кажется, ты не в состоянии позаботиться о себе. Успокойся, Папочка сделает это за тебя.

Глава 2

Уильям

Сидя здесь в своём кожаном кресле, я не могу не задаться вопросом, как, чёрт возьми, я попал в эту ситуацию.

Годами я пытался избавиться от этих чувств. Я пережил вину, депрессию, ненависть к себе и отвращение, чтобы вернуться к одному чувству, которое не могу истребить: нужда. Та, что мне нужна больше всего во всём мире, находится в соседней комнате, привязанная к моей кровати, покрытая моей спермой.

Хейли.

Сегодня вечером она праздновала день своего рождения, она стала женщиной, но эти большие голубые глаза смотрели на меня со всей нуждой и желанием молодой девушки, говорящей мне, что она не разделяет мнение своего отца по поводу взросления. Нет, Хейли невинна, чиста, нетронута и всё внутри меня хочет владеть ею. Моя двадцатилетняя дружба с Роджером будет проклята.

За одну ночь я отбросил всю свою мораль и доверие её отца, чтобы искупаться в своих самых мрачных желаниях. Я пошел на её вечеринку, чтобы присматривать за ней, чтобы отпраздновать её переход во взрослую жизнь. Жизнь, которая не включает в себя настольные игры и сказки на ночь. Но то, что я увидел, было её полным невежеством перед опасностью прямо напротив неё.

Я снова и снова прокручиваю в голове то, как спас её от того куска дермы, который напоил и почти изнасиловал её. Наблюдая, как он всю ночь не отлипал от неё, я был на грани, но ей казалось, нравилось, что я наблюдаю за ними. Я хотел забрать её и перебросить через плечо, как неандертальца. Каждый раз, когда я пытался приблизиться к ней, просто чтобы услышать, о чём они говорили, эта сука Джейн начинала кудахтать мне на ухо, добавляя головной боли, которую уже доставил её парфюм.

Я подбадриваю себя тем, что отправил этого паршивца Тима за решётку, вместо того, чтобы избить до полусмерти. Чёрт, Роджер действительно похлопал меня по спине. На самом деле, убедить себя, что Хейли нужно отправиться вместе со мной в мой дом, чтобы позаботиться о ней, было труднее, чем убедить Роджера. Он доверяет мне свою маленькую девочку. Наверное, потому, что она всегда была моей маленькой девочкой. Только у нас с Роджером очень разные взгляды на то, как мы хотим относиться к нашей маленькой девочке.

Я заключил сделку с дьяволом, как только привез её к себе домой.

Я раздел её и привязал к кровати. О чём, чёрт возьми, я думал? Я попрощался со своей нравственностью в тот момент, когда в первый раз увидел её обнаженную. Сочная. Все её тело было настолько сочным. Широкие бёдра и упругие ягодицы, на своде самой совершенной едва покрытой пушком волос киски, которую я когда-либо видел.

Я знал, что она девственница, и мне потребовалась вся сила воли, чтобы не раздвинуть эти аппетитные бёдра и не посмотреть на её девственную плеву. Мне нужно было увидеть доказательства её невинности, но я хотел, чтобы она по своей воле показала мне их.

Вместо этого мои глаза вернулись к огромным грудям, которые переполняли бюстгальтер, который она редко одевала. Розовые соски насмехаются надо мной, заставляя меня сердиться, что все эти годы я не мог кончить, не задумываясь о них. Я видел их два лета назад, когда её слишком маленький купальный костюм слетел после того, как она прыгнула в бассейн. В течение двух лет из меня не могло выйти ни капли спермы без того, чтобы не представить эти идеальные соски в моём сознании.

Сегодня я покончу с фантазиями и отмечу то, что было моим. Я отстегнул пояс и расстегнул штаны. Я приспустил свои боксёры достаточно, чтобы высвободить монстра из клетки. Этот зверь был слишком диким, чтобы полностью спустить его с цепи.

Я оседлал её живот и опустился на колени, расположившись поверх этих прекрасных сисек. Я плюнул на ладонь и жёстко начал гладить себя. Я посмотрел на её сладкое лицо, и в этот момент она лизнула свои грёбаные губы. Похоже, она посыпала мне знак и велела мне пометить её как мою. Потребовать её девственную киску за то, что она жаждет мой член.

Я сильнее дрожал свой член, пока предсперма капала ей на грудь. Это было нелёгкое занятие, это была месть за все те годы, которые я не мог прикоснуться к ней. Я посмотрел на её милые губы, и клянусь, что услышал, как она шепчет «Папочка» своим застенчивым голосом. Я почти мог увидеть, как розовый язычок выглядывает, умоляя о том, что ей может дать только член её Папочки.

Я кончил с тяжёлым хрипом ей на грудь, пока мои бёдра продолжали толкаться, как колеблющееся животное, в попытке спариться. Я даже обвел кончиком своего члена ореолы каждого её сосочка, втирая свой последний оргазм в её кожу, не желая, чтобы она пропустила хоть одну каплю.

Мой пакт с дьяволом был завершен. Я поднялся с моей красивой маленькой девочки и засунул свой всё ещё каменный член в штаны. Я улыбнулся, когда надел повязку на глаза Хейли и вышел из комнаты. Наконец-то она стала моей.

Поставив стакан на стоящую рядом тумбочку, я понимаю, что пришло время разбудить Хейли. Я проверял её каждый час с тех пор, как привёз к себе домой. Теперь пришло время объяснить наши новые отношения. Папочке Уильяму нужна его маленькая девочка.

Я открываю дверь в спальню, и сразу чувствую, что Хейли бодрствует. Она лежит на моей кровати, привязанная и полностью обнажённая. Я практически вижу, как бьётся её сердце. Я отмечаю её ускоренное дыхание, и то, как она пытается сохранять спокойствие. Моя милая девочка такая смелая.

— Хейли.

Она застыла на мгновение, прежде чем ответить.

— Па... У-Уильям. Это ты?

Это разбивает мое чёртово сердце, я запретил ей называть меня «Папочка Уильям», но это было ради её блага. В действительности для нас обоих.

— Да, Хейли. Это Папочка Уильям.

Я вижу, как её соски заостряются, когда она слышит мой голос. Её огромные сиськи не принадлежат восемнадцатилетней. Её соски указывают прямо на меня, когда я говорю с ней. Они похожи на маяки греха и секса, издеваясь надо мной. Теперь, глядя на выложенные передо мной сладкие курганы с маниящими поверх шипами, я не могу не поместить свою руку на покрытый штанами член и почувствовать, как он всё ещё твёрд.

— Папочка Уильям, я боюсь. Почему я связана, с повязкой на глазах... и... и голая?

Я приближаюсь к кровати и сажусь рядом с ней. Я медленно опустил руку и слегка погладил её ладонь.

— Т-с-с. Все в порядке, маленькая Хейли. Я привязал тебя, чтобы ты не навредила себе, и завязал тебе глаза, чтобы ты поспала. Будь спокойна, и я развязу тебя. Хорошо?

Она кивает головой, и я начинаю распускать мягкие ленты вокруг её запястий и лодыжек. Я слегка поглаживаю её руки и ноги, стараясь возобновить нормальное кровообращение по её конечностям. Она поднимает руки, пытаясь прикрыть свои груди. Её великолепные сиськи невозможно спрятать, и я улыбаюсь её усилиям.

— Теперь будь хорошей девочкой для Папочки Уильяма, и я сниму повязку.

Стянув ткань, я вижу, как её испуганные маленькие глаза моргают при ламповом свете.

— Где я, Папочка Уильям? Что происходит?

— Вот, Хейли, попей водички, и я объясню.

Я вручил ей стакан воды, который поставил на тумбочку вместе с ибуuproфеном, который она берёт без вопросов. Я поглаживаю её мягкие каштановые волосы, обертывая одну из её завитушек вокруг пальца, а затем отпускаю её, чтобы посмотреть, как та подпрыгивает. Боже, я люблю её грёбаные волосы. Я всегда хотел похоронить в них свои руки.

Наблюдая, как она выпивает воду, я чувствую запах её кожи и насколько она сладка. Несколько часов назад, на вечеринке, когда загнал её в угол, как животное, я не мог не попробовать её на вкус. Она пахла, как корица, и казалась невинной. Я никогда не смогу съесть французский тост без многообещающего стояка.

— Ты всегда была хорошей Папочкиной девочкой, Хейли, — говорю я, поставив стакан на стол. — Прошлой ночью это падаль Тим подсыпал тебе рогипнол — это наркотик, с его помощью он намеревался воспользоваться тобой, надругавшись над твоим телом.

Я вижу, как её глаза расширяются, а по уголкам начинают образовываться слезы.

— Т-с-с. Все в порядке, маленькая Хейли. Я вовремя появился. О Тиме уже позаботились. Затем я поговорил с Роджером и сказал ему, что заберу тебя в свой дом и позабочусь о тебе, пока не закончится действие наркотика. Однако пока ты была под эффектом, то боролась и пыталась подраться со мной. Я счел необходимостью раздеть тебя и привязать для твоей собственной безопасности. Я надел тебе повязку на глаза, чтобы ты смогла спать и, надеюсь, во избежание худшего похмелья, вызванного наркотиком.

Хейли смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Я вижу, что она все еще пытается прикрыть эти огромные сиськи и свое тело, чтобы оградить всё, что я хочу осмотреть.

— О, и пока ты спала, я дрошил на твои сиськи, пока не кончил на эти красивые сосочки.

Красный румянец начинает расползаться от этих розовых сосков и тянется вверх по её шее к щекам. Я не хотел быть настолько откровенным, но взгляд на её невинном лице стоит того.

— Теперь скажи мне, маленькая Хейли. Не хочешь ли ты, чтобы Папочка отблагодарил тебя, позволив ему поиграть с твоей киской?

Глава 3

Хейли

— Папочка Уильям, я не понимаю, — перемещаясь так, что моя спина опирается на изголовье, я ищу что-то, чтобы прикрыть свое обнажённое тело.

— Просто Папочка, Хейли, — его голос звучит глубже, чем обычно, и я не могу скрыть улыбку, которая расплывается на моём лице. Мне нравится идея называть его просто Папочкой. Это звучит так... правильно. — Тебе нравится называть меня Папочка, не так ли, моя драгоценная девочка? — спрашивает он.

Меня пробирает дрожь.

— Конечно, нравится. Я просто не понимаю, почему, — заметив простыни рядом с собой, я подтягиваю её, чтобы прикрыть себя, заставив его нахмуриться.

— Я знаю, что нам нужно о многом поговорить. Но прямо сейчас, Папочка хочет поиграть с тобой. Ты хочешь, чтобы я поиграл с тобой, Хейли? Ты хочешь, чтобы я показал, какое удовольствие тебя ждёт?

Я смущена его словами. Но не вижу никакого смысла.

— Папочка, что ты имел в виду, когда сказал, что хочешь поиграть с моей киской? У меня нет кошки. Я всег...

Он прерывает меня своим смехом, который звучит так глубоко, что он, должно быть, прошел весь путь от его живота, и я не могу не захихикать в ответ.

— Боже, Хейли, твоя невинность будет моей смертью, — он хватает угол простыни, которую я использовала, чтобы прикрыться, и медленно начинает стаскивать её с меня. Я хватаюсь за неё в ответ, чтобы остановить его, но жёсткий взгляд, которым он стреляет, заставляет меня мгновенно забыть об этом. — Ты мне доверяешь, не так ли? — спрашивает он.

Мой ответ мгновенен, потому что это правда.

— Больше чем кому-либо.

Кажется, ему нравится мой быстрый ответ, потому что его плечи падают, что делает его более расслабленным.

— Тогда дай Папочка покажет тебе. Позволь мне дать то, что тебе нужно, и, чёрт возьми, я знаю, что тебе нужно.

— Папочка! Ты только что сказал очень плохое слово, — хихикнула я.

— Папочка может говорить и делать всё, что он хочет, маленькая. Лучше всего узнать это сейчас. Это избавит тебя от небольшой порки, которая затруднила бы твоё сидячее положение в течение нескольких дней.

Надувшись, я улыбнулась ему настолько мило, насколько могла.

— Ты ведь на самом деле не сделаешь этого, не так ли?

Он облизывает губы, заставляя мои глаза сосредоточиться на них, и отвечает:

— Хейли, ты понятия не имеешь, что творит со мной мысль о том, чтобы нагнуть тебя через моё колено, и окрасить твою аппетитную попку в розовый цвет. На самом деле, у меня руки чешутся, только при мысли об этом.

Мои глаза широко раскрываются от этой идеи. Импульс, который я почувствовала в прошлый раз, внутри моей «девочки» вернулся с троекратной силой. Но это не похоже на то, что было раньше — это ещё хуже. Это как второе сердцебиение, прямо между моих ног. Глядя на меня, он говорит:

— Я уверен, что тебе тоже нравится эта идея, маленькая Хейли. Ты хочешь, чтобы твой Папочка помог тебе с болью, которая творится в твоём сладком, пылающем влагалище?

Его слова шокируют меня, но я могу только кивнуть.

— Хорошо, Хейли, очень хорошо, — он стягивает простыни до конца, снова обнажая меня.

— Совершенство... так чертовски безупречна, — шепчет он так тихо, что я едва слышу его. Я на автомате пытаюсь прикрыть свою грудь, но он хватает оба моих запястья, останавливая мое движение. — Ты не скроешься от своего Папочки. Ты позволила мне наслаждаться своим телом, и мне, мать твою, нравится любоваться тобой, — медленно двигая руками и ставя их рядом со мной, он наклоняется и говорит — Ты поцелуешь своего Папочки?

Я наклонилась к нему и быстро поцеловала его в губы. Прежде чем я смогла откинуться на изголовье кровати, он хватает мои волосы, сжав их в кулаки. Откинув мою голову назад, он шепчет мне в губы:

— Я думаю, ты можешь получше поцеловать меня, не так ли?

Я облизываю губы, ощущая на нижней губе что-то напоминающее привкус виски.

— Теперь я думаю, ты просто дразнишь меня. Ты динамо, моя маленькая девочка? Тебе нравится идея заставить Папочку кончить прямо в штаны? Разве тебе не хотелось бы снова ощутить Папочкин оргазм на своих безупречных сиськах?

Прежде, чем могу ответить, я ощущаю его губы на моих, повергая меня в шок. Он проникает своим языком в мой рот, будто хочет поглотить меня. Это не похоже на поцелуй, который у меня был с Тимом. Это грубо и отчаянно, от этого захватывает дыхание. Я начинаю целовать его с такой же силой. Этот поцелуй порабощает весь мой здравый смысл. Мои соски сильно твердеют и начинают болеть.

Папочка неожиданно отстраняется, и я тянусь за ним. Я хватаю его за плечи и пытаюсь вернуть его к своему телу, но он быстрее переворачивает меня, поэтому я приземляюсь на спину посреди кровати.

— Кажется, кто-то немного жаден.

— Папочка, пожалуйста, я не знаю, что со мной не так. Я вся горю, — умоляю я.

— Не волнуйся, малыш, я позабочусь об этом. Успокойся и позволь мне позаботиться о тебе. Я хочу посмотреть на твою киску.

— Мою киску? — спрашиваю я.

Положив руки на мои бедра, он медленно раскрывает их, и, изменив положение, ложится прямо между ними.

— Да, твою киску, — он проводит средним пальцем по моим нижним губкам, заставляя меня стонать. — Иисус, ты такая чертовски влажная, везде. Похоже, Папочеке придется очистить этот беспорядок, который ты наделала. Избавить тебя от боли.

О, черт, это слишком. Я не могу справиться с этим. Я чувствую, что всё моё тело в агонии.

— Ты хочешь этого, не так ли? Ты хочешь, чтобы Папочка позаботился о твоей киске? — спрашивает он.

Я закрываю глаза, пытаясь понять, что происходит со мной, с моим телом. Я чувствую, что что-то внутри меня пытается выбраться. Раньше я никогда не чувствовал себя так. Это не может быть нормально.

Я чувствую, как Папочка двигается и поднимается верх по моему телу. Его твердая грудь прижимается к моим жестким соскам, и я не могу не вспомнить, насколько я голая, и что он полностью одет. Эта дикая эйфория заставляет меня сжать глаза еще сильнее.

— Хейли, закрывая глаза, легче не станет. Может, я просто уйду...

Мои глаза распахиваются при мысли о том, что он уйдет.

— Нет, Папочка, пожалуйста, никуда не уходи, — торопливо говорю я.

— Тогда скажи это, Хейли. Мне нужно услышать, как ты скажешь мне это.

Страх того, что он покинет мою комнату, настолько силен, что я на автомате отвечаю.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала? Я скажу тебе всё, что захочешь.

После моих слов, он бросается на меня, слегка рыкнув.

— Попроси меня очистить твою ненасытную киску.

Глубоко вздохнув, я говорю:

— Папочка, ты очистишь мою киску?

Улыбка играет на его губах.

— Манеры, Хейли.

Взглянув на него, я повторяю сладким голосом.

— Папочка, пожалуйста, ты не мог бы позаботиться о моей киске? — он сильнее скалится ко мне, и я чувствую, что что-то вдавливается в мой животик. — Папочка, ты чем-то в меня тыкаешь.

— Ничего не могу поделать дорогая. Ты пахнешь моей спермой, и ты настолько чертовски ослепительна, что я не могу этого вынести. Позволь Папочке тебе показать, — откинувшись назад, он опускается на колени между моих ног, и, вытащив из брюк рубашку на пуговицах, начинает расстегивать её. Затем он тянется за ремнём, освобождая его и вытаскивая. Я замечаю гигантскую выпуклость внутри его штанов. Это должно быть то, что ткнулось в меня. Он медленно тянет свои штаны с бедер. — Расстегни их, и узнай, что ты делаешь со мной, — говорит он.

Наклоняясь вперед, я замечаю, что мои руки дрожат, но я делаю так, как велит Папочка. Сдвинув молнию вниз, я задыхаюсь.

— Это член Папочки. Продолжай, оберни свою маленькую ручку вокруг него. Тебе понравилось, когда Папочка трогал тебя там, не так ли?

Боже, да, мне понравилось — слишком.

— Очень. Никто раньше меня так не трогал.

— Это то, что мне нравится слышать. Лучше, чтобы ты позволила Папочке сделать это. Эти недозрелые сосунки не достойны тебя. Ты понимаешь меня, Хейли? Только Папочке можно тебя трогать. Эта тугая маленькая девственная киска принадлежит мне одному. Я научу тебя, как кончать с мужчиной внутри тебя.

Кивнув, я тянусь к члену Папочки, и не могу не собрать блестящую каплю влажности на его кончике. Я хочу слизать его. Откуда эта мысль исходит, я понятия не имею. Я подношу палец к губам и ощущаю вкус.

— Мне нравится твой вкус. Сладко-соленый.

Он резко толкает меня обратно на кровать, так что я снова лежу.

— Это так? Я хочу поверить на слово, — он замолкает на мгновение, словно что-то обдумывает. — Или, может быть, мне не придется.

Держась за головку своего члена, он скользит между губками моей киски, используя одну руку, чтобы направлять себя туда и обратно.

— Это твой клитор, малышка, — рассказывает он мне. — Значит, тебе нравится вкус твоего Папочки? Ты хочешь больше Папиных сливок? Может быть, твоя киска тоже не откажется от этого лакомства?

Боже, это так хорошо. Мой единственный ответ — стон. Я не могу поверить звукам, которые издаю.

— Это хорошо, — хрипло проговорил он. — Пусть Папочка услышит, как тебе нравится то, что он делает с твоей маленькой киской.

При этом моё тело выгибается, и я чувствую, как спина отрывается от кровати. Подавляющие ощущения пробирает меня до самых ног. Боль, которая преследовала моё тело, уходит, и я чувствую, что плыву. С последним щелчком Папочкиного члена по

моему клитору всё моё тело дергается, и я слышу, как Папочка стонет моё имя. Я чувствую теплую жидкость, покрывающую меня, и это заставляет меня дрожать от волнения.

Я открываю глаза, и вижу, как Папочка улыбается мне.

— Теперь мы действительно запачкали твою маленькую киску, не так ли?

Я чувствую, как кровь снова ударила мне в лицо и закрыла его руками.

— О нет, — он хватает меня за руки и оттягивает их от моего лица. — Я не позволю тебе спрятаться от меня, моя маленькая Хейли, — говорит он, поцеловав кончик моего носа. — Теперь об этом беспорядке. Думаю, я все-таки увижу, что мне нравится. Твоя сладость обволокла мой член. Держу пари, это будет лучшее, что я когда-либо пробовал.

Медленно двигаясь по моему телу, он быстро сжимает мои соски, заставляя меня извиваться. Лицо Папочки движется ниже, пока он не воспаряет над моей киской. Я опираюсь на свои руки, чтобы попытаться понять, что он делает. Он потирает двумя пальцами мой клитор, размазывая по нему влагу. Наклоняется дальше. Он же не собирается прикоснуться ко мне своим ртом? Нет! Люди этого не делают... не так ли?

Затем я чувствую его дыхание.

— Ты не имеешь в виду... — прежде чем я пытаюсь закончить предложение, Папочка один раз проводит своим языком между моих половых губок, заставляя меня откинуться на кровать. Его руки скользят под мою задницу, прижимая меня к своему рту. Как будто может быть еще ближе. — Папочка, пожалуйста. Я не могу это вынести, — меня трясет, я пытаюсь вырваться из его рта, но он только, кажется, сильнее напирает на меня. Я слышу, как он рычит что-то напротив моего клитора, что, я не могу понять, заставляя меня трясти еще больше. — Чёрт! — кричу я.

Шлепок! Одной из рук, держащих меня за задницу, Папочка шлепнул меня по бедру, заставляя меня кричать от болевого шока.

— Смотрите, что сказал этот грязный грёбаный ротик. Это не то, что говорят маленькие девочки. Ты заплатишь за это позже. Теперь успокойся и дай мне насладиться этим восхитительным ужином, который для меня подготовила.

— Прости меня. Я просто не могу. Это... это просто... — бормочу я, не в состоянии подобрать слова или даже составить полное предложение.

— Я знаю детка. Папочка позаботится о тебе. Откинься назад и раскрой свои бёдра шире для меня. Позволь мне позаботиться о тебе. Раньше у меня никогда не было девственной киски, и я буду наслаждаться каждой каплей сока, которая вытекает из этого маленького влагалища.

Бесстыдно, я открываю их настолько широко, насколько могу, и Папочка снова нападает на меня. На этот раз он медленно проводит языком вперед и назад. Я не уверена, что мне нравится больше всего, но это сведёт меня с ума.

— Пожалуйста. Пожалуйста, я не смогу больше, — прошу.

Когда я чувствую, что он отрывается от меня свой рот, я смотрю на него сверху вниз.

— Как я теперь смогу отказать этой маленькой сладкой кисочке? — нагнувшись, он сильно засасывает мой клитор. Мои внутренности мгновенно сжимаются, и я чувствую, как взрыв пронзает меня.

Он сдвигается и скользит рядом со мной на кровати. В груди у меня немного страха, что он может уйти. Я не могу вернуться к тому, что было раньше. Если он начнет действовать так же, как в последние несколько лет, я не думаю, что смогу пережит это. Я вскакиваю на бок, когда чувствую, как он поднимается с кровати, и я наблюдаю, как он выходит из комнаты. В моем горле образовывается ком и глаза начинает неприятно жечь.

Внезапно я слышу звук проточной воды на расстоянии. Спустя несколько мгновений он вернулся и поднял меня на руки, а я и без того маленькая ростом, будто уменьшилась в два раза.

— Я пытался очистить тебя, как мог, но, похоже, что тебе придется искупаться.

Пронеся меня в ванную, он посадил меня в гигантскую ванну, наполненную водой. Я оглядываюсь, ища какие-то следы, что могла оставить здесь другая женщина. Это было импульсивно. К счастью, я ничего не вижу.

Папочка проводит руками между моих ног и слегка дергает меня за волосики.

— Мне нужно побрить твою киску. Я хочу, чтобы она была красивой и обнаженной, чтобы она чувствовала каждое мое прикосновение.

Нагнувшись, он убирает мои волосы с моего лица, изучая меня на мгновение.

— Что не так, детка? Тебе не нравится то, что мы сделали? Тебе не хотелось позволять мне играть с твоей симпатичной маленькой киской?

Я бросаю свой взгляд, не желая, чтобы он увидел, что я собираюсь плакать, но я всё равно всхлипываю.

— Просто... я не смогу вернуться к тому, что было раньше.

— Т-с-с, Хейли. Этого не случится, — глубоко вздохнув, он говорит. — Я рад слышать, что ты хочешь этого, потому что я не собирался отпускать тебя. Твоё согласие упростит ситуацию. Я действительно не хотел ставить замки на окна. Но сейчас я не хочу думать обо всём этом. У нас впереди тяжелая битва, и я думаю, что ты достаточно пережила на сегодня.

Его слова заставляют меня расслабиться и почувствовать некоторую уверенность.

Взяв мыло и мягкую ткань, он начинает растирать моё тело и смывать пузырьки. Затем он берет шампунь и начинает намывать мои волосы.

— Откинь голову назад. Я не хочу, чтобы пена попала тебе в глаза, — сев, я наклоняю голову назад, позволяя ему позаботиться обо мне. Я не помню, когда последний раз чувствовала что-то настолько особенное — почти заветное.

Когда все мыло быломыто с моих волос, он поднял меня и посадил на край ванной рядом с раковиной.

— Я хочу, чтобы ты откинулась на зеркало, подвинула свою задницу к краю и раздвинула ноги, — делая, как говорит Папочка, я позиционирую себя для него. Вставая между моими ногами, он опускается на колени, и его лицо становится на один уровень с моей киской.

— Передай мне бритву и крем, что лежат рядом с тобой, дорогая, — говорит он.

Глядя налево, я хватаю их и вручаю ему.

Папочка скользит пальцем по моим нижним губкам, и мои бёдра поднимаются, пытаясь заставить его коснуться глубже.

— Сейчас не время, чтобы жадничать, малышка. Ты получишь только то, что даст тебе Папочка. Если будешь себя хорошо вести, возможно, я больше не шлепну тебя, как когда ты прокричала «чёрт».

Надуваясь, я повторяю:

— Вот счастье-то. Я надеялась, что ты забыл. Ведь у стариков часто шалит память, — дразню его.

Он поднимает бровь, и принимает игривый взгляд.

— Это так, пострел?

Схватив меня, он начинает щекотать мои бёдра, до такой степени, что мне кажется, что я могу опасться. Я кричу:

— Прости, Папочка! Я буду хорошей, обещаю. Пожалуйста, остановись!

— Хорошо, малышка, на сей раз прощаю. И, наверное, лучше всего, чтобы эти губы хранили молчание до поры до времени.

Уильям

Я широко раскрыл ноги Хейли, открыв её сладкую киску. Я облизываю губы и рычу, по-прежнему испытывая наши общие оргазмы во рту. Я вздыхаю и концентрируюсь на задаче передо мной. Наношу крем для бритья на всю её молодую, узкую киску, и мой жесткий член пульсирует. Хейли немного хихикает, и это так невинно и мило, что из кончика моего члена выделяется первая капля предсемени.

Никогда в жизни я не страдал из-за кого-то. Конечно, каждый мужчина имел случайную женщину, называвшую его «папочкой» в разгар момента, но я никогда не хотел принимать эту роль на полный рабочий день. Чистота Хейли не просто сексуальна, это её защищенное существование. Она не просто наивна в сексе и в знании своего тела, но и в жизни. Я не хочу, чтобы Хейли была моим ребенком. Я хочу быть мужчиной, который покажет ей мир. Я хочу, чтобы она превратилась в женщину рядом со мной. Мои собственные эгоистические потребности – вот что меня мотивирует. Я хочу сделать всё для неё. Дать ей всё. Сделать её только моей. Мои сексуальные желания темны, и я должен чувствовать себя виноватым в том, как долго я хотел её, но не чувствую. Я хочу быть тем, кто поддержит Хейли сейчас, когда она совершеннолетняя. Я хочу быть тем, у кого она попросит член. Я хочу, чтобы она умоляла меня дать ей кончить, дать ей освобождение, дать ей дышать, жить. Я чувствую, как накалился воздух.

Я тщательно брею Хейли, наслаждаясь её легкой дрожью, будучи очень внимательным, подбивая у её маленькой розовой задней дырочки, там у неё мало волос. Отсутствие волос способствует ускорению процесса проникновения. Я планирую быть в её киске больше, чем она планирует моргать. Да и не только в киске.

— Сдвинься немножко, малышка, я омою тебя.

Я встаю и ополаскиваю её. Я смотрю на все её тело, любя каждый дюйм его.

— Боже мой, Хейли, ты такая красивая.

Она опускает голову, и я вижу, как на её щеках расцветает румянец. Я поднимаю её подбородок и заставляю её смотреть на меня.

— Я хочу, чтобы ты смотрела мне в глаза, когда я буду говорить тебе это. Я никогда не буду врать тебе. Я никогда не скажу тебе то, что я не имею в виду. Ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел в своей жизни. Мне повезло, что мне позволено трогать тебя. Твоё тело идеально. Я хочу попробовать твой каждый изгиб, каждый дюйм.

Она улыбается мне, как будто я её личный Бог, и это ещё больше повышает моё эго.

Я завершаю ополаскивание её киски и немного играю с её клитором, прежде чем стащить с бортика. Она стоит передо мной, совершенно голая, с небольшими каплями воды, цепляющимися за губки её киски. Я такой твердый.

Я опускаюсь на колени и откidyваюсь назад к прилавку.

— Папочка, — шепчет Хейли, и я знаю, что она краснеет. Моя скромная маленькая девочка вернулась, и это заставляет меня чувствовать себя ростом в десять футов (*прим. переводчика: около трех метров*). Я чувствую себя зверем, и отсутствие контроля над моим членом продолжает таранить мои штаны. Я с улыбкой смотрю на неё.

— Папочке необходимо еще раз попробовать тебя. Мне нужна моя нежная киска, пока мы расслабляемся.

— Хорошо, — шепчет она. Опять этим проклятым голоском.

Я раздвигаю её бедра, и она сдвигается вперед всего на дюйм. Она знает, что должно произойти, это будет приятно, но она смущена тем, насколько она этого хочет.

— Положи эту киску на рот Папочки, Хейли. Покажи мне, как сильно ты этого хочешь.

С небольшим стоном она раздвигает ноги немного шире и подвигает свою попку на край, чтобы приблизить это сладкое влагалище ближе к моему лицу. Я почти умираю при виде её розовой киски, истекающей мёдом.

Я поднимаю руки вверх по её пышным бёдрам и круглому животику. Хейли моя пышечка, и я никогда не смогу насытиться. Я кусаю её за складочку в нижней части её живота, когда мои руки пробираются к её сиськам. Они переполняют мои большие ладони, и я продолжаю лизать её животик, пока сжимаю её соски пальцами. Её бедра ритмично вздрагивают, Хейли приподнимает их в воздух, пытаясь найти то, что может к ней прикоснуться. Моя маленькая девочка такая жадная.

Я опускаю голову и начинаю сосать пухлые розовые губки её киски. Я всасываю одну в рот и отпускаю с чмоканьем. Я делаю то же самое с другой губкой, и, чёрт возьми, я вижу, как сливки стекают по её ногам. Её девственная киска просто течёт соками, и я не могу дождаться, чтобы вылизать все.

Я продолжаю сжимать её большие сиськи и тянуть за соски, пока двигаюсь к её клитору, чтобы слегка пососать его. Я так сильно хочу запустить свои пальцы в её киску, желая почувствовать, насколько она узкая, но я уже решил, что первое, что войдет в её узкое девственное влагалище – мой член. Я хочу, чтобы мой член прорвал её девственную плеву, чтобы её киска приняла форму моего члена, потому что это будет первое, что она когда-либо узнает.

Я теряю контроль, когда начинаю пожирать её, пить её соки и слизывать дорожку её сладости, стекающую по её ногам. Я ем её, как будто она моя последняя еда. Я вставляю свой нос в её дырочку, закрывая щеки её половыми губками. Мне нравится возбужденный маленький вздох, который она издает, когда моя щетина трётся об её клитор.

Как только моё лицо покрыто её запахом, я перестаю играть и нападать на её киску, как будто это моя работа. Я хватаю её за ногу и кладу себе на плечо, мои руки сжимают её попку, шире раздвигая сочные половинки. Я вытягиваю её бедра вперёд, и мой язык находит её сладкий, совершенный, нетронутый бутон розы. Я лижу её с единственной чёртовой целью. Я хочу, чтобы она кончила с моим языком в её попке. Я протягиваю руку и массирую её клитор.

— Папочка! — кричит она, когда мой язык впервые проникает в её тёмное mestечко. Я ничего не говорю, потому что это не дискуссия. — Папочка, — снова говорит она, на этот раз со стоном. Мне не нужно её разрешение, чтобы попасть в её попку, но приятно знать, что она согласна.

Звуки, которые она издает, ощущения моего языка в её сладкой дырочке, запах соков её киски, покрывающих моё лицо, и ощущение её жесткого клитора под моими пальцами выбрасывают меня за грань моего контроля.

— Папочка, пожалуйста, заставь мою киску мурлыкать.

Это все, что нужно, чтобы я кончил в штаны. Я начал трахать воздух, как чертова животное, не в силах остановить поток выплескивающейся спермы. Я кончаю и кончаю, и не могу оторваться от её задницы, пока её киска вжимается в моё лицо, заливая его своими соками, а её крики эхом заполняют всё пространство ванной комнаты. Её киска всасывает моё лицо, и я понимаю, что Хейли руками схватила меня за волосы на затылке, прижимая ещё сильнее, как будто я мечтаю покинуть её теплое, идеальное mestечко.

После того, как оргазм отпускает Хейли, я отрываюсь от её истерзанной дырочки и, сняв её ногу со своего плеча, откidyваюсь назад.

— Позволь мне помыться, и потом придумаем что-нибудь на обед.

Мне нравится застенчивая улыбка, которую она дарит мне, когда видит, как пропитана передняя часть моих штанов. Я наклонился и быстро поцеловал её в губы.

— Да, маленькая Хейли, это твоя сладкая сердцевина заставила меня кончить в штаны.

— Это плохо?

— Нет, это просто означает, что я потерял контроль, но это было потрясающе. Ты была такой хорошей девочкой.

Она мягко кивает головой и всё ещё улыбается, когда я беру её за руку и отвожу обратно в спальню. Я сажу её на край кровати, и иду к шкафу, чтобы взять какую-нибудь одежду. Я бросаю чистую одежду на кровать и снимаю рубашку. Хейли наблюдает за мной, и я вижу её голодный взгляд, который блуждает по моему торсу, и этот чертовски розовый язык облизывает её губки.

— Можешь смотреть малышка, но не трогать.

— Разве я не могу к тебе прикоснуться, Папочка?

— Не сегодня. Сегодня мы пообедаем, поговорим немного, а потом поспим.

Она кивает в согласии, и мне нравится, что она не задает лишних вопросов. Я планировал объяснить, как будет складываться наша дальнейшая совместная жизнь, и если она будет прилежной, то наше будущее сложится наилучшим образом.

Я расстегиваю ремень и стягиваю свои испорченные джинсы. Я вижу, как она наблюдает за каждым моим движением. Я одновременно снимаю джинсы и боксёры, и вижу как её глаза расширяются, когда мой жесткий член выскакивает. Я использую своё испачканное нижнее бельё, чтобы стереть остатки спермы вокруг своего члена, и она наблюдает всё это время.

— Он всегда такой? — тихо спрашивает она.

Мой член дёргается вверх и вниз в шумном «да».

— Нет, не всегда. Сейчас он твёрд, потому что я ещё не вошел в тебя. Как только Папочка засунет свой большой член в твою узкую розовую киску, он немного расслабится. Но до тех пор он останется таким.

— Ты засунешь... свой...

— Если ты хочешь спросить об этом, тогда спроси, малышка. Скажи «член».

— Папочка, ты засунешь свой член в мою киску?

Её застенчивый румянец станет моей смертью. Требуется каждая унция контроля, чтобы не пронзить её киску в эту секунду.

— Не сегодня. Но да, я похороню его в тебе завтра.

Я вижу, как её бедра слегка сдвигаются, когда я говорю это ей. Я знаю, что она мокрая, и всё ещё чувствую запах её киски на своём лице. Я оставляю свою нижнюю бельё и надеваю короткие шорты. Я хочу, чтобы она увидела мою эрекцию, пока я хожу. Я хочу, чтобы она знала, как сильно хочу её. Насколько сильно хочу её. Только её. Я также снимаю свою рубашку, чтобы чувствовать её сиськи напротив меня.

Я беру её руку и стаскиваю с кровати. Когда она встает, я замечаю мокре пятно, которое она оставляет на простынях. Я тяну её к себе и поворачиваю, чтобы она могла посмотреть на него.

— Посмотри на мокре пятно, маленькая Хейли. Посмотри, что ты оставила на кровати. Твоя истекающая киска оставила след, говоря мне, как жадна она до члена Папочки.

Я чувствую, как жар поднимается к её щекам, когда я говорю ей это. Я хочу смутить её, сделать её застенчивой. Чувство, которое пронзает меня, настолько мощно, что я наверно смогу поднять машину одной рукой.

— О нет! Мне так жаль. О, Боже!

— Т-с-с. Это нормально. Я просто хочу, чтобы ты увидела, что оставила для меня. Видишь, как сильно ты хочешь, чтобы я трахнул тебя?

Она кивает головой, пока я провожу рукой по животу к её истекающей сердцевине. Я потираю свой жесткий член об её попку, и она толкается в ответ. Я погладил её клитор несколько раз, достаточно, чтобы держать её на грани. Я улыбаюсь, когда отступаю и провожу её по коридору на кухню.

Я сажу её на прилавок и раздвигаю ноги. Она издает небольшой протест, и я полагаю, что из-за холода гранитной поверхности. Я поворачиваюсь, чтобы открыть холодильник, и она начинает сдвигать ноги вместе.

Я издаю тихий рык, и снова раскрываю её ноги.

— Я хочу видеть эту киску, пока кормлю тебя. Киска моей малышки всегда должна быть открыта для её Папочки.

Я готовлю легкую закуску, потому что мать его не могу сконцентрироваться на чем-то посерьёзнее. Я жарю омлет, пока она наблюдает за мной. Она ничего не говорит, но я вижу, что в её голове возникают вопросы.

Когда я заканчиваю приготовление нашего простого ужина, я, несу малышку в столовую, и кладу обе тарелки во главе стола. Я сажусь, а потом сажаю Хейли боком к себе на колени. Я добираюсь до её ног и вытаскиваю свой член, поправляя его, чтобы он поместился между её бедер и надавливал на влагалище. У меня нет никаких намерений, сделать больше, чем это, я просто хочу, чтобы мой член был рядом с этой сладкой киской.

— Теперь, Хейли, давай поговорим.

Она кивает, когда я кормлю её кусочками омлета, стоном выражая своё наслаждение. Она мягко потирается своей киской о мой член, и я улыбаюсь её усилиям, но не хочу двигаться, чтобы поощрять это. Её голодный жест просит меня об этом, но я доволен тем, как она себя чувствует рядом со мной.

— Внимательнее, Хейли, или уберу твою новую игрушку.

Она мило надувает губки, заставляя меня засмеяться.

— Да, Папочка.

— Хейли, ты знаешь, почему я привел тебя сюда и сделал с тобой все эти вещи?

— Потому что я подвергла себя опасности на вечеринке, и ты защищал меня?

— Да, это часть причины, по которой ты оказался здесь. Но моё решение взять тебя физически и, наконец, сделать своей, было чем-то, с чем я боролся много лет.

Я тяжело вздыхаю, пока продолжаю её кормить и пытаюсь объяснить, не увиливая.

— Хейли, я полюбил тебя как свою дочь с того дня, как ты родилась. Я смотрел, как ты превращаешься в молодую девушку, а затем в молодую женщину. Я никогда в жизни так ни о ком не думал. Я не мог смотреть на другую женщину годами. Я не трогал другую женщину годами. На твоей сладкой шестнадцатой вечеринке в бассейне я увидел, как упал твой купальник, и не смог остановить свои чувства, переходя от отцовских к сексуальным.

Я делаю ещё один глубокий вдох и раскрываю всю полноту моей развращённости.

— Я хочу только тебя, Хейли. Я знаю, что ты всегда наблюдала за мной. Я знаю, что ты всегда фантазировала обо мне. Я видел все те взгляды, которые ты бросала на меня годами. Но я никогда не позволял себе видеть тебя таким образом. До тех пор. Как только я разрушил эту стену и увидел тебя в сексуальном свете, поворота назад уже не было. Я хочу владеть тобой. Я хочу быть мужчиной в твоей жизни. Я хочу быть тем, кто сделает из тебя женщину, а также тем, кто поможет тебе вырасти. Я хочу, чтобы ты пошла в колледж и выбрала карьеру, если это то, что ты хочешь сделать. Я хочу присутствовать в каждом аспекте твоей жизни. Я хочу быть женщиной, который будет ждать тебя у алтаря, а не тем, кто будет тебя туда вести. Я хочу быть тем, кто подарит тебе детей, когда ты будешь готова, и я хочу, чтобы твоя жизнь была тесно переплетена с моей.

Её глаза так велики от моего признания, что я не знаю, о чём она думает.

— Хейли, я не хочу тебя пугать, но поскольку ты так молода, а я намного старше, это будет проблемой для многих людей. Это может потенциально испортить нашу дружбу с твоим отцом и ваши с ним отношения. Тебе не обязательно принимать решение прямо сейчас, но мне нужно, чтобы ты знала, что мои намерения не чисты. Я хочу, чтобы твои решения были приняты в угоду мне. Я хочу быть твоим Папочкой навсегда. Я тверд в своих желаниях, и я думаю, что справедливо позволить тебе решить, насколько тверда ты сама в своих желаниях, и как далеко ты готова зайти.

Я останавливаюсь и проникновенно вглядываюсь ей в глаза, держа её лицо, чтобы она не упустила ничего, что я собираюсь сказать.

— Я собираюсь взять твоё тело, как мужчина берет женщину. Я собираюсь затрахать тебя до смерти, а затем вернуть к жизни. Я навсегда завладею тобой физически, но я также прошу твоего сердца. И этого не изменить. Твоя непорочная вишенка будет моей. Но решение покинуть меня или остаться после этого зависит от тебя.

Хотя я и сказал, что позволю ей уйти завтра, если она захочет, но уверен, что не позволю этого. Я сделаю всё, чтобы попытаться заставить её оставаться по собственной воле. Но если придётся, то я привяжу её попку к кровати и буду следить за тем, чтобы она жаждала того, что только я могу ей дать.

Она открывает рот, чтобы что-то сказать, но я поглаживаю её губы.

— Т-с-с. Не отвечай сейчас, моя милая Хейли. Это был большой день, и пришло время спать.

Я немного открываю её бедра и убираю свой жёсткий член, теперь покрытый её сладким кремом. Она издает небольшой протест, и я улыбаюсь. Мне нравится, как сильно её тело жаждет меня. Я встаю и веду её в спальню, оставив грязные тарелки на столе. Моя экономка уберет их утром.

Когда мы добираемся до спальни, я аккуратно кладу её на кровать. Сам снимаю шорты и ложусь сзади. Повернувшись назад, я выключаю лампу, повергая комнату во тьму. Когда я притягиваю её к себе, её пышная задница отталкивается назад, и мой член скользит прямо между её изгибами, и я чувствую головку своего члена прямо напротив её клитора. Вся моя длина скрыта в ней, и я улыбаюсь. Я обхватываю её сиськи, и закрываю глаза в полном удовлетворении.

— Я люблю тебя, Папочка, — тихо шепчет она, и я чувствую, как она засыпает в моих руках.

Наконец-то. У меня наконец-то есть всё, чего я когда-либо желал. Мне просто нужно выяснить, как удержать её в своих руках навсегда.

Глава 5

Хейли

Я просыпаюсь поверх папочки Уильяма, и это вызывает поток воспоминаний с предыдущего дня. Соскользнув в сторону, я кладу подбородок на руку, чтобы лучше его изучить. Он выглядит таким расслабленным, каким я не видела его очень давно. После того, что он сказал мне прошлой ночью, я поняла, что сама была причиной его напряжения, когда он был рядом со мной. Моё сердце сжало словно прутьями, когда я услышала, что он тоскует по мне, как он думал, что не сможет получить меня, это также наполнило меня радостью. Уильям хочет быть моим. Он хочет, чтобы я была его во всех отношениях. Я тоже этого хочу. Часть меня думает, он не хотел, чтобы я рассказывала ему, что почувствовала прошлой ночью, так как он боялся того, что я могу сказать. Я не позволю ему думать, что не хочу все то, что он мне предложил.

Опустив взгляд, я вижу, что он твердый. Мне еще не приходилось прикасаться к его телу. Я понятия не имею, что делать, но я хочу показать ему, что он мне нужен так же, как и я ему. Взявшись за простынь, я медленно стаскиваю её с тела Папочки. Я провожу руками по его крепкому животу, наслаждаясь ощущением его мягких волос в своих ладонях. Неуверенно я обхватываю его член и скользжу рукой вверх и вниз.

— Хейли, — он произносит мое имя шатким, грубым голосом, который заставляет меня поднять глаза, и встретить его взгляд. Он такой жёсткий, но кажется, ему нравится то, что я делаю. Я скользжу рукой по его длине еще несколько раз, и он награждает меня тихим стоном.

— Тебе придется крепче сжать свою маленькую руку вокруг моего члена, если хочешь получить сперму Папочки.

— Покажи мне, — шепчу я. Мои слова звучат уверенно, но на самом деле это не так. Я должна показать ему, что я этого хочу. Это нужно мне. У меня нет сомнений в том, чего я хочу. Я просто неопытна, и не знаю, как правильно действовать. Наше притяжение взаимно, и я готова уступить ему. Его потребность владеть мной и заботиться обо мне соответствует моей необходимости заботиться о нём и поклоняться ему.

Дотянувшись до моей ладони, он обхватывает её своей рукой и сильно сжимает. По сравнению с его, мои предыдущие попытки кажутся более хрупкими и. Его движения крепкие и увереные, в то время как мои были мягкими и слабыми.

Пока я продолжаю сжимать и гладить, его дыхание учащается. Он начинает стонать громче. Он начинает выгибать спину, и я понимаю, что ему это нравится. Всё, что я могу слышать, это его стоны. Позволив мне действовать самостоятельно, он отпускает мою ладонь и тянется к моей груди. Я все еще голая с прошлой ночи и полностью открыта для него. Он начинает играть с моим соском, пощипывая его, и я чувствую, как импульс стреляет прямо в мой клитор. Я так взволнована его реакцией на меня. Мне нравится иметь способность заставлять его чувствовать себя так же хорошо, как он заставляет меня чувствовать.

— Вот так, поработай над членом Папочки, — поощряет он.

Ускоряя свои движения, я вижу, как выделяется капелька жидкости на кончике его члена. Как и вчера, меня тянет слизать её, попробовать его вкус. Что бы он подумал, если бы я быстро лизнула его? Мне понравилось, когда он делал это со мной. Это доставит ему такое же удовольствие? Наклоняясь вперед, я одним быстрым движением облизываю его влажный кончик, смакую его соленый привкус.

— Продолжай, — говорит он. — Продолжай. — Я открываю рот, и облизываю его головку снова и снова. — Возьми его до конца, — хрипит он. — Я хочу почувствовать, как эти губы растягиваются на моем члене.

Я опускаюсь ниже, беру его, пока не чувствую, как кончик его члена упирается мне в горло.

— Чёрт возьми! У тебя нет рвотного рефлекса? Бл*дь. Я знал, что ты идеальна. Чертовски слишком идеальна.

Его слова только воодушевляют меня, заставляя меня сосать сильнее и быстрее. Чем сильнее я сосу, тем громче он, кажется, стонет, заставляя мою собственную потребность, расти. Я чувствую влажность, выделяющуюся между моих ног и стекающую по бедрам.

— Ты готова к сперме, ради которой так усердно трудилась? Ты будешь пить до последней капли. Не позволяй ни одной капле соскользнуть с этих губ. Ты меня слышишь? Я отшлепаю твою маленькую киску, если ты это сделаешь.

Мысль о том, что Папочка отшлепает мою киску, заставляет меня стонать с его членом во рту. Покачав головой, чтобы он понял, что я понимаю его команду, я продолжаю сосать так сильно, как только могу. Папа быстро хватает меня за голову, удерживая на месте.

— Чё-ё-ёрт, — ревет он. Я чувствую, как горячая жидкость ударила по моему языку, и глотаю так быстро, как могу, чтобы угодить ему. Когда его оргазм утихает, я облизываю последние капли. Я смотрю на него и не могу скрыть жар, который охватывает моё лицо. Отстранившись, я начинаю карабкаться по его телу. Я скользжу так, чтобы оседлать его бедра.

— Ты понимаешь, что только что решила свою судьбу, малышка, верно? Я ни за что не отпущу тебя после этого. Я буду просыпаться с тобой, работающей над моим членом каждое грёбаное утро.

Небольшое хихиканье срывается с моих губ.

— Хорошо, потому что я никуда не пойду. Я именно там, где хочу быть... с Папочкой.

Подняв голову, он ловит мои губы, скользя языком в мой рот длинными медленными движениями. Я все еще так нуждаюсь в нём, что не могу контролировать себя, и начинаю тереться об его бёдра.

— Твоя киска жаждет внимания? — спрашивает он.

Потираясь вверх и вниз по его бедру, я прикусываю губу, показывая ему самое грустное лицо, которое могу.

— Пожалуйста, ты мне так нужен, что становится больно, — я надуваю губки.

— Подожди. Я хочу убедиться, что твои сочные бедра покрыты твоими сладкими сливками.

Поднявшись, я откидываюсь назад, и он кладет руку мне между ног, мягко поглаживая мой клитор, заставляя мои бедра двигаться на встречу.

— Не двигайся, чтобы я мог позаботиться о тебе, — требует он более твёрдым голосом, чем несколько минут назад. — На этот раз он раздвигает губы моей киски. — Теперь сядь. Я хочу почувствовать этот маленький клитор прямо на моём бедре.

Я опускаюсь вниз, чтобы мой опухший центр прилегал к его бедру, и мой клитор ощущал каждую его часть.

— Теперь ты будешь кататься на мне, пока я смотрю, как твои красивые, пышные груди подпрыгивают, — чувствуя себя немного застенчиво, я медленно начинаю раскачиваться взад-вперед. Приподнявшись, Папочка поочередно посасывает мои соски, и я слышу свой громкий стон. — Вот так. Оседлай меня. Боже, ты так чертовски красива. Я не могу дождаться, чтобы увидеть, как ты скачешь на мне с моим членом глубоко в твоей узкой киске. Мне повезёт, если я продержусь одну чертову минуту, — рычит он.

Двигаясь быстрее, я чувствую приближение моего освобождения.

— Так близко. Я так близко, Папочка, — он встает, обхватив меня одной рукой, а другой, схватив мои волосы, и крепко целует меня. Вот и все, что нужно, пока я кричу ему в рот, высвобождая свое удовольствие.

— Ладно, малышка, пора идти, — говорит Папочка Уильям, когда выскользывает из-под меня, оставляя меня безвольной, но полностью удовлетворенной в центре кровати.

— Но я не думаю, что смогу пошевелить даже пальцем, — проскулила я, натягивая простынь на свое тело.

— Я так не думаю. Нам нужно двигаться. Немного солнечного света будет тебе на пользу, — говорит он через плечо, подходя к окну, чтобы отодвинуть шторы. Комната заливается таким количеством света, что аж глазам больно.

— Ты такой сердючка! — поддразниваю я, бросая в него подушку так сильно, как только могу, а потом прячусь под простыни. Я защищена простыней только на несколько мгновений, пока он не срывает её с меня и не отрывает от кровати.

— Я бы подарил тебе небольшую порку за это, но думаю, что мы и так прожгли слух Марии достаточно для одного дня, и твой отец скоро будет здесь.

— Кто такая Мария? — спрашиваю я. Я смотрю на него, чтобы он увидел мою тревогу, когда имя другой женщины исходит из его уст. Особенно имя, которое я никогда не слышала раньше.

— Чёрт, ты чертовски милая, когда пытаешься выглядеть серьезно. Не беспокойся, дорогая. Мария — домработница, и я уверен, что ей интересно, что, черт возьми, происходит. Так что неси свою сладкую маленькую задницу в душ и жди меня на кухне.

— Значит, я не могу уговорить Папочку помочь мне помыться? — почему-то мне не хватает его. Я даже не хочу принимать душ в одиночестве.

Рыча, он хватает меня за бёдра, притягивая к себе.

— Мне нравится, твоя застенчивость. Поверь мне, я не хотел бы ничего больше, чем пойти с тобой в душ, чтобы ты вымыла мой член начисто, но я, черт возьми, не хочу,

чтобы твой отец появился в то время, когда я держу его дочь на коленях, с моим членом во рту.

Шлепнув последний раз по попке, Папочка подталкивает меня к ванне.

Я тороплюсь сделать это как можно быстрее, не трогая голову, пока принимаю душ, потому что нет необходимости снова мыть их после того, как Папочка сделал это прошлой ночью. Как ни странно, мысль о том, чтобы мыться самостоятельно, меня немного огорчает. Я быстро привыкаю к нему, но это так естественно, так правильно.

Используя зубную щетку Папочки, я чищу зубы, а затем бросаюсь в спальню, чтобы найти одежду. К счастью, на стуле, я нахожу стопку одежды, которую кто-то для меня подготовил. Я быстро одеваюсь в розовый сарафан с белыми хлопковыми трусиками и иду на кухню, ничего не обув на ноги.

Когда я захожу на кухню, Уильям сидит за барной стойкой и что-то печатает на своем ноутбуке, а пожилая женщина готовит у плиты.

— Доброе утро, малышка, — говорит Уильям, отрывая взгляд от своего ноутбука. Прежде чем я могу ответить, женщина визжит при виде меня и, подбежав, крепко обнимает.

— Вы должно быть Хейли! Причина, по которой мистер Дарклинг не может избавиться от этой улыбки на лице!

Я краснею.

— Да, я Хейли, но я уверена, что он всё время улыбается.

Освободив меня и слегка рассмеявшись, Мария возвращается к плите, чтобы перевернуть бекон.

— Ну, я позволю тебе и Марии познакомиться. Я собираюсь быстро принять душ, пока твой отец не приехал сюда.

Наклоняясь к моему уху, он шепчет:

— Я не хочу смыть те соки из киски, которыми ты покрыла мои бедра этим утром, но я не могу сесть с твоим отцом за стол, зная, что я пахну тобой.

— Да... эм... Уильям! Не могу поверить, что ты это сказал! — я отталкиваюсь от него.

Его лицо внезапно становится смертельно серьезным, заставляя мой живот сжиматься.

— Хейли, слушай сейчас и слушай хорошо. Если мы собираемся сделать это, то мы сделаем. Я пойму, если ты не захочешь называть меня «Папочка» публично. Или, перед твоим отцом, если это заставляет тебя чувствовать себя неловко, это тоже хорошо. Мы придумаем что-нибудь, когда наступят эти времена, но здесь, в нашем доме, ты называешь меня «Папочка» и не будешь стыдиться или смущаться по этому поводу. Если кому-то не нравится, как мы живем, он может покинуть наш дом в любую минуту.

— Аминь! — слышу, как Мария говорит у плиты.

— Наш дом, Папочка? — спрашиваю я.

— Чёрт, да, наш дом. Разве я не прояснил это раньше? Ты моя, а я о тебе заботчусь.

— Что если мой отец попытается заставить меня уйти с ним? — шепчу я, испугавшись этой мысли.

— Я никому не позволю забрать тебя у меня. Я пытался держаться подальше от тебя, малышка, но я никогда не хотел другую женщину так, как хочу тебя. Я буду владеть каждой частью тебя. Я буду бороться с кем угодно, чтобы удержать тебя и уничтожить любого, кто встанет у меня на пути. Ты. Моя.

Наклоняясь, он глубоко и влажно целует меня, проникнув руками под мой сарафан, чтобы погладить мой клитор через мои белые хлопковые трусики. Я забываю, что кто-то еще находится в комнате, пока не слышу, как Мария прочищает горло.

— Я вернусь через десять минут. Постарайся уберечь её от неприятностей, Мария. Не позволяй этому милому лицу обмануть тебя, — говорит он, направляясь по коридору к

своей спальне. К нашей спальне. Интересно, позволит ли он мне покрасить её в розовый цвет? Хотя, зная свое влияние на этого мужчину, думаю, что покраска, это только вопрос времени. Могу поспорить, у меня будет эта комната розового цвета к концу недели.

— Что заставило тебя улыбнуться, Хейли? Мистер Дарклинг был прав? Ты уже что-то задумала? — спрашивает Мария, когда начинает вытаскивать еду из плиты и заполнять тарелки.

— Может быть, парочка идей. Девочка должна держать своего Папочку в узде, — я краду кусок бекона со стойки, засовывая его в рот.

— Ну, я думаю, что ты именно то, что нужно мистеру Дарклингу. Я не видела его таким счастливым... ну, я даже не помню сколько. Приятно видеть, как кто-то наполняет этот дом смехом. Я поначалу решила, что это совершенно другой человек.

Понимая, что у меня есть несколько минут, чтобы, возможно, посплетничать о моем Папочке, я пользуюсь этой возможностью.

— Ты имеешь в виду, что здесь больше никого нет? — я пытаюсь создать впечатление, будто веду общий разговор, но взгляд, который бросает на меня Мария, говорит мне, что она поняла мой замысел.

Глубоко вздохнув, Мария ставит кастрюлю на плиту, поворачивается, и смотрит прямо на меня.

— Я работаю на мистера Дарклинга уже три года, и, кроме его еженедельной игры в покер или футбола в воскресенье, здесь никого нет. На самом деле, ты единственная женщина, которую я когда-либо видела в этом доме. Вообще. Ну, кроме меня. Понимаешь?

Кивая, я сажусь за барную стойку.

— Спасибо. Я не знаю, почему паникую. Думаю, я просто немного напугана и немного ревную к мысли, что какая-то другая женщина, возможно, была здесь, — признаюсь я.

— Обычно, я бы не стала делиться тем, чем только что поделилась с тобой, но я сделала это, потому что вижу, как вы смотрите друг на друга. Мистер Дарклинг в течение последних нескольких лет хандрил в этом доме, а сегодня я прихожу сюда, и, похоже, что он наконец-то проснулся. Я предполагаю, что именно ты разбудила его.

Я не могу не думать о том, как я действительно разбудила его этим утром, и рассмеялась.

— Не то слово.

Даря мне понимающую улыбку, Мария протягивает мне две тарелки.

— Поставь их на стол. Твой отец будет здесь в любую минуту, и я предполагаю, что у вас намечается трудный разговор. Нет смысла тянуть.

Слова Марии возвращают меня в реальность, завязывая в узел мои внутренности. Сидя за столом, я слышу стук в дверь и Уильяма, приветствующего моего отца. Через несколько минут они заходят в столовую, и мой отец обнимает меня. Я обнимаю его на несколько секунд дольше, чем обычно, на случай, если это будет последний раз. Идея не разговаривать с моим отцом и не видеть его тревогу, соблазнительна, но я не позволю ему разорвать Уильяма и меня на части.

— Хейли, я рад видеть, что у тебя всё хорошо. Я так волновался за тебя. Я был так зол на то, что случилось. Я знал, что это не твоя вина, но я просто не мог мыслить трезво, и не хотел, чтобы ты проснулась в доме, в котором на тебя напали. Уильям хорошо с тобой обращался, верно?

— Конечно, отец. Он всегда делает то, что, по его мнению, лучше для меня, — я занимаю место за столом. Уильям скользит рядом по мне, а мой отец садится напротив нас. Как будто мы уже готовимся к битве.

— Кажется, это было так давно, когда мы вместе обедали. С учётом того, что Хейли пойдет в колледж, я думаю, что таких посиделок будет в два раза меньше, — говорит мой отец.

Ну, сейчас или никогда.

— Отец, об этом. Это...

Прерывая меня, Уильям берёт меня за руку.

— Позволь мне, дорогая. Я действительно должен сказать ему это.

Взглянув на наши сцепленные вместе руки, глаза моего отца сужаются, и я вижу, как у него сжалась челюсти.

— Что, черт возьми, происходит с вами двумя?

— Прежде чем начать, я хочу прояснить, что не прикасался к ней до вчерашнего дня. Мой отец вскакивает на ноги, и я следую примеру.

— Ты что, бл*дь, предал меня? Моя дочь? Моя дочь мать твою? — кричит отец.

Уильям всё ещё сидит на месте.

— Роджер, пожалуйста, позволь мне сказать, прежде чем ты сойдешь с рельсов. Ты знаешь, как я люблю эту девушку. Это нельзя отрицать.

Сделав шаг назад, мой отец позволяет ему продолжать.

— Я знаю, что в последнее время меня не было рядом. Причина в том, что мои чувства к Хейли начали меняться. Поэтому я отдалился. Я думал, что с некоторым временем они пройдут. Но оказалось, что они не уменьшились, а только сильнее возросли.

Уильям проводит рукой по щетине на подбородке, словно пытаясь подобрать правильно слова для того, что он хочет сказать.

— Я чувствовал, что схожу с ума и, ну, я просто не могу больше с этим бороться, и не собираюсь. У тебя действительно есть два варианта, Роджер. Я хочу, чтобы ты понял, что я люблю эту девушку больше всего на свете, и я сделаю всё, чтобы она была счастлива. Вариант первый: ты можешь сорваться, мы подерёмся, и ты выйдешь за дверь без неё. Второй вариант, который, я надеюсь, ты выберешь, ты благословляешь нас и выходишь за дверь без неё. При любом раскладе, её задница останется здесь.

Слова Уильяма заставляют трепетать мой живот, и я так счастлива, что он не выпускает меня из рук. Но моё внимание сосредоточено на отце. Кажется, что проходит вечность, прежде чем он медленно садится на стул. Я тоже сажусь, выпустив задержанный вдох, о котором я даже не подозревала.

— А как насчет её будущего и колледжа? — спрашивает мой отец. — Ты забыл об этом, или тебе всё равно, Уилл? Скажи мне.

— Я буду честен, я не слишком заинтересован в том, чтобы она пошла в колледж, так что этого не произойдет. Здесь много учебных заведений, но если она выберет то, которое окажется в другом месте, я уверен, что мы сможем переехать. Я на самом деле...

Они действительно планируют мою жизнь, как будто меня не здесь?

— Привет! Я сижу прямо здесь. Чёрт возьми, разве никто не хочет узнать, что я думаю? Человек, будущее которого вы планируете? Ты, отец, сводил меня с ума, говоря, что я взрослая женщина, и пришло время вести себя соответственно!

Потрясенные моим выпадом, они просто смотрят на меня, как будто у меня выросло две головы, поэтому я продолжаю.

— Отец, как ты сказал, мне пора выйти в мир. Так уж сложилось, что мир, в который я войду, это мир Уильяма. Это моё решение, именно я его приняла. Что касается тебя, Уильям, я понимаю мотивы того, как ты хочешь, чтобы отношения сложились между нами. Я также понимаю, что твои действия основаны на том, чтобы было лучше для меня.

— Хейли...

— Малышка...

Они оба начинают говорить.

Подняв палец вверх, чтобы остановить их обоих, я заканчиваю.

— Я не хочу вдаваться в подробности, когда мой отец сидит здесь, но вы оба должны понять, что я буду там, где я хочу быть. Отец, тебе нужно понять, что Уильям заполняет ту часть меня, которая, так долго пустовала. Часть меня, которая жаждала другой жизни, чем большинство других. Ты должен быть счастлив, что я нашла кого-то, кто может дать мне то, что нужно, не используя меня в своих интересах. Я достаточно умна, чтобы понять, что наивна во многих вещах, и я знаю, что Уильям поможет мне. Все знают, что Уильям любит меня, и любил всегда. Наша любовь друг к другу многое изменила. Что касается тебя, Уильям, тебе повезло, потому что так получилось, что именно здесь я хочу быть. Так что я не вижу особого смысла в том, что вы двое обсуждаете моё будущее. Теперь, я возьму свой холодный завтрак и доем его на кухне.

Глава 6

Уильям

Я глубоко вздохнул и позволил Хейли покинуть комнату без происшествий. В любом случае мне нужно поговорить с Роджером наедине. Я просто не очень рад этому.

— Родж....

Он поднимает руку и прерывает меня. Я знаю, что это важный момент в нашей дружбе, и мне нужно отступить.

— Как долго это продолжается? — спрашивает он сквозь стиснутые зубы.

— Я никогда не трогал её до её восемнадцатого дня рождения. До вчерашнего дня, если быть точным.

— Но ты хотел прикоснуться к ней раньше.

Это не вопрос. Он говорит что-то, что мы оба знаем, но ему нужно услышать, как я это скажу.

— Роджер, я полюбил Хейли с того момента, когда увидел её ребенком. Когда Сьюзен скончалась, я знал, что всегда буду рядом с вами. Ты мне брат. Я бы никогда не воспользовался твоим доверием и не воспользовался бы ею. Давай, чувак, ты знаешь меня лучше, чем кто-либо.

— Я думал, что знаю тебя. Я столкнулся с... с... я не знаю, что это за хрень! Но я в тупике. Представь себя на моём месте. Я люблю тебя, как брата, но это моя дочь. Она ребёнок!

Я делаю еще один глубокий вдох, чтобы успокоиться. Мне нужно, чтобы он принял это.

— Я знаю, что это всё трудно принять, но ты меня знаешь. Ты знаешь жизнь, которой я живу. Я не хищник, который ищет невесту. Я люблю Хейли. Чувства, которые я испытывал к ней, изменились, когда мы оба выросли. Ты лучше всех знаешь, что я не воспринимаю любовь так легко. Я не ищу где бы переночевать. Подумай, когда ты в последний раз видел меня с женщиной? Когда ты в последний раз слышал, как я говорю о женщине? Я ждал её всю жизнь. Даже если это конец нашей дружбы, я хочу, чтобы ты знал, что это не конец для меня и Хейли. Я всегда буду любить и защищать её. Она всегда будет моим приоритетом. Я хочу, чтобы ты был в нашей жизни, и я хочу, чтобы у нас всё было хорошо, — он смотрит на меня, как будто пытается принять решение. — Роджер, ты хочешь, чтобы она стала взрослой, но я знаю, что она всегда будет твоей дочерью. Она молода и наивна, но я бы никогда ею не воспользовался. Я хочу для неё того же, что и ты хочешь для неё. Только я хочу быть тем, от кого она будет зависеть до конца своей жизни.

Я думаю, что мы оба знаем Хейли достаточно хорошо, чтобы понять, что она хотела этого гораздо больше, чем я.

Он бросает на меня еще один взгляд через стол.

— Я не знаю, о чём ты говоришь, — фыркает он.

— Ты точно знаешь, что я имею в виду. Она давала понять всем, что она думает обо мне. Годами.

— Это было ребячество.

— Роджер. Прислушайся к своему сердцу. Ты знаешь её. Ты меня знаешь. Этого не изменить. Я просто хочу твоего благословения. Я хочу знать, что когда она будет готова, и я попрошу её выйти за меня замуж, чтобы ты не вмешивался. Я связан с ней своим сердцем на всю оставшуюся жизнь, и я хочу, чтобы ты был частью нашей жизни.

Он продолжает смотреть на меня, и наконец, медленно кивает головой. Я вижу, как он принимает то, что услышал, за правду. Ему, возможно, не нравится всё это, но он, кажется, принял решение.

— Это займет время, чтобы привыкнуть. Но я доверяю тебе и доверяю Хейли.

Я киваю головой, и он идет на кухню. Перед тем, как выйти из комнаты, он поворачивается и смотрит на меня. По какой-то неизвестной причине его глаза полны грусти.

— Сьюзен всегда любила тебя как брата. Я потерял, но думаю, что если бы она была ещё жива, для неё было бы честью, если ты позаботишься о нашей дочери.

С этими словами он направляется на кухню. С того места, где я стою, я вижу, как он обнимает Хейли на прощание. Они замирают в объятиях на несколько мгновений, и я вижу, как он что-то шепчет ей на ухо. Когда он отступает, Хейли вытирает глаза. Роджер коротко кивает мне, направившись к выходу.

Хейли подбегает ко мне и обнимает меня за талию. Я понимаю, что ей нужно, и просто крепко обнимаю её. Она несколько раз всхлипывает, когда я тихо шепчу ей нежные слова и глажу её по спине. Я не спрашиваю её о том, что сказал ей отец, потому что это было только для её ушей. Я предполагаю, что она должна быть эмоционально поражена всем, что случилось этим утром.

— Ты в порядке, малышка?

Я нежно поднял её лицо и увидел слёзы в её глазах.

— Да Папочка. Я просто так счастлива.

Это вызывает улыбку на моём лице. Милая, невинная Хейли.

— Я тоже счастлив. То, что ты сказала, перед тем как покинуть комнату, сделало меня таким счастливым. Ты всё для меня, и я буду заботиться о тебе всегда. Для меня больше никого нет. Ты для меня дороже всего на свете.

Она так ярко улыбается мне. Эту улыбку я собираюсь вызывать на её лице всю оставшуюся жизнь.

— Ты поела, малыш?

Она кивает головой, и я целую её сладкие распухшие губы.

— Это хорошо, милая Хейли. Потому что нам пора в кроватку.

— Но я не устала, Папочка, — говорит она, опираясь своим пухлым телом на моё.

— Не по этой причине, детка. Я готов сделать тебя моей полностью. Пора моему члену попасть в твою киску. Папочка хочет твоей вишненки, малышка.

Красный румянец украшает её шею и щёки. Это заставляет мой член пульсировать от нужды, видя невинность, запечатленную на её коже.

Я на секунду выглядываю из-за Хейли и вижу, как Мария уходит, направляясь к входной двери. Я не уверен, что она слышала, но я чертовски рад, что она исчезнет, когда это произойдет. Я беру Хейли за руку, чтобы привести её обратно в спальню, и чувствую, как дрожат её пальцы. Я хочу, чтобы она была немного взбудоражена. Адреналин,

который она испытывает, подпитывает моего внутреннего зверя. Я готов потребовать её тело, а также её сердце.

Как только мы вошли в спальню, я вижу, что Мария уже поменяла простыни и заправила кровать. Я захлопываю за собой дверь, и Хейли немного подпрыгивает, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня огромными глазами. Я тяжело дышу, и мои ноздри раздуваются, когда я думаю о том, как собираюсь трахнуть её. Я никогда не был таким, и уж точно не был таким чертовски твердым.

— Папочка? — застенчиво спрашивает Хейли. Я вижу, что она нервничает, но это никак не успокаивает моё тело. Единственное, что у меня на уме, это трах.

— Сними платье, детка, — говорю я, поглаживая свой член через штаны. — Папочке это очень нужно. Я не могу больше ждать.

Она проводит своими маленькими дрожащими пальцами до конца платья и стягивает его через голову. Теперь она стоит только в одних белых хлопковых трусиках. Огромные сиськи, пышная талия и полные бедра. Мгновенно моя рука обхватывает её грудь, и я перестаю дышать. Она самое совершенное, что я когда-либо видел в своей жизни. Она будет доить мой член до тех пор, пока я не умру.

— Оставь трусики, малышка, и ложись на кровать. Пора.

Она убирает одеяло и садится на середину кровати. Я начинаю рвать на себе одежду, чтобы как можно быстрее раздеться. Я вижу легкую улыбку на её губах, и уверен, что выгляжу смешно в своём нетерпении. Я раздеваюсь за секунды и забираюсь на кровать. Раздвигаю её ноги, когда подползаю, и хороню свое лицо в её сладкой киске. Я чувствую запах её соков через трусики и провожу носом по её обтянутому тканью клитору. Она начинает стонать, а я делаю это сильнее, используя зубы, чтобы покусывать её нижние губки.

Я продолжаю двигаться вверх по её телу, пока не встречаюсь с её красивым лицом. Мой член прижимается к её покрытой трусиками киске, и она прижимается к нему в ответ, пытаясь насадиться на него. Я провожу руками по её щекам и опираюсь на локти, удерживая свой вес над её телом. Она подо мной как в ловушке, а её пальцы пытаются обхватить мои бедра.

— В первый раз будет больно, малышка. Но мне это нужно, и мне нужно, чтобы ты была смелой.

Глаза Хейли такие большие, и она выглядит нервной, но я знаю, что она хочет этого.

— Он такой большой, Папочка. Разве он поместится?

Я улыбаюсь ей, пока убираю её волосы с её лица. Я попытаюсь действовать медленно, но я на грани взрыва. Её невинность как моя проверка на вшивость.

— Папочка сделает всё как надо. Ты будешь хорошей девочкой для меня и позволишь мне трахнуть твою милую киску сейчас?

Она глубоко вздыхает, и я знаю, что она хочет этого так же сильно, как и я.

— Да, Папочка. Со мной всё будет хорошо. Я приму всё, что ты мне дашь.

— Я так горжусь тобой, малышка. Ты такая смелая.

Я быстро целую её в губы и наклоняюсь, чтобы отодвинуть её трусики в сторону. Она смотрит вниз с замешательством на лице.

— Папочка, ты не собираешься снять мои трусики?

— Нет, детка, я собираюсь оставить их, потому что, когда я закончу, они пропитаются соками твоей киски, и я сохраню их в качестве трофея в наш первый раз, когда я проник в тебя. Твой отец однажды сказал мне, что заставил тебя пить противозачаточные, верно?

— Да. Он испугался одного глупого поцелуя и заставил меня пойти на это.

— Как бы я не хотел знать, что ты целуешь кого-то другого, я рад, что об этой маленькой проблеме позаботились.

Я заканчиваю отодвигать её трусики в сторону и направляю головку своего члена в её плотное отверстие. Я знаю, что это причинит ей боль, но некоторые вещи стоит перетерпеть. И мне нужно быть внутри неё больше, чем мне нужно жить.

Я сосредотачиваюсь на кончике своего члена, едва проникая в её киску. Я знаю, что если я посмотрю вверх и увижу боль на её лице, я могу остановиться, и это не в наших интересах на данный момент. Смочив кончик моего члена всего лишь несколькими крошечными толчками, я вонзаюсь в неё по самые яйца.

— Боже. Чёрт, — хриплю я. Я выпустил все дыхание из своих легких. У нее — самая тугая дырочка, в которую я когда-либо засовывал свой член. Я изо всех сил пытаюсь вернуть себе дыхание и не кончить за секунду. Где-то на периферии моего сознания я слышу, как она кричит, но я не могу оторвать глаз от вида своего члена, похороненного в её киске. Я приподнимаюсь на несколько дюймов и вижу, как на моем члене блестит кровь. Это самая горячая вещь, которую я когда-либо видел. Я прижался обратно, на этот раз, ожидая смерти, которую её киска подарила мне секундами ранее. Я издал стон и начал трахать её в устойчивом ритме. Мои глаза закатились к затылку. Она слишком плотная. Попытка не потерять самообладание от необходимости искупать её киску в своей сперме — лучшее и худшее чувство в моей жизни. Борьба между тем, чтобы не кончить и не захотеть её заполнить — идеальная пытка. Моим телом овладел инстинкт, поскольку эти мысли поглощают меня, и я продолжаю толкаться.

Я, наконец, смотрю вверх, и мы встречаемся взглядами. По её лицу текут слезы. Я лежу на ней большей частью своего веса, но не делаю паузу.

— Ты в порядке, малышка? Как себя чувствует твоя киска?

Она кивает головой, но я могу сказать, что ей хорошо.

— Папочка нуждается в этом, малыш. Ты должна побывать большой девочкой немного дольше. Я позабочусь о тебе. Просто позволь мне.

Хейли мурлычет от моих слов ободрения. Я чувствую, как её боль уходит, и она, наконец, получает то, что хочет. То, чего мы хотим оба. Её бедра все сильнее двигаются мне в ответ, и она начинает стонать всё громче и громче. Моя маленькая девочка скоро кончит.

— Мой киске так хорошо. Я хочу кончить, Папочка. Можнo?

Я наклоняюсь и всасываю её сосок, в то время как моя рука натирает её сладкий комочек. Я чувствую, как её тугая киска начинает доить меня — начало её оргазма — и перестаю сдерживаться. Я вдалбливаюсь в нее так, будто это будет последним трахом, который я когда-либо получу. Она начинает кричать о своем освобождении, а я откидываюсь назад, хватая её за бедра и насаживая её на себя. Я вижу, как губки её киски обхватывают мой член как полипы. Слой пота покрывает моё тело, и я не могу отдохнуть. Я смотрю на Хейли и вижу, как она совершенна. Обнаженная, за исключением её испорченных хлопковых трусиков, её красивые покрасневшие соски, тело покрыто румянцем, наполненное моим членом, а она сама смотрит на меня так, будто я её гребаный король.

После такого взгляда я теряю себя. Я кончаю с криком, который эхом разносится по комнате. Я толкаюсь, в то время как наполняю её киску каждой каплей спермы, которую имею. Я не могу перестать кончать. Как будто её киска пытается выдоить каждую каплю, которая у меня есть для неё.

Наконец, с последним стоном я толкаюсь как можно дальше и падаю на неё сверху. Я целую её, как никогда раньше не целовал. Она целует меня в ответ так же лихорадочно. Как будто мы не можем насытиться друг другом.

— Я люблю тебя, Хейли, — шепчу я.

— Я тоже тебя люблю, Папочка Уильям, — шепчет она в ответ.

Я стараюсь не давить на неё своим весом, но она, кажется, притягивает меня ближе к себе, не желая, чтобы я отдался.

Наконец, после нескольких минут поцелуев и обнимашек, я отстраняюсь, чтобы посмотреть на результат нашей связи. Я полутордый и всё ещё в ней. Это самое удивительное чувство. Самый интимный момент. У меня только что был самый большой оргазм в моей жизни, и это самое настоящее безумие, знать, что мы можем делать это снова и снова.

— Теперь ты полностью моя, малышка. Я единственный, кто когда-либо был и будет глубоко в твоей милой маленькой киске.

Я медленно выхожу, наблюдая, как наши смешанные соки вытекают из неё. Я сдвигаю её трусики назад на её киску, чтобы пропитать их немного. Через минуту я стягиваю её трусики с её ног. Когда я вижу доказательство нашей любви на её трусиках вместе с небольшими следами её девственности, я кладу их себе на лицо и вдыхаю. Сила этого аромата заставляет меня твердеть с новой силой. Я смотрю вниз на свой напряженный член, а потом смотрю на её только что прорванную киску. Я чувствую улыбку и перевожу взгляд на Хейли, которая также улыбается.

Моя маленькая невинная девочка любит быть испачканной.

— Итак, Хейли. Что же нам теперь делать?

— Все что хочешь, Папочка.

Глава 7

Хейли

Мои слова не могут быть правдивее. Я хочу дать ему всё, что он хочет, потому что это то, что он дал мне. В прошлом году я чувствовала себя такой потерянной. Как будто мне чего-то не хватало, и я попросту не вписывалась в этот мир. Я не знала почему. Оказывается, ответ был прямо передо мной все это время.

Уильям. Мой Папочка.

Сейчас все кажется таким ясным. Я навсегда осталась его малышкой. Больше не нужно взрослеть и выходить в мир, в котором я даже не хочу быть. Я останусь здесь, окружённая его заботой. Мой отец всё время говорил мне, что мне восемнадцать, и пришло время взрослеть, чтобы начать жить своей собственной жизнью, и именно эту жизнь я выбираю.

— Перевернись, малышка, я хочу трахнуть тебя, как собачку, — говорит Папочка, заставляя меня покраснеть. Я не знаю как это вообще возможно после всего, что мы сделали.

— Но, Папочка, ты увидишь мое тайное местечко.

— В том-то и дело, малыш. Я хочу увидеть всё и поиграть с тобой. Теперь перевернись и подними свою сладкую маленькую задницу в воздух. Я всё ещё твёрдый.

Я нервно переворачиваюсь на живот и медленно раздвигаю ноги. Я чувствую шлепок и дергаюсь, оглядываясь через плечо.

— Папочка, так жжётся! — выдохнула я.

— Я сказал, подними попку, детка. Тебе нужно слушаться и делать, как я говорю, — он строго смотрит на меня, я знаю, что лучше всего поступить, как было велено.

— Да, Папочка.

Я положила лицо на подушку и подняла попку в воздух, широко расставив ноги для принятия. Я рада, что моё лицо спрятано, потому что я не хочу видеть выражение его лица. Вероятно, он смотрит на меня. Я не могу поверить, что люди на самом деле делают это.

Внезапно я чувствую его теплые губы на моей заднице, и это заставляет меня немного подпрыгнуть.

— Полегче, малышка. Папочка собирается поцеловать тебя тут, — он целует меня в ягодицы. Нежные касания медленно превращаются в поцелуй с открытым ртом. Я чувствую теплую влажность, покрывающую мою заднюю дырочку, и понимаю, что Папочка имел в виду. В последний раз, когда я кончила, он меня лизал, это было так хорошо, поэтому я раздвинула ноги чуть шире и прижалась к его рту, желая, чтобы у него был весь доступ, который ему нужен.

— О, моя милая, жадная, маленькая девочка. Ты хочешь меня в своей попке, не так ли? Я только что взял твою девственную вишенку, а ты уже хочешь, чтобы я проник в твою задницу? Боже мой, ты такая грязная девчонка.

Я немного выгибаюсь и смотрю через плечо на него.

— Ты ведь не засунешь свой член в мою попку, Папочка? Это будет больно!

— Детка, Папочка никогда не сделает тебе больно. Я буду нежен с твоей задней дырочкой. Позволь мне немного поиграть с ней, а потом подари её мне, хорошо?

Это звучит как просьба, но я знаю, что это действительно не так. Моё тело принадлежит Папочке, причём как ему угодно. Я очень нервничаю из-за того, что Папочка воткнет туда свой большой, твёрдый член, но я верю, что он знает, как лучше, а его язык так хорош, что я должна хотя бы попробовать. Я медленно киваю головой, а затем снова ложусь, прижимаясь грудью к кровати.

Когда его язык снова касается моего нижнего отверстия, я чувствую себя так хорошо, что начинаю покачивать бёдрами, как если бы его член был в моей киске прямо сейчас. Это заставляет мой клитор пульсировать.

— Прикоснись к своему маленькому клитору, Хейли. Я собираюсь сконцентрироваться на твоей попке и подготовить её для меня.

Такое ощущение, будто он слышит, о чём я думаю. Протянув руку между ног, я потираю свой маленький комочек, как сказал Папочка. Я ною, потому что это не так хорошо, как его пальцы.

— Я чувствую себя лучше, когда это делаешь ты, — ворчу я в подушку.

— Я знаю, девочка. Но Папочке нужна твоя задница прямо сейчас. Просто ласкай свой комочек для меня. Я займусь им потом.

Я продолжаю тереть, когда снова чувствую, как его рот касается меня. Он немного проникает языком внутрь меня, и от ощущений я могу только стонать. Я никогда не думала, что буду наслаждаться прикосновениями там, но поцелуй Папочки такие особенные. Он дает мне именно то, что нужно, и я начинаю двигаться против его языка еще сильнее, чтобы сделать его счастливым. Папочка любит дарить мне поцелуй, и я хочу дать ему всё.

Никогда не думала, что смогу получить всё это. Я всегда мечтала принадлежать Уильяму, но и всё ещё хотела быть самой собой. Я не хотела взросльть, а должна была стать взрослой. Я хотела быть собой, чувствовать себя маленькой и играть, и всё же, чтобы мужчина моей мечты заботился обо мне. Уильям дает мне всё это, поэтому самое малое, что я могу сделать, это раскрыться и отдать ему свою попку.

— Возьми мою дырочку, Папочка. Я хочу, чтобы ты взял всё, что у меня есть.

— О, милая Хейли. Ты хочешь, чтобы Папочка вошел в твое узкое колечко? — я киваю в подушку, нервная, но готовая. — Позволь мне подготовить тебя, малышка, — когда он произносит эти слова, я чувствую, как его пальцы прижимаются ко мне и проникают в моё плотное колечко.

— Ой!

— Просто дыши, Хейли. Дыши и расслабься. Впусти Папочку, малышка. Это так же, как с твоей киской — сначала будет больно, но потом тебе понравится.

Я стараюсь максимально расслабиться, когда он начинает двигать пальцами во мне. Он двигается медленно, и я чувствую жжение. Я слышу, как он сплевывает, и использует

свою слону, чтобы легче скользит во мне. После еще нескольких толчков его пальцев я прижимаюсь ближе, потирая клитор, и чувствуя себя так близко к фейерверку.

— Папочка знает, как прикоснуться ко мне, чтобы моя киска взорвалась, — говорю я, улыбаясь в подушку.

Он немного смеется и сильнее толкается в мою попку, заставляя меня ахнуть.

— Это правда, маленькая Хейли? Тебе нравится ощущение Папочки в твоей попке? Думаю, пора моему члену заменить пальцы и посмотреть, сможешь ли ты заискриться с членом в своей заднице.

У меня вырывается стон от его грязных слов. Они не должны меня заводить, но, чёрт возьми, они это делают.

— Пожалуйста, Папочка, — я не знаю, о чём прошу или почему мой голос звучит так низко и хрипло. Я растираю свой комочек всё сильнее и сильнее, и мне кажется, что я стремлюсь к чему-то гораздо большему, чем то, что я чувствовала раньше.

Я чувствую, как он вытаскивает свои пальцы, и заменяет их своим членом. Он вдавливается в меня, и я выдыхаю, пытаясь расслабиться. Это сработало, когда он раскрыл мою киску, так что я надеюсь, что это работает и с моей попкой. Я пытаюсь думать о том, как хорошо буду чувствовать себя, когда он резко толкается в меня, и издаю писк от боли.

— Т-с-с, просто расслабься, детка. Папочка позаботится обо всем. Впусти меня, покажи мне, как ты позволишь Папочке делать всё, что он хочет, с твоим телом, потому что оно моё.

Я чувствую, как он снова плюет мне на дырочку, а затем склоняется и кладет руку на мою ладонь, помогая мне тереть мой клитор, и скользит глубже в меня.

— Ох, бл*ть, Хейли. Это так хорошо. Я почти там, малышка. Еще немного.

Он немного отстраняется, а затем толкается обратно, каждый раз входя немного глубже. Я чувствую волнение и страх, усиливаемый приступом боли. Я чувствую его теплые поцелуи на своей шее, когда он полностью входит в меня. Как только это происходит, он останавливается на секунду, чтобы позволить мне приспособиться. Я чувствую себя такой заполненной и так близко к оргазму, что начинаю двигать бедрами.

— Тебе нравится мой член в своей дырочке, правда, малышка?

Я еще немного пошевелила бедрами, умоляя его двигаться без слов. Чтобы помочь мне достичь пика. Я пытаюсь пошевелить пальцами на своём клиторе, но он останавливает мою руку.

— М-м-м.

— Скажи.

Я закрываю глаза, но его поцелуи на моей шее успокаивают меня и говорят, что это нормально, и я даю ему то, что он хочет.

— Мне нравится твой... твой...

— Скажи это.

— Мне нравится твой член в моей дырочке, Папочка.

— Мне тоже, маленькая.

Папочка снова целует меня в шею и начинает двигаться в моей дырочке. «Моя дырочка», думаю, мне следует называть её так, но звучит это грязно.

Он отталкивает мою руку от киски и начинает тереть её сам. Я опускаю руки на спинку кровати и прижимаюсь к ней, когда он толкается внутрь меня. Так сильно и грубо, но мне так нравится это чувство. Он забирает меня и использует моё тело для своих нужд, но также и для того, что нужно мне. Это безумие, и я у самого его края.

Уильям

Проклятье. Быть в её попке – небесная пытка, которой я никогда раньше не чувствовал. Она настолько тугая, что выдавливает жизнь из моего члена, и я знаю, что не продержусь дольше. Я не хочу кончать слишком рано, но не могу удержаться. Я чувствую, насколько она близка, и толкаюсь сильнее, подводя её к краю.

Я наклоняюсь и снова плюю на её дырочку, сохраняя её влажной. Я не планировал клеймить её попку сразу после того как сорвал её вишенку, но, блин, мне нравится, как это получилось. Теперь она полностью моя во всех отношениях. Я хотел наполнить её спермой везде, где только мог. Возможно, позже я обкончу её грудь и вотру сперму в её кожу, отмечая свою территорию. Мне нравится собственничество, которое мотивирует меня брать её тело всеми возможными способами, и я хочу провести остаток своей жизни, чувствуя это.

Я толкаюсь внутрь неё по самые яйца, и сжимаю её клитор. Я чувствую, как она напрягается, а затем кричит в подушку, когда массивный оргазм поражает её пышное тело. Видя, как она теряется в своем удовольствии, мои яйца сжимаются, и я отправляюсь за грань удовольствия вместе с ней.

Изо всех сил пытаясь отдохнуться, я держу свой член в её попке, пока сперма пульсирует одновременно с тем, как она сжимает меня. Её узкое кольцо доит меня насухо, такое жадное до моей спермы, и это всё, что я могу сделать, чтобы не упасть на неё сверху.

После такого переизбытка чувств я падаю на неё, сохраняя нашу связь. Я не готов выйти из неё, а мой член всё ещё слишком твердый. Нужно отойти немного, прежде чем вытащить его, иначе я могу причинить ей боль.

— О, Папочка, это было так чудесно! — говорит она сквозь свои кудри, её лицо сияет от пота.

— Тебе понравилось, малышка? Много искорок увидела? — поддразниваю.

— Много-много, Папочка. Огромное спасибо.

Она начинает что-то говорить, но потом смотрит в другую сторону. Она избегает вопроса, который хочет задать.

— Что, маленькая Хейли? — я убираю завитки волос с её глаз, и она смотрит на меня и так сильно краснеет, что её уши становятся красными.

— Что мне теперь делать, когда твой крем у меня в попке?

Я улыбаюсь на её невинный вопрос и понимаю, что пора принимать душ. Я медленно начинаю выходить из неё и стараюсь быть как можно нежнее.

— Теперь ты пойдешь в туалет, а потом мы вместе примем душ.

Она застенчиво смотрит на меня и кивает головой, спрыгивая с кровати и направляясь в ванную. Я следую за ней внутрь, и пока она пользуется унитазом, я захожу в кабинку и включаю насадки для душа, настраивая его горячим и приятным для нас обоих.

Я начинаю мыться. Достаточно скоро Хейли открывает дверь и присоединяется ко мне.

— Все прошло хорошо?

Она немного кивает, и я подвожу её под одну из насадок для душа, помогая ей сполоснуть волосы. Я буду проводить остаток своей жизни, заботясь о ней. Эти отношения будут высасывать из меня жизнь, и даровать её с новой силой. Я буду лелеять её всеми возможными способами, и она никогда не скажет мне «нет». Если только она не захочет порки, сопровождаемой отказом от её «нет».

— Попка не болит? — спрашиваю я, желая убедиться, что у нее нет ничего серьезного. Я могу забрать то, что я хочу от неё, но я не хочу причинять ей боль.

— Не особо. Как и моя киска.

Я киваю, думая, что они, вероятно, немного болят в данный момент.

— Ты чувствуешь себя по-другому, малышка? — спрашиваю я, задаваясь вопросом, чувствует ли она это тоже. Как наша жизнь изменилась навсегда.

Она смотрит на меня и сжимает рот, словно действительно всё обдумывает. Это самая восхитительная вещь, которую я когда-либо видел, и я хочу поцеловать её, чувствуя себя глупо из-за этого.

— Я чувствую себя взрослой, но в хорошем смысле.

Это заставляет меня смеяться, и я притягиваю её к себе, целую в лоб и помогаю ей вымыть волосы. Она не могла быть милее, даже если бы попыталась.

После того, как я помогаю ей помыть голову, беру мыло для тела и мочалку.

— Хорошо, малышка. Садись на сиденье в душе и раздвинь для меня ноги. Я хочу осмотреть тебя и убедиться, что с тобой все в порядке.

— Да, Папочка, — говорит Хейли тоненьким голоском, садится и широко расставляет ноги. Она больше не стесняется позволять мне видеть то, что моё. Она знает, как хорошо я могу заставить её чувствовать себя, поэтому более чем готова раскрыться.

Я становлюсь на колени между бедер Хейли, мягко намыливая её, но вижу на лице приступ боли. Сегодня она много работала, и я знаю, что это должно причинить боль больше, чем нужно. Как только я омываю её, я приглядываюсь, видя, что пухлая розовая плоть красная изнутри, где я прорвал её девственную плеву.

Мой член качается вверх и вниз в удовлетворении, от того, что мы сделали это с ней. Я думал, что разок поимев её киску и попку, он успокоится, но этот мудак продолжает оставаться твердым.

Я наклоняюсь, не в силах помочь себе, и нежно облизываю её.

— Папочка, я люблю твои поцелуи на своей киске. Они заставляют меня чувствовать себя такой особенной принцессой.

Глядя вверх, я вижу, как она расслабляется на прохладной плитке, расставив ноги, и на её лице появилась самая большая улыбка. Я немного всасываю её клитор, стараясь не быть слишком грубым, но давая ей то, что она хочет.

— Ты моя особая принцесса, малышка. Ты самая особенная принцесса в мире.

Мне не понадобится много времени, чтобы снова подвести её к краю, тело Хейли подготовлено и готово принять то, что я ему дам. Мне так чертовски тяжело. Я знаю, что у нее побаливает киска, но она мне нужна еще раз.

Я сажусь на колени и помещаю кончик моего гладкого члена в её отверстие.

— Я знаю, что тебе больновато, милая принцесса, но Папочке нужно, чтобы ты была смелой и позволила мне еще раз трахнуть твою кисочку.

— Хорошо, Папочка. Ты потом захочешь мою попку?

Мой член испускает немного спермы, и я слышу свой стон от её слов.

— Черт, Хейли, ты чуть не заставила мои яйца лопнуть. Ты самая идеальная маленькая девочка, о которой я когда-либо просил. Как насчет того, чтобы я трахнул обе твои дырочки, пока ты сидишь здесь вот так? Ты думаешь, что сможешь стать для меня большой девочкой и отдашь мне обе дырочки сразу?

— Я смогу это сделать, — она кивнула мне в знак уверенности, чуть ли не выпячивая грудь, и я целую кончик её носа.

Я подтягиваю её задницу к краю сиденья, чтобы её киска и анальная дырочка были доступны. Беру лосьон для душа и кладу его рядом с ней, затем беру свой член, помещая его в её киску. От душа и наших оргазмов она скользкая и готовая для меня. Я толкаюсь и легко проскальзываю внутрь. Я качаю бедрами, несколько раз толкаясь в её киску, кайфуя от ощущения, насколько она влажная и узкая для меня. Как будто её тело всегда готово ко мне и хочет, чтобы я был внутри неё.

Она сидит на краю, поэтому не может двигаться. Все, что она может сделать, это принять мои толчки и держаться за уступ, чтобы её ноги были раздвинутыми. Я наклоняюсь вперед, всасывая один из её сосков в свой рот, довольный от того, как сжалась её маленькая киска. После нескольких толчков я чувствую близость оргазма, и, вытащив член, беру лосьон, смазывая член, и теперь сосредотачиваюсь на её заднице. Сначала я толкаюсь немного, и она расслабляется, открываясь для меня.

Её задница такая же тугая, как и киска, но иметь обе – так прекрасно. Я знаю, что она слишком чувствительна и нуждается в перерыве, поэтому я не буду затягивать с оргазмом. Я вколачиваюсь полдюжины раз, а затем вырываюсь, брызгая спермой по её открытой киске и обнаженному клитору. Я дрошу свой член до конца, отмечая снаружи то, что я уже отметил внутри. Она моя во всех отношениях, это просто внешний способ показать это.

После того, как я кончу, я падаю на неё и беру её сосок в рот, осторожно посасывая его, пока эйфория отпускает меня.

Удивительно, как легко она открылась мне. Это только говорит о том, что мы действительно предназначены друг для друга. Наши отношения могут отличаться от других, но это судьба. Она удовлетворяет наши потребности и нужды, о которых мы даже не подозревали.

— Твоё тело слишком соблазнительно. Я думаю, что мы не должны больше принимать душ вместе. Или, наоборот, мы будем принимать его каждый день всю оставшуюся жизнь.

Она хихикает и обвивает меня руками и ногами. Когда я, наконец, обретаю силу, я поднимаю её, подставляя под душевые насадки, снова омывая её.

После того, как мы вышли из душа и высохли, я заставляю её залезть обратно в кровать и ложусь рядом с ней.

— Как насчет того, чтобы устроить пикник в постели за просмотром фильмов на целый день?

— Да, Папочка, это звучит волшебно! Я хочу посмотреть фильмы Диснея.

— Звучит отлично, малышка. Но я хочу, чтобы ты лежала у меня на коленях, пока смотришь их. Если начнешь засыпать, ты можешь взять член Папочки в рот и сосать его, чтобы спокойно вздремнуть. Хорошо?

Она краснеет, но кивает головой, от чего становится ясно, что ей эта идея понравилась.

— Это тоже звучит волшебно.

— Ты была такой большой девочкой сегодня. Я так тобой горжусь. Я так счастлив, что ты во всех отношениях моя, и что ты навсегда останешься моей.

— Я тоже так счастлива, Папочка Уильям. Спасибо, что выбрал меня.

— У меня никогда не было выбора, малышка. Ты всегда была единственной, кого я когда-либо хотел.

— Папочка, ты заставишь меня снова увидеть искорки?

Я наклоняюсь и целую Хейли в губы, требуя её рот и позволяя ей почувствовать мою страсть.

— Я обещаю, что ты будешь наслаждаться фейерверком до конца наших дней.

Быстро поцеловав её, я перевернулся и начал процеловывать дорожку вниз по её телу. Как я мог сказать «нет» такой милой маленькой просьбе?

СЕРИЯ
Невинность
КНИГА 2

Невинный ПОБЕГ

VK.COM/LOVESTORIES2017

АЛЕКСА РАЙЛИ

Аннотация

Папочка Уильям был так занят работой, что его маленькая Хейли потребовала внимания.

Он планирует провести с ней две недели вдали от всех дел, и это будет абсолютно идеально. Песчаный пляж, Хейли в крошечном бикини, и много времени на взрослые и детские шалости.

Чего они не ожидают, так это то, что маленькая Хейли почтвует, что может упустить другие вещи в жизни.

Сможет ли Папочка Уильям позволить своей малышке найти свой путь самостоятельно? Появятся ли у Хейли другие цели в жизни?

Вторая книга из серии «Невинность» – это то, о чем вы просили.

Предупреждение: Серьезная игра во взрослые и детские шалости, которая включает, но не ограничивает: порку, мастурбацию с плюшевыми игрушками, анал, выпечку с пирожными, оральные ласки и много грязных разговоров.

ПРИМЕЧАНИЕ: Невинный побег – не ролевая игра... Хейли мирится со своим внутренним ребенком и принимает как данное, свою сущность проказницы. В то время как Уильям обожает её внутреннее «я», в отличие от других. Вас ожидают круглосуточные шалости и любовь в сахарной пудре.

Глава 1

Хейли

— Хм, — я стонала, растягивая спину, при этом намеренно подняв свою задницу в воздух, отчего моё кукольное платье цвета морской волны задирается выше. Мои косички свисают вперёд, падая на пол. Я уверена, что отделка на моих хлопковых трусиках видна, но мужчины позади меня продолжают разговор. Папочка не мог не услышать мой стон. Я надуваюсь, кусая губу.

С громким стуком некоторые из моих карандашей катятся по деревянному полу кабинета Папочки. Я застряла здесь. В прошлом месяце мы с Папочкой Уильямом отпраздновали годовщину. Он обещал, что он куда-нибудь меня свозит. Но вот я сижу в его кабинете, он на очередном собрании в десяти футах от меня, и я не уверена, помнит ли он вообще, что я здесь. Я понимаю, что он должен работать, но я жажду его внимания больше всего на свете.

Он был диким безумцем с прошлой весны. Сейчас лето почти закончилось, и я не вижу никаких перемен в его поведении. Это время года у него самое занятое – строятся новые дома, а также люди хотят отремонтировать свои офисы и квартиры. Меня это не особо беспокоило, пока я была занята своими делами. Я пыталась поступить в местный колледж, но мне там не понравилось. Работы у Уильяма было слишком много, и это делало меня несчастной. Уильям посоветовал мне попробовать различные курсы, на случай если меня что-нибудь заинтересует. Прошлой осенью я начала посещать кулинарные курсы, и полюбила их. Я посещала все курсы по выпечке в прошлом году, и это сделало меня по-настоящему счастливой. Это не занимает много времени и удобно стыкуется с графиком Папочки. Кулинария заставляет меня чувствовать, что я в чем-то хороша, и я с удовольствием готовлю различные вкусняшки для Папочки.

Я планировала провести лето, занимаясь выпечкой, но это было недолго. Я начала принимать онлайн-заказы и назначала время, чтобы люди приходили в дом и забирали свои пирожные. Папочка не очень обрадовался тому, что я дала случайным незнакомцам наш адрес и позволила им приходить и забирать их заказы, пока его не было дома. После этого я не принимала заказы целых два дня, потому как Папочка наказал меня анальной пробкой. Он также подарил мне порку, из-за которой было трудно сидеть три дня. Однако на Фейсбуке меня ждал сюрприз в пятьсот лайков!

Я попыталась снова выдвинуть свою идею, предложив варианты, которые мог бы предпочесть Папочка, но каждый раз, когда я напоминала ему об этом событии, меня снова наказывали поркой. Сегодня я уже получила очередную порку, и у меня нет желания получить другую, однако отказываться от своей мечты не собираюсь. Стало так плохо, что мне больше не позволено оставаться дома одной, поэтому я лежу на полу в его кабинете и рисую, пока он работает.

Перевернувшись на спину, я стучу одной из своих Мэри Джейн (*прим. переводчика: разновидность женских туфелек*) по полу. Я чувствую сахар всех пирожных, которые съела во время ланча. Папочка строго посмотрел на меня, когда я доедала четвертый кусок, но кто-то должен был их съесть. Я не собиралась прекращать делать их только потому, что у меня не было покупателей. Я надеялась, что моё хобби заставит Папочку задуматься, но не повезло.

— Мы начнем позже, чем планировалось, но я могу обещать вам, что крыша будет залита до зимы. Мы не хотим, чтобы в открытые стропила попал снег. Все будет хорошо и плотно запечатано, — говорит Папочка, словно пытаясь утомить меня до смерти.

— А когда вы планируете закончить остальную часть дома? Я не хочу рассказывать об этом моей малышке, пока работа не будет сделана, или она сведет меня с ума. Вы знаете, как это бывает.

— Ещё как, — говорит Папочка, и у меня такое чувство, что он говорит обо мне. Ну, ему лучше поговорить обо мне. Я единственный человек во всем мире, о ком он должен думать.

Перекатываясь на бок, я подпираю голову рукой и смотрю на него, но он всё ещё не смотрит на меня. Я знаю, что он видит меня. Я едва могу дышать без его ведома. Я подгибаю ногу к своей попке, и моё платье сбивается, открывая полный вид на мои трусики, и снова начинаю постукивать своей Мэри Джейн, на этот раз громче. Это точно привлечет его полное внимание. Я знаю, на что иду, поэтому позволяю своему платью так задраться, но я возбуждена и нуждаюсь в нём прямо сейчас. Обычно он сразу чувствует это, но снова настолько занят своей работой, что я забыла об этом.

Оба мужчины поворачиваются, чтобы посмотреть на меня, глаза Папочки ожесточаются, и он смотрит на меня так, что, я понимаю, какие именно слова он пытается мысленно до меня донести. Я чувствую, как моя киска сжимается от того, что на меня смотрят оба мужчины, но я смотрю только на Папочку. Я борюсь за его внимание. На самом деле его вина в этом тоже есть, потому что он заставил меня зайти так далеко, чтобы привлечь его внимание. Может быть, он снова возьмётся за порку, и я уверена, что получу её до того, как эта встреча закончится. И судя по моим действиям, прямо сейчас.

— Хейли, тебе нравится соблазнять других мужчин, которые не являются твоим Папочкой, своей киской? — я чувствую, как моё лицо вспыхнуло от его слов. Я не могу поверить, что он только что сказал это. Мы с Папочкой никогда не скрывали своих отношений, но мы также не выставляли их напоказ публично. Мы живем в Папочкином ритме жизни двадцать четыре на семь, но обычно держим своё влечение при себе, когда мы на улице. Нам не стыдно за это, но мы понимаем, что не каждый это одобряет. Сначала я не была уверена, что такой образ жизни — это то, чего я хотела, но всякий раз, когда мы с Папочкой не «играли» я не чувствовала себя самой собой. Мне даже не нравится называть это игрой, потому что не это происходит между нами. Мне просто нравится быть его малышкой. Я просто та, кто я есть.

— Извините, Адам. Вы не возражаете?

— Вовсе нет, — говорит мужчина, и я ухмыляюсь, думая, что он собирается встать и уйти, но он только откидывается на спинку стула.

Тогда Папочка встает с кресла и пристально смотрит на меня. Он расстегивает две верхние пуговицы своей классической рубашки и вытаскивает её из своих брюк.

— Вот дерьмо, — шепчу я, а затем съёживаюсь, надеясь, что он не услышал, как я ругаюсь.

Прежде чем я успеваю подняться на ноги, Папочка хватает меня за затылок. Я благодарна, что он не снял свой ремень, но он все ещё мог.

— Не борись со мной, маленькая Хейли, ты только заставишь меня крепче сжать тебя. Доверься Папочке, будь хорошей девочкой и прими то, о чём так просила.

Прежде чем я могу ответить, моя грудь прижимается к столу Папочки. Добравшись до моего платья, он стягивает мои трусики до середины бедра, а затем задирает моё платье, открывая себе достаточно места, чтобы сделать то, что он хочет, но все же скрывая меня от другого человека.

— Ты хотела показать всем киску Папочки, не так ли? Ты просила внимания. Теперь ты его получишь.

Жгучие шлепки сыплются на мою попку, заставляя меня вскрикнуть, прежде чем я могу ответить на его слова.

— Тише, малышка, — я чувствую, как Папочка рукой потирает мои горячие ягодицы. Затем я слышу, как другой человек в комнате ёрзает на своем стуле. На мгновение я полностью забыла, что он был здесь. Другие мужчины никогда не видели меня в таком свете, кроме Папочки. Другой мужчина, возможно, не сможет увидеть мою задницу, но Папочка никогда не делал ничего подобного перед кем-то ещё. Может быть, это потому, что у этого мужчины есть своя девочка. Волнение проходит сквозь меня. Часть меня балдеет от такого действия Папочки. Я всегда любила внимание, но другая часть меня благодарна, что чужой мужчина не видит меня всю. Я уверена, что умерла бы от смущения, если бы он увидел. Все моё внимание сосредоточено на Папочке, как всегда, и я даже не могу сказать вам, как выглядит другой мужчина.

— Она проказница.

— Да, и она съела слишком много сладкого. Могу поспорить, что оргазм усмирит её, а сон пойдет пользу. Тогда мы сможем закончить нашу беседу.

— Эй... — я начинаю протестовать против того, что они говорят так, будто меня здесь нет, но мою попку окрашивает ещё один шлепок.

— Я бы порекомендовал тебе помалкивать, малышка, иначе я не дам тебе кончить. Ты хочешь, чтобы Папочка прикоснулся к твоей киске или нет? Я уже вижу сливки, покрывающие твои бедра. Ты ведь грязная маленькая девочка сегодня?

После его слов я могу только стонать, соединяя ноги вместе, пытаясь задеть клитор, чтобы снять напряжение.

— Она упрямая малышка, не так ли? — спрашивает Адам

Папочка скользит одной рукой между моих ног, обхватывает мою киску и останавливает мои движения, чтобы я не смогла найти никакого облегчения. Один из его пальцев начинает тереть мой клитор, и удовольствие наполняет меня.

— Она была очень упрямой в последние несколько месяцев, и ей придется поплатиться за это, — говорит Уильям, все ещё поглаживая мой клитор. — Она обиделась на то, что я закрыл её пирожный бизнес.

— Эти? — спрашивает другой мужчина. Затем я слышу знакомый шелест пластиковой упаковки. — Чёрт, это вкусно.

— Да, а вы только что съели последний. Я приберег его на перекус.

— Я уверен, что вы сможете найти для себя что-нибудь ещё, чем перекусить.

— Хм. Мне нравится ваш образ мышления. У меня тут как раз есть сладкая закуска.

— Пожалуйста, Папочка.

Меня охватывает волнение, и я не могу сказать, вызвано ли это смущением, предвкушением или мыслью, что Папочка будет поедать меня перед кем-то ещё.

— Это милое маленькое «пожалуйста» было таким вежливым, Хейли. Твои манеры помогут тебе получить то, что ты хочешь.

Внезапно я чувствую его язык на себе. Всё его лицо уткнулось между моих ног сзади, моя грудь все ещё прижата к столу.

Папочка хватает меня за бедра, раздвигая их шире. Он поднимает меня так, что моя задница ровняется со столом, заставляя меня встать на носочки. Я испугалась, что мои туфли от Мэри Джейн заставят меня поскользнуться, но Папочкина поддержка не даст мне упасть.

Его язык гладит мой нежный клитор, дразня его, делая его более твердым, так как он требует большего внимания. Толчки его языка становятся быстрее и сильнее, но мне нужно немного больше. Я пытаюсь оттолкнуться и прижаться сильнее к его лицу, но хватка Папочки не позволяет этого.

Я кричу в отчаянии, когда его рот внезапно отрывается от моей жадной киски.

— Ты сейчас кончишь для меня, Хейли. Сильно. И когда ты это сделаешь, я хочу, чтобы ты вспомнила, кому принадлежит эта сладкая маленькая кисочка. Она может и находится между твоих ног, но она моя. Помни об этом, когда в следующий раз вздумаешь показать её кому-то другому, чтобы привлечь моё внимание.

Если бы я не была так близка к тому, чтобы кончить, я бы сказала ему, что это сработало. Но я знала, что это закончится только тем, что у меня не будет оргазма, поэтому я сжимаю губы и борюсь с желанием огрызнутться.

Все остальные мысли покидают мой разум, когда рот Папочки возвращается к моему клитору. Он всасывает его в рот, и я сразу кончаю. Моя голова плывет, а ноги подгибаются, когда удовольствие разрывает моё тело.

— У неё сегодня может и плохое настроение, но она все ещё сладкая, как всегда, — говорит Папочка, стаскивая меня со стола. Он положил меня на свой офисный диван, и мои трусики теперь висят на одной из моих лодыжек. Я пытаюсь закрыть ноги, но Папочка останавливает мои движения.

— Нет, Хейли. Ты хотела быть негодницей и помешать переговорам. Самое меньшее, что ты можешь сделать, это дать Адаму прекрасный вид на твою мокрую киску, пока мы заканчиваем.

Я так истощена своим оргазмом, что даже не протестую. Я просто позволила своим ногам раскрыться.

— Я говорил тебе, что много сладкого нельзя. Теперь положи голову на колени Папочки и поспи.

Я наклоняюсь, когда Папочка садится и кладу голову на его ноги. Я слышу звук его молний, и мне даже не нужно открывать глаза, чтобы знать, что делать. Открыв рот, я беру его член и осторожно посасываю.

Он мягко гладит меня по голове, и я медленно засыпаю.

Глава 2

Уильям

Этим летом моя работа затянулась, и Хейли нуждается во внимании. Я пытался найти для неё такую же маленькую подружку, и думаю, что сегодня сделал это. Уделить ей внимание — мое самое любимое занятие, но я слишком отвлекся на работу, чтобы

оказывать ей должный уход, которого она заслуживает. Мне нужно кое-что для нас сделать, только для нас.

Когда мы возвращаемся домой, я готовлю ей ужин и отправляю спать без десерта. Она топает ногой и выпячивает нижнюю губу, поэтому я поедаю её киску на кухонном столе, чтобы она почувствовала себя лучше. После быстрого оргазма я немного ласкаю её дырочку и отправляю спать. Она была сегодня негодницей, но это отчасти моя вина.

Зайдя в свой кабинет, сажусь за компьютер, просматриваю сотни мест, куда мы могли бы, наконец, отправиться в отпуск. Нам обоим нужно уединение, а мои помощники смогут справиться с работой, пока меня нет. Пришло время уделить моей малышке внимание, которого она заслуживает, и показать ей, что она – мой приоритет номер один. Она так отдает себя мне, что я должен показать ей, что сделаю то же самое. Что она всегда будет на первом месте.

Примерно через час бронирования и проверки всех договоренностей я встаю и иду в спальню. Когда я захожу, вижу Хейли на кровати в крошечной голубой футболке и без трусиков. Футболка выглядит детской и плотно натянута на груди, а её сосок требует внимания. Она крепко спит, лежа на кровати, и я вижу её киску, открытую и готовую для меня. Её руки обвивают её плюшевую игрушку, пушистого единорога, которого я выиграл на ярмарке в прошлом месяце. Иногда она потирает им свою киску, пока не уснет. Я обычно наблюдаю за ней некоторое время и дрошу на это. Что-то в том, что она так невинна и обладает такой чистотой, питает зверя внутри меня.

Сегодня вечером, видя, как она раскрылась для меня, я снова нуждаюсь в ней. Я был наполовину тверд, когда ел её киску на десерт, а когда посмотрел на неё сейчас, мой член стал очень твердым. Я снимаю одежду, иду к краю кровати и подползаю к ней, стараясь не разбудить. Когда я толкаю кончик своего члена внутрь неё, она начинает двигать бедрами.

Я захожу полностью, и она стонет, но все ещё не просыпается. Мне нравится, когда она готова и хочет меня каждый вечер, когда ложится спать. Это не обсуждается. Я ей принадлежу, она моя девочка и всегда раздвигает для меня ноги. Я начинаю толкаться вперед и назад, мой член глубоко в её тугой киске, где ему и место. Единственный член, который она когда-либо знала или узнает. Единственная причина, по которой я сегодня съел её киску перед Адамом, была в том, что я знал, что Хейли успокоится после этого. Она любит всевозможное внимание, а если моя и Адама малыши подружатся, то мы будем видеться очень часто при тех или иных обстоятельствах.

Через минуту она начинает просыпаться, и я наклоняюсь над ней, издавая тихие звуки.

— Спи, малышка. Папочке нужно кончить перед сном. Вид твоей сладкой киски сделал мой член таким твердым. Будь хорошей девочкой и отдыхай. Я почти закончил.

Она сонно кивает головой, и я кончу в ней. Сильно и быстро, но я молчу, так что это не слишком пугает её. У Хейли был долгий день, и ей нужен сон.

Закончив, я наклоняюсь и целую её в лоб, осторожно вытаскивая член. Я ложусь рядом с ней и обнимаю её тело, пока она обнимает своего единорога, а сперма стекает между её ног. Наличие её в моей постели и в моём сердце помогает мне погрузиться в мирный сон.

Глава 3

Уильям

- Следующим утром-

— Куда мы поедем, Папочка? — она практически готова взорваться от нетерпения и едва может оставаться на месте, пока я собираю наши сумки.

— Хейли, я же говорил, что это сюрприз. Пока мы не выдвинулись, можешь сходить навести марафет или посмотреть мультики. У нас есть около часа, — говорю я, просматривая её одежду, при этом обдумывая, что мне следует взять. Я хотел бы, чтобы она носила свою маленькую одежду как можно чаще в течение этих выходных.

— Я слишком взволнована, чтобы чем-то заняться. Ты не можешь просто разбудить меня и сказать, что мы уезжаем в отпуск, а затем не сообщать мне никаких подробностей. Я умираю, Папочка! — кричит она вполголоса, подпрыгивая на кровати, заставляя спинку кровати врезаться в стену. Звук мгновенно заставляет меня вздрогнуть.

Я вздыхаю и иду к ней. Вот почему я не могу раскрыть ей все намеченные планы. Она восхитительна, но абсолютно нетерпелива.

— Ложись животиком на кровать, малышка, — говорю я, указывая, чтобы она перестала прыгать на кровати.

— Зачем? — сердито спрашивает она, скрестив руки на груди и выпятив нижнюю губу.

— Потому что ты слишком взволнована и тебе нужна помощь, — говорю я ей тихо.

— Пожалуйста, не шлепай меня, я обещаю, что буду хорошей, — она сжимает руки, как будто молится о том, чтобы произошло обратное. Хотя идея заманчива, но мне не нужно, чтобы она часами шаталась с большой задницей по салону самолета. Если только крохотная порка, которая не доставит ей проблем в полете.

— Все хорошо. Я знаю, что ты взволнована. Ты сможешь лежать и смотреть, как я собираю вещи, — заверяю я её.

— Хорошо.

Она немного ворчит, но падает на кровать лицом вниз. На ней только майка и трусики с рюшами, так что потеть не придется. Я в футболке и свободных шортах, поэтому быстро сбрасываю их, когда ложусь в кровать. Я забираюсь на неё сверху вниз, стягиваю её трусики и целую каждую щеку.

— Просто небольшая порка, и ты будешь чувствовать себя лучше.

— Ты так только говоришь, — фыркает она, но её задница немного приподнимается в приглашении.

Я улыбаюсь про себя и начинаю слегка шлепать её по попке, переходя на жгучие пощечины. Как только каждая половинка становится вишнево-красной, я обхватываю её киску и чувствую, что она мокрая. Она может протестовать против хорошей порки, но она любит её. Она фокусирует энергию Хэйли и помогает ей расслабиться. Это лучший инструмент, который я могу использовать на ней.

— Пожалуйста, Папочка, — бормочет она в подушку, двигая попкой.

— Я думаю, тебе тоже нужно больше, малышка. Хочешь искорок?

— О да, Папочка. Пожалуйста, пожалуйста.

Я полез в тумбочку и вытащил смазку. Затем, раздвинув её попку, я немного смазываю её дырочку. Я обмакиваю кончик своего члена в смазку, готовя его к проникновению. Порка всегда заставляет меня хотеть трахнуть её сюда.

— Теперь, что ты делаешь, маленькая Хэйли?

— Я расслабляюсь, дышу и потираю бусинку своей киски.

— Вот так. Такая хорошая девочка, позволяет Папочке брать её дырочку, когда он захочет.

Она протягивает руку между ног, и начинает тереть свой клитор. Я проталкиваюсь в её тесное кольцо и чувствую идеальное сжатие. Черт, она всегда такая узкая. Я не продержусь долго.

Я толкаюсь дальше, пока не достигаю основания, углубляясь по самые яйца. И слышу, как она стонет в кровать, а её попка сжимается вокруг меня. Она сильно натирает свой клитор, приближаясь к оргазму. Я не уверен, кому больше нравится анал, ей или мне.

Она всегда кончает так быстро, когда я трахаю её сзади. Мой милый маленький ангелочек любит принимать меня как угодно.

Я выхожу и толкаюсь обратно, кайфуя от нахлынувших чувств. Хейли нужно взять под контроль, и иногда это единственный способ.

Я быстрее обрабатываю её задницу, и чувствую, как она, наконец, сходит с ума. Её тело напрягается, и она кричит «Папочка», заставляя меня потерять контроль. Я вытаскиваю член и кончу на её розовые ягодицы. Мой оргазм долгий, и толстые струи спермы падают на её кремовую кожу.

Как только я отдохнул и убедился, что не упаду на неё сверху, иду в ванную и обтираюсь, после чего несу полотенце, которое намочил для неё. Я вытираю её между ног, а затем стираю сперму с её попки. Я бы хотел оставить её там навсегда, но должен закончить собирать вещи, а ей нужно одеться. И если бы я продолжал смотреть на её тело, покрытое моей спермой, мы бы никогда не ушли отсюда. Я бы просто продолжал трахать её снова и снова.

— У тебя есть пятнадцать минут блаженства после оргазма, потом тебе нужно встать и переодеться, — она поднимает голову и сонно смотрит на меня, затем кивает и откидывает голову назад.

— Хорошо, Папочка, — говорит она так тихо, что я почти не слышу её.

— Хорошие были искорки, малышка?

— Очень, Папочка. Я чувствую себя прекрасно, — она закрывает глаза и радостно вздыхает с широкой улыбкой на лице. Она такая красивая и очаровательная одновременно.

Глава 4

Уильям

-На следующий день-

После более чем двадцати четырех часов полета мы, наконец, на Фиджи. Я хотел увести Хейли на две недели куда-нибудь в красивое и уединенное место.

Когда мы добираемся до курорта, наступает вечер, и швейцар ведет нас к нашему бунгало, стоящему на воде. Единственное, чего я хочу сейчас — это лечь в постель с Хейли и немного отдохнуть. У нас нет никаких планов, кроме как расслабиться и наслаждаться друг другом, и я готов начать это прямо сейчас.

Носильщик оставляет наши сумки, и я торопливо провожаю его, желая найти Хейли.

Она в гостиной, стоит над стеклянным полом-витриной, пытается увидеть океан внизу.

— Сейчас ночь принцессы, вся рыба спит.

Она игриво смотрит на меня, и я хочу стереть с её лица эту дерзость.

— Давай, малышка попробуем немного поспать. Утром я закажу нам завтрак в постель, а ты сможешь лежать на полу и наблюдать за рыбой весь день. По рукам?

— По рукам.

Я открываю руки, и она бежит ко мне. Я поднимаю её и несу в спальню, раздевая нас обоих, прежде чем мы ляжем спать.

— Большое спасибо, Папочка. Я так счастлива быть здесь, с тобой.

Её слова согревают мне сердце, заставляя чувствовать себя плохо, потому что я не сделал этого раньше.

— Я тоже, малышка. Это было необходимо для нас обоих.

Глава 5

Хейли

— Папочка, нет! — завизжала я, когда он сбрасывает меня с палубы. Я с плеском погружаюсь в прохладную воду, и Папочка следует за мной, нырнув чуть позже меня.

Я пытаюсь подняться обратно на палубу, но Папочка хватает меня, мгновенно подбрасывая в воздух, и я опять падаю в воду. На этот раз, когда я всплываю на поверхность, не пытаюсь отплыть назад, потому что знаю, в этом смысла нет. Я цепляюсь за него, крепко прижавшись к его торсу.

— Мой малышке весело? — спрашивает он, убирав мокрые волосы с моего лица, притягивая меня ближе, отчего его эрекция упирается мне в живот.

— Больше, чем я когда-либо могла себе представить.

Я прижалась к его губам и показала ему, насколько я благодарна. Мы действительно были здесь только полдня, но все было отлично. Мне нравится, когда Папочка уделяет мне всё своё внимание. Пробуждение от его поцелуев этим утром, то, как он кормил меня завтраком, как читал мне комиксы из «Нью-Йорк таймс».

После завтрака мы занимались любовью все утро, пока мой живот не начал урчать, ещё раз побуждая Папочку заказать обслуживание в номер. Только после обеда я понимаю, что мы ещё не выходили из нашего бунгало, чтобы насладиться прекрасным океаном и пейзажами, которые предлагал нам остров Фиджи.

Я быстро надеваю бикини и прыгаю прямо в океан, где мы с Папочкой играем последние два часа.

— Нам может понадобиться больше солнцезащитного крема. Я бы не хотел, чтобы ты сгорела в первый день отдыха, — он нежно целует меня в плечо, где появился легкий солнечный ожог.

— Но я не хочу уходить, — скривлю я, надувая губы. Он уже наносил мне солнцезащитный крем. Я крепче обнимаю его, давая понять, что я никуда не пойду.

Я сразу же осознаю свою ошибку, когда он направляется к лестнице палубы нашего бунгало, используя одну руку, чтобы держать меня, а другую, чтобы подтянуть нас. Оказавшись на палубе, он бросает меня на одну из затененных кушеток.

— Хорошо. Не хочешь использовать солнцезащитный крем? Тогда держись подальше от солнца.

— Но, Папочка, я хочу вернуться в воду! — жалуюсь я, хлопая одной рукой по кушетке.

— А я хочу маленькую девочку, которая делает то, что ей сказали.

Он нависает надо мной с темным выражением лица.

— Между прочим, я тогда все увидел, — он натягивает веревочку вокруг моей шеи, и верхняя часть купальника опускается, открывая мою грудь.

Я задалась вопросом, если видел, то почему не сказал. Это было три года назад, купальник был тесный на груди, которая в шестнадцать лет стала ещё больше.

— Ты должна быть осторожней, дразня меня. Ты знаешь, что происходит, когда я теряю контроль. А твоей маленькой киске нужен отдых, прежде чем я снова возьму тебя, — говорит он, прежде чем взять мой сосок в рот.

Откинув голову назад, я полностью забываю, что собиралась закатить истерику по поводу купания.

Отпустив один сосок, он склоняется ко второму:

— Я никогда этого не забуду. Это был день, когда для меня все изменилось, — он берет мой сосочек в рот, посасывая ещё сильнее.

Вечеринка у бассейна в честь моего шестнадцатилетия, когда я надела именно этот купальник. Это был день, когда Папочка начал смотреть на меня не просто как на дочь своего друга.

— Я много раз мастурбировал, думая об этом, ненавидя себя каждую секунду, желая того, чего не должен.

В тот день я прыгнула в бассейн, освободив верхнюю часть купального костюма. Я была полностью смущена этим, но теперь я улыбаюсь воспоминаниям о том происшествии. Папочка Уильям, возможно, был немного расстроен из-за чувств, которые испытывал ко мне тогда, но он никогда не трогал меня, пока мне не исполнилось восемнадцать, и я не хотела ничего больше чем, принадлежать ему. Навечно.

Я никогда не забывала, как он сказал, что с того момента я завладела его мыслями. Он не мог думать о том, чтобы быть или смотреть на другую женщину, потому что для него существовала только я. Это меня озадачило, потому что после того дня Папочка наоборот отдался меня. Я не знала почему, но потом поняла, что это из-за того, как сильно он меня хотел. Это заставляло меня чувствовать себя не так глупо из-за гигантской влюбленности, которую я тогда испытывала к нему.

— Тебе больше не нужно мастурбировать, Папочка. Я твоя сейчас во всех отношениях. Я сделаю все для тебя, — напоминаю я ему.

— Кроме как нанести больше солнцезащитного крема? — дразнит он, прежде чем укусить мой сосок, заставляя меня завизжать.

— Раскрой для меня свои бедра. Покажи Папочке то, что он так сильно хотел увидеть в тот день, но не смог. Напомни мне, как, спустя эти годы ожидания, судьба сжалилась надо мной и подарила мне сладкую маленькую киску Хейли. Теперь я могу делать с ней все, что захочу, до конца своей жизни.

Опустившись на кушетку, я стягиваю трусики, открывая себя ему.

— Хм...

Звук, который он издает, звучит почти как мурлыканье. Он скользит вниз по моему телу, и я чувствую его теплое дыхание на своей киске.

— Знаешь, когда я впервые попробовал тебя, прежде чем сорвать твою вишенку, я подумал, что ничто не может быть вкуснее твоей девственной киски... — он делает паузу, неспешно облизывая мою щелку, заставляя меня сжаться, желая быть наполненной им. — Но сейчас, — продолжает он, — я уверен, что каким бы грязным способом не брал тебя, ты становишься только вкуснее.

И обрушивает на меня свой рот. Он раздвигает мои ноги шире, сжимая бедра. Его пальцы впиваются в мою плоть, и он набрасывается на мою киску, как будто не имел её четыре раза за это утро, когда мы играли в постели.

Я знаю, чего Папочка хочет. Он хочет, чтобы я кончила быстро. Это не дразнилка и не ласка. Это Папочка, который хочет, чтобы я кончила ему на лицо. Он всасывает мой клитор в рот, и я выгибаю спину, схватив его за волосы, но Папочка шлепает меня по бедру, давая понять, что не я сейчас контролирую ситуацию. Моя киска сейчас его, и я не могу самовольничать.

Он сосет сильнее, его язык дразнит мой клитор, отправляя меня через край. Оргазм наступает быстро, и словно проходит сквозь моё тело, которое не было готово к такому резкому всплеску удовольствия. Я чувствую, как силы покидают моё тело, ввиду утреннего изнурения. Я истощена от удовольствия.

Мои глаза закрываются, и я чувствую, как Папочка поднимается по моему телу и тянет меня к себе.

— Спи, девочка, тебе нужно вздремнуть после этого долгого дня. Ты становишься сварливой, и я не хочу шлепать тебя в наш первый день здесь. Кроме того, у Папочки так много планов на этот маленький вечер.

Глава 6

Хейли

-Позже этой ночью-

Рука Папочки сжимает моё бедро, успокаивая моё волнение. Когда моя нога перестает постукивать, он медленно ослабляет хватку, и его пальцы начинают гладить меня.

— Тебе не нравится это место, дорогая? — его голос смягчается, и он снова смотрит на меня.

— Я не знаю ничего, что есть в этом меню, я просто хочу кусочки курицы или чизбургер, Папочка, — я надеваюсь, оглядывая на меню. — Эскарго, кальмары, рыба, которая не жареная, и соус с тартаром… — я сморщилась, чтобы показать свою неприязнь.

— Мы можем попробовать другой ресторан завтра вечером, если хочешь, — он хватает меня за подбородок, заставляя меня посмотреть на него, его большой палец мягко поглаживает мою челюсть.

— Может, ты сделаешь заказ за меня, Папочка?

— Конечно, — говорит он, возвращаясь к просмотру меню.

Когда официант подходит к столу, он сообщает нам специальные предложения, которые звучат так же плохо, как и все остальное в меню. Я сдерживаю рвотный позыв, потому что знаю, что это расстроит Папочку, поскольку уже проверила его реакцию на предмет солнцезащитного крема.

— Что будете пить? — спрашивает официант.

— Клубничный дайкири, — я видела кучу людей, гуляющих с ними на улице раньше, и теперь хочу попробовать один.

— Девственность, — добавляет папочка, не отрываясь от меню.

— У нас их нет, — говорит официант тоном, как будто я попросила у него офигенное яйцо динозавра вместо простого напитка.

— Папочка? — спрашиваю я, глядя на него. Я знаю, что здесь, на этом курорте, есть клубничные дайкири. Я знаю, что мой Папочка достанет мне один.

— Я видел людей с ними сегодня, — говорит Папочка официанту, а я ухмыляюсь, потому что знаю, что Папочка даст мне то, чего я хочу. Так или иначе.

— Я уверен, что смогу достать один в баре по соседству, сэр, — официант стреляет в меня взглядом, как будто я проблема.

Откинувшись на спинку стула, я складываю руки на груди, стреляя в него ответным взглядом, в который вкладывают всю силу своей неприязни. Он же смотрит на мой наряд так — будто это худшее, что он когда-либо видел.

— Манеры, Хейли, — предупреждает Папочка, заставляя меня задохнуться от возмущения.

— Он первый начал!

Он смотрит на меня своим взглядом «успокойся», но с меня хватит. Без разницы. Я не могу сдержаться.

— Мне нужно в уборную, — я встаю со стула и топаю по ресторану. Несколько человек поворачиваются, чтобы посмотреть на меня, и тогда я замечаю, как сильно не вписываюсь в общую среду. Вероятно, поэтому официант посмотрел на меня так. Думаю, что это самый лучший ресторан на курорте. Все мужчины одеты в безупречные костюмы, а женщины — в сексуальные узкие платья. Папочка отлично вписывается, но я выделяюсь, как гадкий утенок. Зачем он привел меня сюда?

Добравшись до уборной, я не могу удержаться от того, чтобы посмотреть в зеркало. На мне розовый сарафан, который плотно прилегает к груди, но расклешен на талии. На моих сиськах кружевные оборки, а лямки — розовые ленты, которые я завязываю сверху, чтобы платье оставалось на месте. У меня даже есть подходящая лента, которую я ношу как корону на голове. Мои коричневые кудри свободно свисают вокруг плеч и спины. Я так люблю свои волосы, и это платье — одно из моих любимых, но сейчас, кажется, что это был не лучший выбор.

Женщина выходит из одной кабинки, моет руки и поправляет макияж. Я не могу не сравнить себя с ней. Она потрясающая, и все в ней классное, гладкое и сексуальное.

Я толстая, маленькая и милая.

Она носит каблуки, которые буквально убывают меня с первых шагов. Я помню, как однажды примеряла пару, а Папочка только покачал головой и выбрал для меня балетки в магазине, пару из которых я сейчас ношу. И единственный макияж, который я нанесла, — это моя помада доктора Пеппер.

Я вовремя выхожу из уборной и натыкаюсь на официанта с моим напитком, и немедля выхватываю его с подноса. Он просто стоит и смотрит на меня секунду, когда я решаюсь сделать длинный, медленный глоток, после чего коротко усмехается мне.

— Тебе не кажется, что ты слишком взрослая, чтобы вести себя как дурочка? — спрашивает он, заставляя мой позвоночник напрячься. Мне нравится быть маленькой. Это то, что у меня получается лучше всего. И я знаю, что Папочка любит меня такой, но внезапно я чувствую себя действительно глупо. Я снова задаюсь вопросом, почему Папочка привел меня сюда.

Я устремляю глаза в пол, и просто хочу, чтобы земля поглотила меня целиком. К счастью, официант уходит, не дожидаясь ответа, явно поняв, что я не собираюсь его давать. Я должна была хотя бы назвать его «дубиной» или что-то в этом роде. Возможно, даже хорошенъко пнуть его по ноге.

Дальняя стена ресторана сделана из стекла, а вдали через вестибюль отеля у бара тусуется группа подростков моего возраста. Некоторые болтают, другие танцуют. Я не могу не задаться вопросом, подойду ли к этой обстановке лучше.

Когда я задумчиво касаюсь своих солнцезащитных очков, я чувствую рывок за волосы и в ответ поворачиваюсь.

— Ты хочешь уйти, детка?

Папочка нашел меня, и мне интересно, будут ли у меня проблемы.

— Они выглядят так, будто им весело, — говорю я, кивая на группу подростков через вестибюль.

На его лице мелькают какие-то безымянные эмоции, но они исчезают, прежде чем я понимаю, что это было. Мягкая улыбка снова озаряет его лицо, отчего на его щеках выглядывают мои любимые ямочки.

— Хочешь посмотреть, чем они занимаются?

Я ненавижу темное освещение этого дурацкого ресторана, потому что не вижу, насколько по-настоящему зелеными кажутся его глаза. Также я не могу разглядеть пылинки седых волос, которые Папочка приобрел за последний год. Цвет, который, как он говорит, я ему подарила. Если он думает, что это является сдерживающим фактором для моего ребячества, то ошибается. Этот пепельный оттенок наоборот будоражит меня.

Я хочу сделать Папочку счастливым, поэтому я лгу.

— Нет, Папочка, давай вернемся к столу, — я должна попытаться вписаться в общую картину, потому что начинаю думать, что это то, что хочет он. Папочка привел меня сюда, но я обнаружила, что надела свои солнцезащитные очки, не заботясь о том, что сейчас ночное время или что нахожусь в этом дурацком модном ресторане. Они ярко-розовые и заставляют меня выглядеть по-дурацки.

Глава 7

Уильям

Тихий ужин, и я могу сказать, что Хейли не чувствует этого. Этот ресторан душный и нервирует, и если бы я знал это заранее, я бы не привел её сюда. Это место тоже не для меня, и знание того, что она не счастлива, делает его ещё менее приятным.

Когда мы идем обратно по пляжу в бунгало, я решаю, что, может быть, Хейли нужно немного расправить крылья, пока мы здесь. Я видел, как она с тоской смотрела на группу молодых людей. Они веселились и хорошо проводили время, что резко контрастировало с нашим рестораном. Я знаю, что в наших отношениях будет много недомолвок, с которыми придется бороться. Она все ещё так молода, и какой из меня Папочка, если я не помогу ей с этим справиться? Предоставление ей некоторой свободы, не обязательно полной, может помочь ей лучше понять её собственные желания.

— Ты знала, что на курорте есть танцевальный клуб?

Она смотрит на меня взволнованно.

— В самом деле? Это звучит забавно! Ты хочешь пойти?

— Ну, завтра будет подростковая ночь. Ты могла бы пойти развеяться. В субботу он открыт для всех, и если эта идея тебе нравится, тогда можешь сходить.

— Ты не хочешь пойти со мной?

Я останавливаюсь на песке и притягиваю её к себе, хватая её за подбородок.

— Я хочу сделать всё с тобой, малышка. Но я спланировал всю эту поездку, и думаю, было бы неплохо, если бы ты приняла решение о том, что мы будем делать ночью. Я знаю, что сегодняшний ужин не был особенно интересным для тебя, и понимаю, что у нас могут быть разные представления о том, каким должен быть настоящий отпуск. Я могу поваляться в бунгало около часа, пока ты отдохнешь. Это частный курорт, и это подростковая ночь, поэтому они не будут подавать алкоголь. Я доверяю тебе.

Она смотрит на меня немного неуверенно, но я вижу, как врачаются шестерни, пока обдумывает это предложение. Через мгновение Хейли кивает головой.

— Думаю, что справлюсь сама. Там должно быть весело, — она широко улыбается, подтягиваясь, чтобы поцеловать меня.

Я углубляю поцелуй и притягиваю её к себе, поднимаю и несу обратно в наше маленькое гнездо любви на море.

Я не опускаю её всю дорогу, целуя и лаская. Закрыв за нами дверь, я подношу Хейли к кровати и ставлю перед собой.

— Думаю, пора Папочке развернуть подарок.

Платье, которое она носит — одно из моих любимых. Не только потому, что это даёт мне легкий доступ к её пышным сиськам, но также и потому, что она выглядит чертовски очаровательной в нем. Хейли всегда так счастлива, когда носит его, и это единственное, что меня волнует.

Я натягиваю ленточки на её плечах, опуская верх платья и высвобождая её сиськи. Я раздеваю её до конца, и скоро Хейли стоит передо мной в розовых трусиках.

Она так красива в трусиках и со своей розовой ленточкой в волосах. Мой член набух ешё в ресторане, стоило мне увидеть её такой милой и невинной. Мне нужно провести время с Хейли сегодня вечером, поэтому я подхожу к чемодану и достаю сюрприз.

— Ланселот!

Я взял с собой её любимого единорога на случай, если возникнет чрезвычайная ситуация, и ей понадобится дополнительный комфорт. Я думаю, что после нашего обеда ей нужно что-то знакомое.

— Вот, пожалуйста, малышка. Теперь я хочу, чтобы ты легла на кровать и откинулась назад. Раздвинь ноги и потри Ланселота о свою киску, поверх трусиков. Папочка хочет немного посмотреть.

Она краснеет от моих слов, но берет игрушку и ползет к кровати. Я оборачиваюсь и беру стул, ставлю его у края кровати. Затем сажусь, расстегиваю рубашку и оставляю её открытой, затем расстегиваю штаны и вытаскиваю твердый член. Он толстый и тяжелый, а предсперма уже оставила следы на нижнем белье.

Я смотрю на кровать и вижу, что Хейли откинулась на подушки у спинки кровати, её ноги широко расставлены. Я смазываю кончик своего члена своей спермой и начинаю медленно тереть его вверх и вниз.

— Поласкай себя, малышка. Пусть Папочка смотрит.

Её соски сжимаются от моих слов, вызывая у меня во рту жажду желания попробовать их.

Хейли кладет единорога между ног, прижимая его к себе. Она начинает двигать его вверх и вниз, покачивая бедрами. Я знаю, как сильно она любит делать это для меня. Хейли нравится, когда я смотрю на неё, когда такая маленькая девочка показывает Папочке, что ей нравится.

Когда Хейли качает бедрами, я начинаю толкаться в свою руку, пытаясь сжать её так же, как киска Хейли. Однако это невозможно, потому что ничто несравнимо с её сладкой кисочкой.

— Папочка, это так хорошо.

— Конечно, детка. В то время как Папочка дрочит, ты растираешь киску своей любимой игрушкой.

Она начинает стонать и обеими руками прижимает игрушку к себе. Её бедра напрягаются, когда она пытается достичь оргазма.

— Все в порядке, маленькая Хейли, кончи для Папочки. Я хочу видеть, как ты это делаешь.

Её глаза закрываются, и она откидывает голову назад, погруженная в чувства, пока я смотрю. Я так близок к тому, чтобы кончить, что мне приходится сжать кончик своего члена, чтобы сдержаться.

— Папочка!

Она выкрикивает моё имя, когда переступает через край, и я наблюдаю за каждым её дюймом, когда удовольствие охватывает её. Блеск пота покрывает её тело, Хейли покраснела с головы до пят. Её дыхание прерывисто, и она крепко прижимает Ланселота к своей киске, пока испытывает оргазм.

— Черт, — я крепче сжимаю свой член и стискиваю зубы, стараясь не кончить. — Просто дыши, — шепчу я, и через мгновение беру себя под контроль. Более или менее.

После того, как её оргазм закончился, она убирает Ланселота, и я вижу её мокрые трусики, показывающие мне, как сильно она кончила. Я больше не могу это терпеть, и заползаю вверх по кровати, между её ногами, и стягиваю трусики в сторону, проталкивая свой член внутрь её тугой, мокрой киски.

— Хейли, — хриплю я, толкаясь внутрь. Я все ещё одет, но мне все равно. Мне нужно попасть внутрь неё.

Я смотрю на её лицо и вижу, как Хейли облизывает губы, и начинаю двигаться. Я сильно толкаюсь и, протянув руку между нами, поглаживаю её клитор, чтобы снова заставить её сиять.

— Папочка, моя киска так устала. Я не знаю, смогу ли снова увидеть искорки.

— Ты кончишь, пока Папочка внутри, а потом проглотишь мою сперму. Не так ли, малышка?

— Я не знаю, смогу ли я.

— Разве ты не хочешь быть хорошей принцессой Папочки? Теперь кончи, пока мой член в тебе, а потом позабочься о Папочке. Ты поняла меня?

— Да Папочка. Я поняла. Я буду хорошей принцессой.

— Это моя девочка.

Пока я толкаюсь туда-сюда, сильнее тру клитор, помогая её чувствительному бутону достичь своего пика. Она уже пережила свой предыдущий оргазм, так что вскоре её внутренние стеночки обхватили меня и стали просить об освобождении.

— Пожалуйста, Папочка!

— Прямо сейчас, девочка. Отпусти себя. Кончи для меня.

Когда я говорю эти слова, Хейли, наконец, отпускает вожжи, кончая подо мной. Она сжимает меня так крепко, что я чувствую прилив жидкого тепла, стекающий по моему члену и между нами. Я держусь и снова стискиваю зубы, не кончая внутри неё. Я даю ей секунду, а затем вынимаю, становлюсь на колени и показываю ей мой член.

Она, не колеблясь, наклоняется вперед, хватая мой член обеими руками и облизывая свои сладкие соки. Она сосет так сильно, что я не могу больше наслаждаться этим.

— Я кончаю, малышка.

Это все, что я могу прошипеть, Хейли начинает сосать сильнее, лишая меня всякого контроля. Она так хорошо сосет мой член. Это должно быть сладче всех леденцов, которые она пробовала.

Когда мой оргазм накрывает меня, Хейли широко открывает рот и глотает весь мой крем. Я хватаюсь за спинку кровати, чтобы не упасть. Её рот подобен раю, и каждый раз, когда она сосет мой член, я как будто умираю и перерождаюсь. Она так чертовски совершенна.

Пока я отхожу от кайфа, Хейли нежно целует кончик моего члена, облизывая его своим языком, как будто это её пустышка. Это одно из её любимых занятий, и я тоже не против.

Я осторожно ложусь на простыни, и она следует за мной, все ещё сося мой член, пока я убираю волосы с её лица. Я жду, когда у меня замедлится сердечный ритм, и наслаждаюсь нашей близостью.

— Тебе лучше, малышка?

Она отрывается от своей любимой «соски», чтобы ответить:

— Намного лучше, Папочка. Спасибо, что взял с нами Ланселота.

— Не за что, малышка.

Я поглаживаю её волосы, и она засыпает с моим членом во рту, и я надеюсь, что смог избавить её от некоторой неуверенности. Трудный возраст.

Глава 8

Хейли

— Может, ты пойдёшь со мной? — спрашиваю я, плюхаясь на край кровати, чтобы Папочка мог надеть на меня мои гольфы.

— Нет, малышка, — он встает передо мной на колени, держа в руке мои голубые гольфы, и неожиданно хватает меня за ногу, отчего я издаю визг. Он знает, насколько чувствительны мои ноги при любом малейшем прикосновении.

— Папочка! Стоп! — говорю я, пытаясь вырвать ногу из его хватки, но он только крепче сжимает её. Он начинает кусать мои пальцы, заставляя меня визжать ещё больше.

— Папочка, пожалуйста! — умоляю я, пытаясь заставить его перестать щекотать меня, но он только больше улыбается и продолжает свою атаку ещё с минуту.

— Хорошо, — он перестает покусывать мои пальцы и натягивает гольфы до колен.

— Ты уверена, что хочешь надеть именно это? — встав, он смотрит на меня с выражением, которое я не могу прочитать. Он одет в костюм, и это заставляет меня задуматься, почему Папочка его надел. Может, он сегодня вечером хочет отправиться в тот тупой ресторан без меня, чтобы я не испортила вечер. Я скептически осматриваю себя и не нахожу причин, почему бы мне пойти в этом. Так я всегда одеваюсь. На мне голубая детская футболка, которая подходит к моим гольфам, и у меня есть симпатичные кроссовки в комплекте с ними. У них очаровательные маленькие сердца по бокам, которые восхитительны.

Все, что мне осталось надеть сейчас, это белые шорты, и в путь. Мне нравится этот наряд, потому что цвета комбинируют с цветом моих глаз, и я уложила волосы в две рыхлых косички с подходящими лентами. Может быть, комбинация получилась слишком голубой, но мне действительно нравится мой выбор, и я знаю, что любимый цвет Папочки — синий. Он говорит, что это из-за моих глаз, поэтому я выбрала этот наряд. Я думала, что ему понравится, но теперь, кажется что прогадала. По-моему в последнее время такое происходит часто.

— Тебе не нравится? — спрашиваю я, глядя на него сквозь ресницы.

— Если это то, что ты хочешь надеть, тогда прекрасно.

Я не убеждена. Что-то не так, и, кажется, я не могу понять что именно. Со вчерашнего дня все казалось неуравновешенным, и я не уверена, как справиться с этим, потому что Папочка, кажется, всегда всем доволен. Но мне кажется, что между нами какая-то мелкая пропасть, что в принципе глупо, потому что Папочка почти всегда был внутри меня, с тех пор как мы сюда приехали.

— Не хватает только одной мелочи, — говорит он, прерывая мои мысли. —

Раздвинь ноги для Папочки.

Придвигаясь к самому краю кровати, и делаю, как он велит, раскрывая ноги.

— Не заставляй меня просить, малышка. Ты знаешь, чего хочет Папочка, и собираешься дать это ему, потому что твоя работа — убедиться, что Папочка получит все, что захочет. Прямо сейчас он хочет увидеть твою маленькую киску.

Приподняв бедра, я, оттягиваю трусики в сторону, показывая ему, чего он хочет. Я волнуюсь. Мне нравится, когда он становится властным.

Он облизывает губы, заставляя меня желать, чтобы Папочка прижался ко мне своим ртом, но вместо этого он просто расстегивает ремень, вытаскивает член и медленно поглаживает себя. Он наслаждается моим видом, открытым для него, и я наслаждаюсь видом его прикосновения к его члену.

— Откинься назад, но держи ноги свисающими с кровати, а трусики в стороне.

Я делаю, как было сказано, падая спиной на кровать. Мгновенно Папочка оказывается на мне, нависая надо мной, словно загоняя в ловушку.

Он кладет одну руку рядом с моей головой, поддерживая свой вес. Другая рука поглаживает его член, его ноги между моими. Опустившись ниже, он потирает кончик моего клитора взад и вперед, заставляя меня стонать.

— Внутрь меня, Папочка, — умоляю я, но он игнорирует мои просьбы и продолжает поглаживать себя, потирая кончик своего члена о мой клитор. Однако Папочка не оказывает на меня достаточного давления, чтобы я могла кончить, если захочу.

— Папочка! — снова умоляю я. — Дай мне увидеть искорки.

— Нет, — выпаливает он. — Скажи мне, чья это киска? Кто говорит тебе, когда надо кончить?

— Твоя Папочка. Ты. Пожалуйста.

— Громче, — его голос звучит резче, чем обычно. Он как будто... на грани.

— Твоя. Всё твое, Папочка, клянусь, — я надеюсь, что он даст мне то, что мне нужно, но я также хочу, чтобы он знал, что я полностью в его власти.

— Чёрт, да, это так, — хрипит он, и я чувствую, как его тёплое освобождение покрывает мою киску и бёдра.

— Не двигайся, — говорит он, вставая с кровати. Он достает телефон из кармана и делает снимок, а затем кладет его обратно в карман. Это то, что Папочка никогда не делал раньше. Протянув руку, он разжимает мою ладонь, которая оттягивала трусики, смешая их обратно на место, после чего хлопает по ним пару раз. Его сперма как клей скрепляет их с моей киской.

— Если будешь сегодня хорошей девочкой, я позабочусь о тебе, когда ты вернешься в комнату, поэтому на твоем месте я бы вел себя очень хорошо.

— Но мне сейчас так больно! — я надеваюсь и потираю руками свои сиськи, пытаясь облегчить боль.

— Перетерпишь.

Он игнорирует мои мольбы и подходит ко мне, чтобы натянуть на меня шорты. Я хнычу, но он быстро обувает меня в кроссовки, дважды завязывая шнурки. Затем он поправляет костюм. Через несколько секунд Папочка выглядит идеально, как и всегда.

Внезапно я вспоминаю его комментарий ранее.

— Что ты имел в виду, говоря, что не хватает одной мелочи к моему наряду?

— Думаешь, Папочка позволит тебе уйти одной, не оставив на тебе свою сперму?

Я краснею от его слов. Это именно то, что он только что сделал. Он не очистил меня, а просто надел сверху шорты.

— Ты никогда не пойдешь туда, где не будет меня, без моей спермы на тебе, — он бросает на меня суровый взгляд. — Поняла?

— Да, Папочка.

Затем он выводит меня из нашего бунгало в ночь.

— Ты просто будешь ждать здесь?

Неприятное чувство охватывает меня. Не то чтобы я раньше ничего не делала самостоятельно, но зачем, если не было случая?

Я ходила на занятия одна, потому что было бы странно, если бы мне нужен был кто-то, чтобы пойти со мной. Иногда я оставалась дома одна, пока не попала в беду. Но это произошло потому, что Папочка был слишком занят на работе, чтобы я могла пойти с ним. Я бы умерла от скуки, если бы мне пришлось пойти с ним.

— Я буду прямо там, — Папочка кивает в сторону бара, который находится в тридцати футах от входа в клуб. В баре сидят несколько мужчин и женщин, которые выглядят одного возраста с Папочкой. Они все разговаривают и пьют. Я не могу не думать, как идеально он подойдет к этой атмосфере.

— Хорошо, я думаю.

Наклоняясь, чтобы поцеловать его, я чувствую, как он шепчет мне в губы.

— Будь хорошей девочкой, Хейли, — он мягко сжал мою задницу, прежде чем отпустить, и это заставило меня улыбнуться.

Из клуба выскочили две девушки, с ними через дверь вырывается громкая музыка, и они смотрят на моего Папочку. Кажется, он их не замечает, потому что его глаза все ещё смотрят на меня.

— Все будет хорошо, обещаю, — говорю я, опускаясь с кончиков пальцев ног.

— Я буду здесь, если понадоблюсь, — снова говорит он, указывая на бар.

Кивнув, я пробираюсь к двери, оставляя Папочку позади себя.

Музыка веселая, и я уже чувствую, как пружинят мои ноги на каждом шагу, пока я подбираюсь к напиткам, чтобы что-то заказать.

Я машу рукой, чтобы привлечь внимание бармена и кричу сквозь музыку.

— Ширли Темпл, — говорю я, вытаскивая деньги из кошелька. — Экстравишневый.

Когда я получаю свой напиток, я сажусь на барный стул и наблюдаю за всеми на танцполе. Цветные огни отражаются от стен, освещая танцоров. Тогда я замечаю, как по-разному я одета по сравнению со всеми остальными. Поэтому Папочка спросил, не хочу ли я переодеться во что-то другое? Потому что он знал, я не подойду к обстановке?

Тогда до меня дошло, что я никуда не вписываюсь — ни в бар, где сидит Папочка, ни даже туда, где все мои ровесники.

Чем дольше я сижу здесь, тем больше мне становится неудобно, и я начинаю елозить на одном месте. Если бы Папочка был здесь, он бы положил руку мне на ногу и крепко сжал, чтобы успокоить меня, но его здесь нет.

— Хочешь потанцевать?

Рядом со мной стоит мальчик. Я его раньше не видела. Он выше меня, но мой Папочка, вероятно на три дюйма выше. У мальчика светлые лохматые волосы и голубые глаза, как у меня, но его оттенок более глубокий. Он одет в белые шорты и розовую рубашку поло, и мне почему-то не нравится его внешний вид. Я имею в виду, я люблю розовый, но он выглядит на мне лучше, чем на нём. Интересно, как он сможет очаровать кого-то в таком виде? Он определенно должен носить костюм, как у Папочки. Может быть, даже постричься.

Не дожидаясь ответа, он хватает меня за руку, тянет меня на танцпол. Он прижимает своё тело вплотную к моему, вжимая меня в себя.

— Привет! Ты не можешь прикасаться ко мне так, — я резко отстраняюсь от него. Папочка был бы так зол! Никому не позволено трогать меня так, не говоря уже о том, что мне это не нравится. Это неправильно и по-другому.

— Не будь такой ханжой. Я сделал тебе одолжение, пригласив тебя потанцевать. Ты выглядишь чертовски нелепо, сидя в баре, одетая так, — он громко говорит сквозь музыку и жестом указывает на мою одежду. Смущение наполняет меня, но не так, как Папочка смутил меня ранее. Это так отличается, и это больно.

Оглядываясь вокруг, я вижу, что он прав. Все остальные девушки носят короткие платья, хвастаясь большей частью их тел. У них прически и боевой макияж. Я, наверное, единственный человек здесь в кроссовках. Да и с косичками, если на то пошло.

Он пытается снова притянуть меня ближе, но я толкаю его в грудь, заставляя его врезаться в человека позади него. Пользуюсь возможностью и выбегаю из клуба. Это было совсем не то, что я думала, и теперь просто хочу вернуться к моему Папочке, даже если это означает снова сидеть в этом дурацком ресторане. Я буду притворяться счастливой, мне все равно, пока я буду рядом с ним.

Я думала, что было бы весело танцевать здесь и петь под музыку, но это не похоже на танцевальную вечеринку, которую я проводила дома с Папочкой. Я думала, что он пойдет со мной, и когда замечаю его в баре, он сидит между мужчиной и женщиной, и все они разговаривают. Он издает глубокий смех, который я люблю, и я чувствую комок в горле.

Я понимаю, что прошлой ночью вела себя неуместно, проковырявшись остаток вечера в полупустой тарелке, но Папочка не имеет права так себя вести. Не успела я, в

полной мере возмутиться, как элегантная женщина кладет свою ладонь ему на руку, я чувствую, как слеза стекает по моей щеке. Он внезапно поднимает голову, как будто чувствует меня, и наши глаза встречаются.

Я убегаю.

Глава 9

Уильям

Я вижу, как Хейли бежит, и встаю, чтобы последовать за ней.

— Извините, — кричу я через плечо, выходя из бара и гонясь за своей малышкой. Я оказываюсь на пляже, когда, наконец, ловлю её, и поднимаю на руки. Она впадает в ярость и начинает пинать меня. Я заношу её в какую-то беседку и опускаю на скамейку, прижимая её руки к себе и пытаясь контролировать её взрывы.

— Хейли, остановись! Успокойся, малышка. Что случилось? Скажи мне, что не так, — она не смотрит на меня, продолжая плакать. Хейли тяжело дышит, и я осматриваю её, чтобы убедиться, что она не пострадала. — Девочка моя, скажи мне, что случилось. Ты в порядке? Ты ударила?

— Нет! Я просто большая кукла, вот и все. Я просто какой-то незрелый ребенок, который ни черта не знает.

— Манеры, юная леди, — ненавижу быть суровым с ней, когда она так расстроена, но обычно Хейли так не говорит. — Что случилось в клубе? Поговори со мной.

— Ты был прав. Я одета так глупо. Я выглядела как шут. Всё, что я хотела сделать, это вернуться к тебе, но ты был в баре с этими стариками, и даже там я бы выглядела не лучше. Я никуда не вписываюсь. Что со мной не так?

Она начинает рыдать, я сажаю её себе на колени и позволяю ей поплакать. Я гладжу её спину и издаю тихий звук, стараясь успокоить Хейли, зная, что ей сейчас плохо.

— Отпусти это, малыш. Всё это.

Проходит несколько минут, прежде чем её большие рыдания превращаются в маленькие всхлипы. Я наклоняюсь и целую её макушку, прижимая ближе к себе.

— Ты отлично вписываешься ко мне, малыш.

Я чувствую, как она кивает головой, но все ещё молчит. Это самая сложная часть наших взрослых и детских отношений — знать, когда надо дать напутствие, и когда промолчать.

— Хейли, моя сладкая любовь, тебе не нужно вписываться никуда, кроме меня. Ничего страшного, если ты пробуешь что-то новое. Это часть жизни, пробовать новое и узнавать, что лучше. Я хочу, чтобы мы могли делать всё вместе, но реальность такова, что иногда ты должна убедиться в этом сама. Вещи, которые я люблю в тебе больше всего, это то, насколько ты молода и энергична. Мне нравится твоё упрямство и тот факт, что ты владеешь своими чувствами. Если ты хочешь дуться, ты дуешься. Если ты хочешь топнуть ногой, ты обязательно топнешь.

Я чувствую, что она немного смеётся, и продолжаю говорить:

— У нас получается лучше, когда я контролирую ситуацию, и принимаю решения за нас, но время от времени тебе придётся быть большой девочкой и сделать что-то за пределами твоей зоны комфорта. Каким Папочкой я был бы для тебя, если бы не расширял твои границы и не помогал тебе стать лучшей маленькой Хейли, какой ты можешь быть?

Она вытирает лицо о мой костюм, и я улыбаюсь ей.

— Самое приятное в тебе то, что ты так невинна и мила, и всегда отдаешь себя мне без остатка. Ты не скрываешь свои эмоции, когда напугана, и обнимаешь свою плюшевую

игрушку, и это только заставляет меня любить тебя больше. Я обожаю, когда ты так одеваешься, — я дергаю её за косичку, чтобы она посмотрела на меня. Взгляд её мокрых глаз встречается с моими.

— Мне всё равно, кто что говорит или думает, когда они видят тебя или нас вместе. Ты выглядишь красиво и идеально для меня. Я хочу, чтобы ты была такой, какой ты хочешь быть, и если это косички и леденцы, то это то, чего я хочу. Если однажды ты захочешь надеть деловой костюм и каблуки, я полюблю и это. Я люблю тебя из-за того, кто ты есть. Когда я смотрю на тебя и вижу твою улыбку, в этом мире нет ничего прекраснее моей маленькой Хейли.

Наконец она улыбается мне, и я вижу, что прорвался сквозь её печаль.

— Ты знаешь, что в чем плюс быть твоим папочкой? — она качает головой и смотрит на меня обнадеживающим взглядом. — Я могу вести тебя и помогать в подобных ситуациях. Как бы мне ни было трудно позволять тебе летать самостоятельно, это часть моей работы. Я буду с тобой всю оставшуюся жизнь, Хейли. Я здесь для того, чтобы поддержать тебя, научить и вести через препятствия, чтобы единственное, на чем тебе когда-либо нужно было сосредоточиться, это быть собой и быть счастливой. Я так сильно тебя люблю, быть ответственным за тебя — цель моей жизни. Это дает мне внутренний покой, когда я доминирую над тобой, и это заставляет меня чувствовать себя хорошо. Поэтому не говори мне, что ты никуда не вписываешься, потому что ты идеально вписываешься в моё сердце.

Я наклоняюсь и целую её распухшие губы. Они такие мягкие и сладкие, и когда мой язык касается её, она обнимает меня за шею и притягивает ближе. Через несколько секунд я отстраняюсь и смотрю на неё сверху вниз, вытирая последние слезы.

— Ты в порядке, малыш?

— Да, Папочка. Спасибо. Мне лучше. Я думаю, что из-за мальчика в клубе и, увидев тебя в баре, с этой женщиной, я просто взорвалась.

— Какой мальчик? — я стараюсь сохранять спокойствие, дыша сквозь раздражение.

— Никакой. Он просто прикоснулся ко мне, и это было неправильно, а потом сказал, что я одета глупо, и я убежала оттуда.

Я сжимаю руки в кулаки и стараюсь не реагировать слишком быстро.

— Он тронул тебя?

— Нет, Папочка. Успокойся. Это было просто прикосновение, ничего похожего на тебя. Все в порядке. Я ушла, чтобы найти тебя, а ты был с этой женщиной. Почему бы тебе не рассказать мне об этом?

Хейли говорит последнюю часть с некоторым нажимом, и я пытаюсь позволить инциденту в клубе отойти на второй план. Я постараюсь получить от неё больше ответов позже. Прямо сейчас я хочу ослабить её страхи о чём-либо между мной и кем-то ещё.

— Ты видела мужчину, сидящего с женщиной?

Она выглядит немного неуверенно, но кивает головой.

— Это был её муж. Мы просто разговаривали, девочка. Они отмечали годовщину.

Мы просто разговаривали, пока я ждал тебя.

— Ага, не считая того, что она коснулась твоей руки.

Я не могу не улыбнуться её глупому тону.

— Да, она коснулась, и мне не понравилось это, — судя по всему, нам обоим нравятся только прикосновения друг к другу. Я блуждаю руками вверх и вниз по её спине, ощущая все её изгибы.

Хейли немного отстраняется, чтобы оседлать мои колени. Наша кабинка находится в несколько уединенной части пляжа, но любой может пройти и увидеть нас. Есть стены вокруг кушетки с трех сторон, но обзор со стороны океана открыт. Сейчас уже поздно, и солнце уже полностью зашло, но если кто-то собирается прогуляться по пляжу, он может посмотреть вверх и увидеть нас.

Когда она оседлала мои колени, я понял, чего она хочет. Я не дал ей кончить раньше, и после эмоциональной ночи, которую она провела, ей нужен оргазм. Я сажусь на кушетку, и Хейли, обхватив меня ногами, начинает качать своим центром против моей эрекции.

— Малыш, нас могут заметить здесь. Ты уверена, что не хочешь вернуться в наш дом?

Она застенчиво смотрит на меня сквозь ресницы и качает головой.

— Да.

— Так как у тебя была тяжелая ночь, Папочка позволит тебе увидеть фейерверк. Но больше ничего, пока мы не вернемся в комнату. Ты понимаешь?

— Я понимаю, Папочка.

Я вижу необходимость в её глазах. Она не только хочет освободиться, она также хочет, чтобы я снова контролировал её. Ей нужно, чтобы я доминировал над ней и напомнил ей, кто за неё отвечает. Наш идеальный пузырь немного смешился, поэтому пришло время вернуть его на место.

— Отклонись немного и широко раздвинь свои ноги.

Хейли кладет ладони за спину и откидывается на них, раздвигая ноги. Она все ещё полностью одета, и я не собираюсь это исправлять.

Я протягиваю руку под её футболку и стягиваю мягкую чашечку её бюстгальтера, слегка сжимая её сосок под тканью. Я перемещаю руку к другой сиське и делаю то же самое. Я сжимаю её соски и вижу, как они проступают сквозь её узкую футболку.

Она откидывает голову назад, и я слышу её стон. Затем сильно сжимаю её сосок, и она вскидывает голову, закрывая глаза.

— Тихо, малышка, или мы остановимся прямо сейчас.

— Да, Папочка. Пожалуйста, не останавливайся.

Я держу одну руку на её соске, слегка сжимая и потирая, пока чередую её сиськи. Я протягиваю вторую руку между нами и провожу пальцами по внутреннему бедру до её центра. Я играю со швом её шорт и чувствую, насколько она теплая. Я медленно пробираюсь в её шорты до трусиков, чувствуя, насколько они мокрые.

— Ты все ещё мокрая от спермы Папочки?

— Да, Папочка. Ты любил меня всю ночь, но я так нуждаюсь. Пожалуйста, потри мою киску.

— Когда ты так мило просишь, я не могу отказать.

Я отодвигаю трусики Хейли в сторону, чувствуя липкость её соков и своей спермы на киске. Влага покрывает мои пальцы, и мой твердый член становится ещё жестче, от мысли трахнуть её.

Она по-прежнему полностью одета, и если бы кто-нибудь прошел мимо, они бы не увидели мою маленькую принцессу. Её сладкое тело только для моего удовольствия.

Я проникаю двумя пальцами внутрь неё, пропитываясь её соками, и Хейли начинает насаживаться на них. Другой рукой сжимаю сосок, играя с её тугой киской, пока она двигает бедрами, отчаянно пытаясь кончить.

— Ты хочешь, чтобы Папочка заставил эту сладкую киску кончить?

— Пожалуйста, Папочка. Так сильно, как сможешь.

Я держу свои пальцы внутри неё и подношу большой палец к её клитору. Я натираю круги вокруг плотного комочка, чувствуя, как наши смешанные соки скользят по нему. Это займет всего несколько минут, прежде чем я почувствую, как её киска сожмет мои пальцы. Я знаю, что сладкая киска предпочла бы мой член, но сейчас нужно сделать так. Как только я сильно сжимаю её сосок, она бьется в экстазе и достигает кульминации на моих пальцах, выпуская свой сладкий мед. Её спина изгибается, но оргазм тихий, и я улыбаюсь.

— Такая хорошая малышка. Такая милая девочка. Ты кончила так тихо и мило для Папочки.

Я медленно скользжу пальцами внутри неё, не желая покидать её тепло. Её оргазм окончен, и Хейли наклоняется вперед, снова обнимая меня. Я проталкиваюсь внутрь неё ещё несколько раз, прежде чем, покинуть её тело, и подношу свои, покрытые медом пальцы, ко рту, обсасывая их дочиста.

Пока я делаю это, она издает язвительный звук, и я знаю, что пора возвращаться в комнату для большего.

Я поправил её бюстгальтер и схватил за задницу, подняв со своих колен. С её руками и ногами, обернутыми вокруг меня, легко перенес обратно в бунгало.

Когда мы оказываемся внутри, я проношу её до кровати и медленно раздеваю нас обоих. После сегодняшнего вечера и её быстрого оргазма на пляже я не хочу спешить, и теперь буду наслаждаться своей малышкой. Я хочу насладиться каждым сантиметром Хейли и всю ночь чувствовать её вокруг себя.

Когда погружаюсь в неё, я чувствую себя полноценно. Как будто мы наконец-то вернулись туда, где всегда были.

Глава 10

Хейли

— Тебе повезло, что я позволил надеть это, — говорит Папочка, притягивая меня к себе. Он обхватывает рукой мою одетую в купальник киску, заставляя меня расслабиться.

Погода сегодня идеальная. Не слишком жарко, чтобы просто торчать в кабинке весь день. Папочка покусывает мою шею, заставляя меня улыбаться ещё больше. Он прав. Я отлично вписываюсь к нему, и это всё, что имеет значение.

— Тебе не слишком жарко, малышка? — он ещё раз слегка кусает меня за шею, и я улыбаюсь от ощущения.

— Нет, Папочка. Просто немного хочу пить.

Я обнимаю его, прижимаясь своим телом к нему. Сегодня был идеальный день. После моего срыва вчера вечером Папочка относился ко мне как к принцессе, и я ценю каждую минуту этого.

— Взбитые сливки? — он знает, на что я намекаю.

— Дополнительная порция? — хлопая ресницами, я пытаюсь использовать магию, чтобы получить то, что я хочу.

— Один девственный клубничный дайкири, — вырываясь из моих объятий, он поднимается с кушетки и встает передо мной. — Не выходи из кабинки в этом бикини, пока меня не будет.

Его глаза бродят по моему маленькому купальнику. Это был единственный купальник, который я упаковала, и он слишком маленький. Верх выглядит неприлично для меня. Мои сиськи болтаются по обе стороны от треугольников, а крошечное бикини едва прикрывают мои нижние губки. Тем не менее, он хранит так много воспоминаний, что я не могу этого передать. Когда мы просто плавали в воде рядом с бунгало, Папочка, казалось, был в порядке, когда я носила его, но в общественных местах с кабинками для переодевания он хотел, чтобы я была в пределах досягаемости.

— Почему? — спрашиваю я, поднимаясь и надевая свои розовые очки. — Что случится страшного, если я быстренько искупнусь?

Он наклоняется вперед, сжимая мой сосок. Я испустила писк от шока, когда он закатал его между пальцами, глядя прямо мне в глаза.

— Вот почему. Ты даже не заметила, что они выскользнули из верха, — рычит он, слегка потянув меня за сосок и заставив меня взвизгнуть ещё громче.

— Хорошо, — я дуюсь, падая обратно на кушетку.

— Я начинаю понимать, почему некоторые родители используют поводки для детей. Я мог бы просто привязать тебя к перилам и не беспокоиться.

Он ворчит и проводит рукой по своему щетинистому подбородку, который не потрудился побрить с тех пор, как мы приехали сюда.

— Ты не можешь связать меня! — я вскочила на кушетку. — Что, если я хочу устроить танцевальную вечеринку? — я начинаю танцевать, размахивая руками в воздухе.

— Ты хочешь, чтобы я выпил твой напиток? Потому что я собираюсь затащить тебя обратно в наше бунгало и вытрахать из тебя всю дурь.

Когда он говорит это, три человека проходят мимо и поворачиваются, чтобы посмотреть на нас.

— Папочка! — я симулирую шок, но на самом деле мне всё равно. Я люблю, когда он обращает на меня внимание перед людьми. Мне нравится, когда все знают, что я центр его мира.

— Садись и жди, когда я вернусь.

Я плюхнулась на кушетку, делая свои движения настолько драматичными, насколько это возможно.

— Будь хорошей девочкой, пока меня не будет, иначе ты не будешь сосать член папочки, когда ляжешь спать днем.

Я смотрю на его промежность. Такого не случится. Я бы никогда не заснула, если бы не смогла держать его во рту. Его вкус во рту, когда я засыпаю, успокаивает меня. Я фыркаю, когда он уходит, понимая, что мне нужно вести себя хорошо.

Часы идут, а Папочка все ещё не возвращается. Хорошо, может быть, не часы. Может быть, минут пять, но я начинаю потеть, и мне нужно остывать. Я встаю и иду к краю кабинки, чтобы посмотреть, смогу ли я разыскать Папочку. Осматриваюсь, но не вижу его. И решаю, что у меня, вероятно, достаточно времени, чтобы действительно быстро окунуться и прибежать обратно в кабинку, чтобы обсохнуть, прежде чем он вернется с моим напитком. Он никогда даже не узнает, что я уходила. Я буду быстрая, как ниндзя.

Бросив свои солнцезащитные очки на кушетку, я прибегаю на пляж, и смотрю вниз, чтобы убедиться, что мои соски не видны, а киска полностью прикрыта. Я добираюсь до края воды. Я настолько поглощена искрящимся синим океаном, что врезаюсь в кого-то, заставляя нас обоих упасть волны.

Я запаниковала, но прежде чем успокоилась, меня схватили за руки и помогли встать.

— Вот это да. Если бы я знал ещё в клубе, что под этим дерьямом такие большие сиськи, я бы посмотрел на тебя иначе.

Соленая вода обжигает мне глаза, и мне приходится несколько раз моргать, чтобы узнать злого мальчика из танцевального клуба вчера вечером. Я вижу, что он приkleил свои глаза к моей груди. Я смотрю вниз, благодаря Бога, что мои сиськи не выпали из моего крошечного топа. Он слегка сжимает мои руки, пытаясь притянуть меня ближе к себе, и я начинаю паниковать.

— Убери от меня свои руки, — я пытаюсь отодвинуться, но его хватка только крепчает. Страх начинает пронзать мой позвоночник, и я не знаю, что делать.

— О, да ладно, только не говори мне, что не хочешь внимания, когда носишь что-то подобное. Почему бы нам не прогуляться и...

У него нет шанса закончить свою мысль, потому как его толкают в песчаные волны, и я оказываюсь в горячих объятиях Папочки.

— Папочка! — я чуть не разрыдалась в его шею, благодарная, что он здесь. Я оглядываюсь через плечо и вижу, как мальчик встает и выходит из воды. Я чувствую напряженный взгляд Папочки, направленный на него.

— Держи руки подальше от меня, стариk. Может быть, тебе не стоило позволять своей дочери одеваться как шлюха на пляж, а потом злиться, когда с ней разговаривают.

Я так сильно злюсь на его глупые слова. Он ничего не знает о нас. Папочка начинает говорить, но я перебиваю, мне есть что сказать.

— Мы не обязаны рассказывать всем о наших отношениях или о том, как устроен мир, но просто для справки на будущее, Папочка не всегда означает «отец», и ничто из того, что носит женщина, не дает тебе права быть дерзким. Держи свои руки при себе и научись относиться к женщинам с уважением.

Папочка притягивает меня к себе крепче, и я знаю, что у меня, вероятно, проблемы, но он горд тем, что я сказала.

— И ты никогда не прикасаешься к тому, что тебе не принадлежит. Она моя, и тебе просто посчастливилось насладиться видом.

С этими словами Папочка поворачивает нас и ведет меня обратно к кабинке, опуская шторы, затем мы подходим к кушетке. Я вижу свой напиток на столике и с тоской смотрю на него.

— Мне очень жаль, Папочка.

— О, я уверен, что это так. Я специально сказал тебе не выходить из кабинки, пока меня не будет, не так ли, Хейли?

Я смотрю на него с лукавой улыбкой.

— Но тебе нравится, когда я не подчиняюсь тебе.

— Ты хочешь, чтобы кто-нибудь ещё увидел то, что моё? — он ползет ко мне на кушетку, когда мы, наконец, остались наедине.

— Нет, я просто хотела остыть. Мне стало немного жарко, и я подумала, что искупнусь на скорую руку, прежде чем ты вернешься.

— Значит, ты намеренно ослушалась меня?

— Тебя так долго не было, — я стараюсь выглядеть невинно, но это его не подкупает. Он подходит ближе и раздвигает мои ноги, натягивая веревки с обеих сторон моего купального костюма, обнажая мою киску.

— Тебя нужно наказать, Хейли, — он развязывает шорты и достает свой твердый член, садясь между моих ног. — Это будет быстро и только для меня. Я хочу, чтобы ты подумала о том, что сделала неправильно, и почему я попросил тебя остаться здесь. И ты будешь жаждать оргазма, которого не получишь.

Он проталкивает головку своего члена между моих гладких складок, и это так здорово. Я поднимаю бедра, желая угодить ему, молча умоляя его передумать.

Папочка полностью вонзается в меня, затем быстро начинает качаться вперед и назад. Я начинаю стонать, но он наклоняется и кладет руку мне на рот. Приставив свой рот к моему уху, он шепчет, пока быстро трахает меня.

— Ты не издаешь ни звука. Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, какая ты грязная девочка. Они уже видели, как возбуждающая твоя киска благодаря крошечному клошку бикини, которое ты носишь на пляже. Если кто-то сейчас пройдет мимо, все, что он услышит — липкие звуки сиропа, которые источает твоя киска, обсасывая Папочкин член. Твои стоны мои.

Его слова заводят меня, и моя киска выпускает больше сока. О, Боже, я ни за что не смогу отказаться от него.

Протянув руку между нами, он нажимает на мой клитор, и я чувствую, как мои глаза закатываются. Он все ещё держит свою руку на моем рту, и наклоняется,кусая мой сосок, который выскоцил из моего бикини.

Я так близка. Всё, что мне нужно, это ещё два толчка, но, как только я об этом думаю, Папочка толкается и прижимается ко мне, кончая внутрь меня. Я пытаюсь теряться об него, но он быстро отстраняется, вынимает из меня свой член и становится на колени на кушетке.

— Очисти Папочку, маленькая девочка. Убедись, что собрала весь Папочкин сок. Не забудь про мои яйца.

Я наклоняюсь к Папочке, все ещё возбужденная и близкая к оргазму. Я сделаю всё, что он скажет, если это поможет найти облегчение. Я облизываю и сосу его яйца, пробуя наши слившиеся соки, и упорно работаю над ним. Я целую его повсюду, делая так, как ему нравится. Он ложится на кушетку, мой рот все ещё на нем, и он смотрит, как я очищаю его.

После нескольких минут сосания мне нужно больше.

— Пожалуйста, — умоляю я у его члена, глядя сквозь ресницы.

— Ты обещаешь делать то, что Папочка скажет в следующий раз?

Я киваю головой, все ещё с его членом во рту.

— Хорошо, малышка. Поднеси свою киску к лицу Папочки, но держи мой член у себя во рту. Я ещё не закончил с твоим ртом.

Я улыбаюсь и двигаюсь, чтобы Папочка мог лизать меня и заставить увидеть искорки. Когда я принимаю нужное положение, я продолжаю лизать и сосать, потому как его член всё ещё тверд. У него уже течет предсперма, и я чувствую её на своем языке. Я продолжаю сосать, желая большего.

Не прошло и пяти минут, как я увидела фейерверк, сидя на его лице, выплескивая волны удовольствия, которые текут по моим ногам. Я широко открываю рот, когда он вскидывает голову, проливая своё семя в моё горло. Я заглатываю Папочку полностью, в восторге от его вкуса во рту.

Внезапно силы покидают меня, и я чувствую, что засыпаю, пока лежу на Папочке, а его член все ещё находится у меня во рту. Он моя самая любимая соска, и я закрываю глаза, размышая о том, какая я счастливая девочка.

Глава 11

Уильям

Остальная часть недели проходит без происшествий, и мы проводим ленивые дни, отдыхая на солнце и занимаясь любовью. Это абсолютно идеально, и я не хочу, чтобы это закончилось.

— Мы должны возвращаться домой, Папочка?

Хейли повторяет мои мысли, и я закрываю глаза, смакую этот момент. Она лежит у меня на груди, пока мы обнимаемся в нашем бунгало.

— Хотелось бы продлить наши каникулы, малышка, но мир ждет нашего возвращения. Кроме того, разве ты не хочешь увидеть свой новый магазин выпечки?

Я чувствую её напряжение, а потом она резко садится, её волосы — грива кудрей от плавания в океане — подпрыгивают. Солнце струится позади неё, обрамляя её ореолом солнечного света. У неё огромная улыбка на лице, и она похожа на ангела.

— Мой магазин?

— Да, твой магазин. Я дал указание на его подготовку в день, когда мы уехали. Он находится в том же здании, что и мой офис, поэтому ты будешь рядом. И у тебя будет много клиентов, среди которых будут те, кто работают в том же месте.

Внезапно она выглядит немного неуверенно и кусает губу.

— Как ты думаешь, я достаточно хороша? Что, если людям не понравится?

Я дернула её кудри, улыбаясь ей.

— Я думаю, что ты талантливая, замечательная и ты всегда мила со всеми. Они полюбят тебя и твои шедевры. Но есть одна проблема. Им всем придется ждать в очереди за мной.

Её лицо сияет, и она падает на мою грудь, обнимая меня всем своим телом. Я обнимаю её в ответ, радуясь, что могу воплотить в жизнь её мечты.

— Ты счастлива, маленькая Хейли?

Она отстраняется и смотрит на меня, улыбаясь от уха до уха.

— Я так счастлива, Папочка.

— Ты хочешь сделать Папочку таким же счастливым, как сейчас?

Хейли хихикает и кивает головой. Я подхожу к полотенцу, лежащему рядом на тумбочке, и вытаскиваю маленькую коробочку. Когда она это видит, её глаза расширяются до размеров блюдца, и я сажусь на одно колено, взяв её за руку.

Я открываю коробочку, показывая розовый бриллиант в форме сердца. Я купил его в тот день, когда ей исполнилось восемнадцать, и ждал подходящего момента, чтобы отдать ей его.

— Я никогда никого не буду любить, кроме тебя до конца своей жизни. Ты выйдешь за меня, Хейли?

Маленькие слезы начинают течь по её щекам, и я использую большой палец, чтобы вытереть их. Через секунду она кивает и обнимает меня за шею, чуть не задыхаясь.

Я немного смеюсь над её волнением, и когда она отступает, я беру за руку и надеваю кольцо. Оно идеально подходит.

Хейли смотрит на кольцо и двигает пальцами, наблюдая, как оно блестит на солнце.

— Оно сверкает почти так же красиво, как и ты.

— Папочка! — она краснеет от моих слов, и снова обнимает меня за шею, на этот раз, толкая меня обратно на кровать и целуя. После тысячи поцелуев она отстраняется и смотрит на меня сверху вниз.

— Я хочу рождественскую свадьбу, — она так взволнована, что я уже вижу, как у неё в голове крутятся разные идеи.

— Всё, что ты захочешь, малышка. Всё что захочешь.

Она ложится рядом, и я прижимаю Хейли к себе, думая, как мне повезло, что я нашел её. Я ждал её всю свою жизнь, и буду рядом до конца наших дней. Я целую Хейли в лоб и закрываю глаза.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, Уильям.

Обычно она не называет меня по имени, поэтому сейчас я понимаю, как это важно для неё. Когда она зовет меня «Папочка», это привилегия, которую я не воспринимаю легкомысленно, и мне это очень нравится. Но когда она зовет меня «Уильям», она напоминает мне, что мы вместе навсегда. Что бы ни случилось, она всегда будет моей, а я всегда буду её. Что, пока мы наслаждаемся нашими отношениями, какие они есть сейчас, пока мы находимся в объятиях друг друга, ничто иное не имеет значения.

КОНЕЦ

СЕРИЯ
Невинность
КНИГА 3

Папочкина
непослушная
малышка

НЕВИННОЕ
Рождество

VK.COM/LOVESTORIES2017

АЛЕКСА РАЙЛИ

Аннотация

Это рождественская свадьба Папочки Уильяма и его маленькой Хейли.

Последняя глава в их истории – слегка невинная, с множеством бантиков и обилием Папочкиного внимания.

Предупреждение: их радостное будущее наполнено масштабностью взрослых и детских шалостей, в то время как Уильям и Хейли принимают свой образ жизни с распластертыми объятиями. Если быть невинным на Рождество – ваша мечта, то эта новелла для вас!

ПРИМЕЧАНИЕ: «Невинное Рождество» можно считать отдельным чтивом, которое также оставит неизгладимые впечатления после прочтения книг «Владея её невинностью» и «Невинный побег».

Глава 1

Хейли

— Мне все равно, что будет похоже на то, будто Барби спланировала эту свадьбу! Я люблю розовый, и мой Папочка любит видеть меня в розовом, так что всё будет розовым! — я наполовину кричу в трубку, не желая, чтобы Папочка услышал меня в коридоре. Он завершает некоторые дела по работе, и будет свободен в течение следующих двух недель, поэтому я не хочу отвлечь его. Я могу сделать это. Выглянув за дверь, чтобы убедиться, что он не услышал меня, и тихо закрываю её. Просто то, что я твердила организатору свадеб последние несколько месяцев, никак не могло уложиться в её пустой башке.

— Но розовый на розовом – это... — она на мгновение делает паузу, словно ищет правильное слово, но я оборвала её, потому что не хочу ничего слышать.

— Розовый на розовом – вот чего хочу я, — говорю сквозь стиснутые зубы. — Это моя свадьба, а не ваша, и я знаю, чего мы с моим будущим мужем хотим, — я стараюсь удержаться от угрозы позвать Уильяма. Это мой бой, и я сделаю эту свадьбу идеальной для нас. Мне всегда нужна помошь Папочки, но в этот раз хочу показать ему, что смогу сделать этот день особенным для нас сама и показать ему, как много это значит для меня.

Рождественская свадьба в розовых тонах идеально подходит для меня. Кто бы ни сказал, что Рождество должно быть красным и зеленым, они еще не видели моей задумки. Я могу сделать Рождество в розовом, если захочу. Нет, забудьте, я сделаю Рождество в розовом цвете с серебряными блестками. Полностью. С организатором свадеб или без.

— Я посмотрю, что могу сделать, — наконец говорит она, но я не отвечаю. Я просто, молча, прижимаю телефон к уху, потому что «посмотреть, что она может сделать», не входит в мои планы. Я все еще должна быть готова к обеду сегодня вечером, и мне нужно её полное понимание, чтобы всё прошло идеально.

Тишина растягивается, но я тихо сижу, постукивая ногой в ожидании. Я смотрю вниз, любуясь своим нежно-розовым лаком для ногтей, ожидая, когда она снова заговорит. Молчание становится гуще, прежде чем она, наконец, ломается.

— Обо всём позаботятся.

На этом я заканчиваю разговор, бросая свой телефон на нашу с Папочкой кровать. Он покрыт розовыми подушками и простынями, но ему всё равно. Пока я счастлива.

— Час от часу не легче, — бормочу я, разрываясь между желанием залезть в кровать, натянуть одеяло на голову и начать готовиться к обеду.

Желание немного вздремнуть заманчиво, но, вероятно, не вовремя. Может быть, если я потороплюсь и сберусь, у нас с Папочкой будет время поиграть вместе перед ужином.

Я подхожу к шкафу и вытаскиваю белое кукольное платье, не заботясь о том, что на улице холодно. Папочка любит видеть меня в платьях, и мне не терпится увидеть его реакцию завтра.

Это платье не так красиво, как то, которое я надену завтра, но от талии и до середины бедра оно свободного покроя. Верх плотно прилегает к моей груди, с кружевом, покрывающим мою ложбинку. Папочка не любит, когда мы выходим на улицу, и слишком многое из того, что у него есть, видно окружающим.

Я выбрасываю свою футболку и надеваю платье, в процессе чего я снимаю нижнее белье. Интересно, Папочка заставит меня надеть его? Я уверена, что ему не понадобится много времени, чтобы заметить, что я голая под платьем.

Купаясь в собственном тщеславии, я беру кружевной бантик и завязываю им свои волосы, следя за тем, чтобы бант получился просто идеальным, прежде чем нанести немного макияжа.

Я не могу поверить, что завтра стану Папочкиной во всех смыслах этого слова. Я была создана, чтобы стать его, и теперь мы можем отпраздновать это со всеми.

Наши отношения не могут быть нормой для других, но они наши и это то, чего мы оба хотим. Было время, когда я думала, что не подхожу для Уильяма, и что он устал от меня. Но он, кажется, хочет меня всё больше и больше с каждым днем. Даже мои причуды, которые раздражают других людей, заставляют его лицо сиять. Вместо того чтобы взорваться, он бросает на меня взгляд, который говорит мне, что Папочка отшлепает меня за мои выходки, когда мы вернемся домой. Эта мысль заставляет меня извиваться в кресле.

Я не получала хорошей порки уже несколько недель, с тех пор как моя подруга Холли устроила для меня тот девичник. Это должен был быть ужин, потом какой-нибудь урок рисования, но урок рисования не состоялся. Мы оказались в каком-то клубе, куда пускали девушек в возрасте восемнадцати лет и старше, и мы потратили около двадцати минут на танцы, прежде чем я почувствовала, как попала в плен Папочкиных рук. Он перебросил меня через плечо и вынес из клуба. Мы едва добрались до двери, прежде чем он обнажил меня, наклонил над диваном, и от души отшлепал меня по заднице. Я едва могла сидеть весь следующий день. Хуже того, он перевернул меня и дразнил своим членом, не давая дотронуться до него.

Плохой девочке не достался член Папочки. Он обкончал мою грудь, затем заставил собрать всю его сперму и засунуть её внутрь моей киски. Потому что Папочкина сперма никогда не должна пропадать. Он быстро положил меня в постель, отчаянно нуждающуюся в нём. Он не давал мне кончить три дня! Каждый день он раздевал меня, пока работал над своим собственным членом и проливал своё семя на меня. Было жалко не иметь возможности прикоснуться к нему. Это всё из-за того, что я не сказала Папочеке, где я буду.

С моей стороны было глупо и несправедливо так поступать. Я знаю, что он беспокоится обо мне, и что я для него самое главное. Это было эгоистично для меня из-за всего, что он делает для меня.

Вот почему я хочу, чтобы эта свадьба была идеальной. Чтобы показать ему, как много он для меня значит, и что я только хочу сделать его счастливым. Моя последняя порка не источала сладкую любовь. Это была чистая дисциплина, и с тех пор он меня не шлепал, даже когда я несколько раз подталкивал его к этому своими глупыми действиями.

После нанесения немного вишнево-розового блеска для губ я беру сумочку и проверяю, есть ли у меня всё, что мне нужно. Я проверяю свой телефон, чтобы убедиться,

что там нет новых сообщений от организатора свадеб, и что всё идет по плану. Я воспринимаю подарок, сделанный мной, как особый сюрприз только для Папочки.

Посмотрим, смогу ли я заработать себе порку.

Глава 2

Уильям

Я слышу, как Хейли слегка стучит в дверь моего кабинета, и заканчиваю разговор. Я пытался закончить некоторые нюансы в последнюю минуту, чтобы выделить достаточно времени свадьбе и медовому месяцу и уделить Хейли всё своё внимание. Она была так взволнована, пытаясь спланировать самый идеальный день для нас, а после того, как весь хаос закончится, я планирую побаловать каждый её дюйм в качестве награды.

— Заходи, девочка моя.

Она открывает дверь и входит, и мой член сразу становится твердым. Она выглядит такой невинной и милой, и я не хочу ничего, кроме как ввести свой член в её тугую киску. Её белое платье короткое, а оборки заставляют выглядеть нетронутой. Её большие сиськи почти вырываются из тонкого кружевного топа, а твердые соски заставляют мой рот истекать слюной.

— Привет, Папочка.

Она опускает подбородок и смотрит на меня сквозь густые ресницы. Её глянцевые губы умоляют мой член скользнуть между ними. Гольфы по колено и бантик в её волосах делают её абсолютно ангельской, и я люблю каждый дюйм моей малыши.

Я вижу что-то блестящее с моим именем в её руке, и поднимаю вопросительно бровь.

— У меня есть для тебя подарок, — улыбается она и подпрыгивает вокруг моего стола, чтобы встать передо мной.

Откинувшись на спинку стула, я широко расставил ноги, чтобы она встала между ними.

— Подарок для меня, малышка? Я люблю, когда ты делаешь мне подарки, — я не могу сдержать улыбку. Мне нравится знать, что Хейли уделяет особое время своего дня только для того, чтобы сделать мне что-то. Она всегда думает и заботится обо всех своих подарках, даже если это просто картинка, которую она мне нарисовала. Она так полна жизни и любви, что просто источает её вокруг себя. Я рад, что я — счастливый ублудок, который получает всё её внимание.

Положив руки по обе стороны от моего стула, я сижу и жду, когда она покажет мне подарок. Она дрожит от волнения, протягивая конверт. Я беру его, и вижу как блестки с него сыпятся мне на брюки, но мне всё равно. Я открываю конверт. Розовые сердца конфетти выпадают, и я качаю головой, смеясь. Только моя малышка придумала бы украсить подарок как снаружи, так и внутри.

— Что это? — спрашиваю я с удивлением и волнением. Я смотрю ей в глаза и вижу, что она так гордится собой. Я хочу повалить её на пол и трахать до истощения, но я жду.

— Это книга талонов! В ней есть всё, что тебе нужно, и ты сможешь использовать их в любое время и в любом месте.

Я чувствую злорадную улыбку, расползающуюся по моему лицу, когда пролистываю буклет. Я прочитываю слово «порка» несколько раз и поднимаю вопросительный взгляд к ней.

— Ты пытаешься мне что-то сказать, Хейли?

Она немного краснеет, но не отвечает. Лишь немного раздвигает ноги.

Протянув руку, я провожу кончиками пальцев по её бедру и забираюсь под подол её платья.

— У тебя есть что-то под этим платьем, что нужно показать Папочке?

Молча, она кивает, тянется к передней кромке платья и медленно поднимает его. Когда мои пальцы касаются её обнаженного тепла, Хейли поднимает настолько, чтобы я мог увидеть её обнаженную киску.

— Ая-яй, малышка. С этим нужно что-то сделать, не так ли?

Молча, качая головой, она кусает губу и нервно смотрит на меня. Знаю, что она в последнее время хотела порку, но я пытался сдержать себя. Я хотел, чтобы она увидела разницу между дисциплиной и вознаграждением, поэтому у неё было достаточно времени, чтобы всё обдумать.

Кажется, мы оба пропустили эту часть нашей игры.

Вынув руку из-под её платья, я беру одну из розовых бумажек и передаю её Хейли.

— Я хотел бы использовать этот, пожалуйста, — она берет его из моей руки, но прежде чем моя девочка начнет действовать, я достаю другой купон. — И это тоже малышка.

Она смотрит вниз и немного краснеет, а затем кивает и кладет карточки на мой стол.

— Что бы ты хотел первым, Папочка?

— Я думаю, что порку для начала, малышка, — протянув руку, я хватаю её за запястье и притягиваю к себе, а затем переворачиваю на колени, отчего у неё перехватывает дыхание. — Ты уже несколько недель умоляешь о порке, и получишь её.

Хлоп. Первый удар по её обнаженной заднице эхом проносится по стенам моего кабинета. Я не даю ей перерыв, вместо этого перехожу с одной сочной ягодицы на другую. Наблюдая за тем, как пышная плоть колышется и дрожит при каждом ударе, мой член становится невероятно твердым. Я чувствую влажность предспермы, пропитывающей мои штаны, и стискиваю зубы, пытаясь сдержаться.

Половинки задницы становятся ярко-розовыми, а её стоны громче. Я вижу, как липкий сок покрывает внутреннюю сторону бёдер, а похотливая киска просит дисциплины. Пока я чередую шлепки по её ягодицам, Хейли раздвигает ноги всё дальше и дальше друг от друга. Как и всегда, её киска ищет внимания, и я очень хочу дать ей её.

— Поласкай свою киску на коленях Папочки, пока я тебя шлепаю, малышка. Потри сладкий комочек о Папочкино бедро, чтобы увидеть искорки, пока я наблюдаю за тобой, — она широко расставила ноги, закинув одну на мои колени и оседлава бедро. Соки из её киски пропитывают мои брюки, а жар её влагалища почти обжигает меня. — О, смотри, как ты возбуждена, малышка.

Она стонет, и я наношу еще один удар по её пышной попке, когда она потирается своей киской об меня. Прижав её таз к своей ноге, я сжимаю её розовые ягодицы, наблюдая, как она трется.

— Папочка, — шепчет она, и я испускаю немного больше спермы в штаны.

— Кончай, малышка. Дай Папочке то, что он хочет, — она снова сильно сжимается, и я успеваю шлёпнуть её ещё несколько раз.

Этого достаточно, чтобы отправить Хейли через край, и она выгибается против меня, крича сквозь свой оргазм. Её руки и ноги напряжены, а脊ина изогнута. Её тело вспыхивает от силы удовольствия, и через несколько мгновений она обмякает у меня на коленях.

Тело у Хейли мягкое, как у котенка, она сладко и счастливо вздыхает. Я хочу отнести её в кровать и заниматься с ней любовью всю ночь, но у нас нет времени.

— Хорошо, малышка. Теперь я хочу другой купон.

Она поднимает голову, и я вижу результат её усилий, по прилипшим к её лбу волосам. Она улыбается мне и облизывает губы.

— Да Папочка.

Глава 3

Уильям

Хейли сползает с моих коленей и становится на колени передо мной. Мой член болит от напряжения, я должен кончить.

Она взволнованно дрожит, когда тянется к моему поясу, её глаза расширились от энтузиазма. Моя маленькая девочка любит сосать мой член почти так же сильно, как любит когда я трахаю её им. Иногда, когда мы лежим в постели, она лежит между моих ног, сосет кончик моего члена и засыпает. Это утешает её и заставляет чувствовать себя защищенной. Я обязан обеспечить ей такой комфорт и защиту.

Я нежно касаюсь её подбородка, когда она расстегивает мои брюки и вытаскивает мой член. Её вишнево-розовые губы открываются и быстро опускаются на меня. Её потребность держать меня во рту почти так же велика, как моя потребность кончить.

— Вот так, дорогая. По самые яйца, — я чувствую, как головка моего члена достигает её горла, и она чуть шире раскрывает рот, чтобы принять меня полностью. Она настолько хороша в глубоком минете, что его можно использовать как кляп. Моя драгоценная малышка, так усердно старается угодить своему Папочке.

Я чувствую, как её стоны струятся по моему члену, до самых яиц. Я слегка сжимаю её волосы, направляя вверх и вниз, пытаясь контролировать свой оргазм. Я не хочу, чтобы это закончилось так скоро. Теплый ротик Хейли так соблазнителен.

Когда я крепче сжимаю её волосы, она срывается с моего члена и смотрит на меня большими глазами.

— Я сделала что-то не так, Папочка? — невинность в её голосе почти уничтожила меня, и я качаю головой, когда поднимаю её с колен, чтобы оседлала меня.

— Нет, малышка. Мне просто нужно попасть внутрь твоей киски. Я хочу поцеловать твои сладкие губы, когда кончу, — когда я прижимаю толстый кончик своего члена к её маленькому отверстию, она опускается на меня, растягиваясь, чтобы приспособиться к моим размерам.

После всех тех раз, когда я имел её во всех отношениях, она всё еще была слишком тугая, чтобы я мог ей соответствовать. Ей нужно продвигаться вверх и вниз дюйм за дюймом, пока она, наконец, не оседает мой ствол. Её теплая задница придавливает мои яйца, а мой член дергается в ней в эйфории.

— Вверх и вниз, принцесса. Трахни мой член своей киской, — поднявшись, она поднимает подол своего платья, чтобы я мог видеть, как мы связаны. — О, это так красиво, малышка. Так красиво. Просто чудесно.

Она подпрыгивает вверх и вниз на моём члене, и я наблюдаю, как моя толщина исчезает в её узком проходе. Я протягиваю палец вниз к тому месту, где мы связаны, подхватив часть её сладости и поднося к губам. Я пробую её прошлый оргазм, от чего кончик моего члена истекает ещё сильней.

Хейли наклоняется, чтобы дать мне свой рот, и я принимаю его в жёстоком поцелуе. Вкус её киски разделён между нами и заставляет нас обоих стонать от нужды. Я снова тянусь под её платье и потираю её клитор большим пальцем, пока она скачет на мне. Её маленькие спазмы пытаются выдоить мою сперму из меня, и я тру сильнее, пытаясь заставить её кончить раньше.

Мне нужно всего лишь ещё несколько толчков, и она начинает пульсировать на моём члене, прерывая наш поцелуй. Хейли выгнула спину и испустила крик экстаза, кончая на мне.

Влага просачивается из её влагалища и стекает по моим яйцам, и я не могу больше сдерживаться. Я вошёл в неё в последний раз и опустошился в её киску. Она высасывает из меня всю мою сперму, её жадная киска пытается взять всё.

Как только я отдал ей мою последнюю каплю, Хейли падает на мою грудь и прижимается ко мне. Я обнимаю её большими руками и прижимаюсь к ней. Я целую её лоб и ласкаю спину, пока легкие спазмы всё ещё пытают мой член.

— Это было прекрасно, малышка. Спасибо. Я так тобой горжусь. Ты проделала такую замечательную работу.

Она чуть ли не мурлычет от моей похвалы и сильнее прижимается ко мне.

— Спасибо, Папочка.

Ничто не заставляет её чувствовать себя более особенной, чем когда я хвалю её поведение и признаю, что она проделала огромную работу. Поэтому я всегда прилагаю дополнительные усилия, чтобы похвалить свою малышку и напомнить ей, насколько она важна для меня. Забота превыше всего, и мне нравится проявлять её во всех отношениях.

Хейли – самая значимая в моей жизни. Ничто не приходит ни до, ни после неё, всегда только она. Я так счастлив, что наконец-то женюсь и сделаю её своей официально. Она может показаться странной некоторым людям и выглядеть глупой, но это то, что я люблю в ней больше всего. Её грубое поведение, нахальный рот и восхитительная невинность.

Как я мог не любить Хейли? Она за гранью совершенства.

Я целую её в лоб в последний раз, досадуя, что придется разорвать наш пузырь интимности.

— Разве мы не должны уже находиться в другом месте, малышка?

Глава 4

Хейли

— Мы должны добраться до моего отца. Я хочу убедиться, что все на месте, прежде чем люди начнут появляться на обед, — напоминаю я ему, хотя знаю, что он уже в курсе. У нас много времени, но нашу игру придется отложить. Хотя после этих двух оргазмов мне всё равно. Потому что я так без ума от каждой детали этой свадьбы, желая, чтобы она была правильной.

Я знаю причину моей неосторожности в данный момент. Уильям, своей поркой, заставил весь стресс покинуть моё тело. Кажется, он всегда знает, что мне нужно ещё до того, как я это пойму. Как мне повезло иметь такого, как он, я никогда не узнаю. А завтра он привяжет меня к себе навсегда.

— Я должен сменить штаны, прежде чем мы уйдем, — он крепко сжимает меня за бёдра, снимая с колен. Его член выскользывает, и я испускаю стон от потери, когда мои ноги встречаются с полом. Моё платье возвращается на место, когда я чувствую, как Папочка отпустил мои бёдра. Я знаю, что это будет наш последний раз вместе, прежде чем мы поженимся. Я собираюсь провести ночь у моего отца. Я больше не увижу Папочку, пока не пройду по проходу к алтарю.

Я знаю, есть такая традиция, но боюсь, что не смогу заснуть. Я не спала без Папочки Уильяма с того дня, когда он предъявил на меня права после моего дня рождения. Его нельзя было остановить. Я была его, и это было то, чего я хотела в течение многих лет. Он взял меня, и мы никогда не расставались.

Когда он сказал мне, что ждал меня годами, даже не глядя на другую женщину, я растворилась в нём и с тех пор жила только им. Я хотела его годами, но никогда не думала, что смогу его получить. Наша разница в возрасте была не единственной

преградой. Он был лучшим другом моего отца. Сначала это было тяжело, но со временем мой отец увидел, как сильно Уильям любит меня и поверил, что он не трогал меня, пока мне не исполнилось восемнадцать. На самом деле, он избегал меня, как чумы, до той ночи, когда, наконец, забрал меня. Я чувствую улыбку при напоминании о той ночи. Я проснулась в его доме, и он сделал меня своей.

Папочка целует кончик моего носа, а потом начинает поправлять бантик на моих волосах. Я уверена, что после нашей игры там беспорядок.

— Иди, возьми свою сумку и встреть меня у двери в гараж, — я поворачиваюсь, чтобы сделать, как говорит Папочка, но он ловит меня за руку. — Я хочу это увидеть, — я знаю, чего он хочет, даже не спрашивая. Я поднимаю свое платье и раздвигаю ноги. Папочка любит смотреть, как его сперма капает с моего тела.

Он опускается на колени передо мной, ровняясь головой с моей грудью. Видя, что он более чем на фут выше меня, разница в росте комична. Наклоняясь, он слегка целует мой лобок, а я провожу пальцами по его темным волосам на висках. Затем я провожу пальцами по дневной щетине, начинаяющей пробиваться на его подбородке. Он достает свой мобильный телефон из брюк.

— Раздвинь их для меня, — протягивая руку, я раздвигаю губки своей киски для него, и он делает снимок, а затем целует меня в клитор. Когда он встает, я опускаю платье обратно, и он расправляет его для меня. — Когда я начну скучать по своей малышке сегодня ночью, я открою эту картинку, и буду поглаживать себя, думая о своей будущей невесте, — я чувствую, что немного краснею и прикусываю губу. Он рычит и поворачивает меня, шлепая по заднице, прежде мы выходим из его кабинета.

— Иди и принеси свои вещи, пока я переодеваюсь, — я выбегаю из комнаты, и Папочка пытается дать мне ещё несколько игривых шлепков, когда я направляюсь в гостиную.

Я проверяю сумку для ночёвки, которую упаковала сегодня утром, затем, готовую, ставлю её у двери комнаты. Я не наряжала ёлку, узнав, что не проведу сочельник в постели с Уильямом. Конечно, мы будем вместе сегодня вечером, но я не проснусь в рождественское утро в его объятиях. Глупо грустить из-за великой схемы вещей. Я увижу его позже в тот же день и выйду за него замуж в Рождество, но по какой-то причине мне грустно.

— Малышка, — слышу, как Папочка зовет меня с другой стороны дома, вероятно, удивляясь, почему я не у двери гаража и не жду его. Перекинув сумку через плечо, я выбегаю из дома. Когда я захожу за угол, он уже видит моё настроение, и я бросаюсь в его объятия. Он легко поднимает меня, и, схватив меня за попку, притягивает к себе.

— Никакого нижнего белья, малышка. Я хочу иметь возможность украдь все прикосновения, какие захочу сегодня вечером. Ты знаешь, что это значит?

— Раздвинуть ноги, когда твоя рука коснется их, — ему не нужно напоминать мне о нашем правиле. Я слишком хорошо это знаю, и люблю следить за этим. Если, конечно, Папочка не дразнит и не хочет, чтобы я всю ночь мучилась.

— Хорошая девочка. Ты не надела их, не так ли?

— Нет. У меня не было времени.

— Я хочу, чтобы ты оставалась со мной всю ночь. Я хочу, чтобы мой след остался на твоей киске. Тебе не нужны трусики, чтобы прикрыть их, потому что моя сперма прикроет твою щелку.

Теперь я хотела бы стереть его сперму, чтобы он снова пометил меня. Я покачиваюсь на нём при мысли об этом.

— У нас нет времени, — рычит он, зная, о чём я думаю. Моя сумка падает на пол, когда он толкает меня к стене достаточно сильно, чтобы почти выбить из меня воздух.

— К черту. Я не получу тебя снова до завтра. Остальное может подождать. Ты мне снова нужна, — на этот раз Папочка будет груб, я это чувствую. — Ты будешь хорошей маленькой девочкой и примешь меня.

— Я сделаю всё, что ты захочешь, Папочка, — я втираюсь в него, желая, чтобы он использовал меня для своих нужд. Через секунду он вытащил свой член и сильно толкнулся в меня.

— Тебе нравится, когда Папочка берёт то, что хочет? — хмыкает он мне на ухо, уткнувшись лицом в мою шею. Всё, что я могу сделать, это стонать, когда его большое тело одолевает моё, делая со мной всё, что он хочет. Я его.

— Скажи это, девочка. Скажи мне, что я хочу услышать и что я могу делать с тобой всё, что захочу.

— Всё, Папочка, я люблю тебя, — мои слова звучат без колебаний.

— Ты кончишь для меня. Возьми мой член и высоси всю сперму своей тугой маленькой киской, чтобы она медленно вытекала из тебя всю ночь напролет. Каждый раз, когда я буду засовывать руку под твоё платье сегодня вечером, я хочу чувствовать, что сделал с тобой. Это будет наш маленький секрет. Никто не узнает о грязных вещах, которые Папочка делает с тобой.

Моё тело пронзают током от его слов, и я взрываюсь в экстазе. Я держу его как можно крепче, моя киска делает так, как он говорит. До меня доносится его длинный низкий стон, и я чувствую, как сперма высвобождается глубоко во мне, наполняя меня. Я принимаю её всю в себя, поскольку его оргазм смешился с моим собственным.

Я кусаю его шею, желая оставить и на нём след. Я часто делаю это с ним. Хочу много своих меток на нём. Завтра он наденет кольцо на всеобщее обозрение, но сегодня вечером на нём будет это.

— Я так сильно люблю тебя, — наконец говорит он, когда наши тела начинают успокаиваться. — Я не хочу ещё, но мы опаздываем, — не знаю, что он имеет в виду, пока не чувствую, как он выскользнул из моего тела, мои ноги упали с его талии, когда он снова опустил меня на землю.

Он заправляет свою одежду, когда я иду за своей сумкой, но он останавливает меня.

— Ты хорошо постаралась, — его свободная рука тянется к месту, куда я укусила его.

— Извини, — говорю я, пытаясь выглядеть смиренно, хотя не чувствую и капли вины за то, что укусила его.

— Лгунья, — говорит он, хватая меня за руку, с ухмылкой на лице. — Ты пахнешь какекс. Я не собираюсь делать это во время ужина, — он бросает мою сумку на заднее сиденье машины. Затем открывает дверь для меня, заставляя меня улыбаться.

Никто никогда не заставлял меня чувствовать себя более желанной, чем Уильям. Я потеряла маму, когда была маленькая, и хотя мой отец всегда был рядом, мы никогда не были очень близки. Уильям моё всё. Он заставляет меня чувствовать себя нужной, как будто он не может жить без меня.

Как только он садится на сиденье водителя, берет меня за руку. Мы выезжаем из гаража и направляемся к дому моего отца. Нас ожидает небольшая группа гостей, которые приглашены сегодня на ужин, то, что я приготовила для Папочки. Я просто надеюсь, что свадебный планировщик сделала так, как я просила, и все настроено так, что мне не о чём беспокоиться. Мы уже опаздываем, и я не хочу беспокоиться о чём-то другом.

Когда мы добираемся до дома моего отца, Уильям хватает мою сумку, прежде чем подойти и открыть мне дверь. Он притягивает меня к себе, когда выхожу из машины, зная, что я все еще немного нервничаю из-за подобных вещей. Друзья Уильяма и моего отца намного старше меня, и это немного пугает.

Это суперотстойно, что Молли не сможет приехать сегодня вечером. Было бы неплохо иметь здесь хотя бы одного человека моего возраста. Я думаю, что она все еще

избегает Уильяма после того девичника. Твердый взгляд Папочки может напугать кого угодно.

— Это просто ужин, малышка. Ты можешь сидеть у меня на коленях все время, если хочешь, — я улыбаюсь ему, радуясь, как он меня так хорошо знает. Я всегда волнуюсь, что могу сделать что-то, что смущило бы его, что глупо, потому что он никогда не заставлял меня так себя чувствовать. Это моя собственная неуверенность, которая заставляет меня пересматривать мои действия.

Я провожу большую часть ужина на коленях Уильяма. Он дарит мне маленькие поцелуи и награждает прикосновениями весь вечер. Это заставляет меня таять, как будто в комнате только он и я. Он дразнит моё тело, шокирует откровенными признаниями, шепчет всё, что он собирается сделать со мной в нашу первую брачную ночь.

Организатор свадеб, кажется, выполнила всё, о чём я просила, готовый ужин и лепестки роз со свечами, покрывающими любую доступную поверхность обеденного стола. Остальная часть комнаты украшена елочными шарами. Смесь двух моих любимых вещей: Рождество и розовый цвет!

Ужин подходит к концу, и все желают друг другу спокойной ночи, полные волнений по поводу завтрашнего дня. Сегодня вечером все казались такими счастливыми по поводу свадьбы и продолжали рассказывать о том, что никогда раньше не видели Уильяма таким счастливым. Это наполнило меня теплом. Я волновалась, что все будут против нас, из-за разницы в возрасте. Ужин, который как я предполагала продлится вечность, закончился раньше.

Обнимая отца и нежно целуя Уильяма, я оставляю их в гостиной и иду в свою старую спальню. Мне грустно, что Уильяма не будет со мной сегодня ночью, но это традиция.

Перед тем, как принять быстрый душ, я сверяюсь с организатором свадеб, чтобы убедиться, что всё в порядке, ненавидя, что придется смыть следы Папочки Уильяма со своего тела. Тот факт, что я не буду спать с ним сегодня вечером, и так сжимает моё сердце в тиски. Надев носки до колен и нижнее белье, я прыгаю в кровать. Тогда я вспомнила, что забыла своего плюшевого единорога Ланселота. Ни Уильяма, ни Ланселота. Я никогда не засну.

Глава 5

Уильям

После ужина, я целую Хейли, желаю спокойной ночи, и несколько минут говорю с её отцом Роджером. Мы выходим на большой балкон с сигарами, расспрашивая друг друга о работе и жизни. Мы с ним были друзьями на протяжении десятилетий, но новость обо мне и Хейли стала для него шоком.

Через некоторое время он увидел, как я заботусь о Хейли, и понял, что мои намерения были честными и по любви. Да, я хотел владеть ею, чтобы она была моей, но я также хотел заботиться о ней до конца наших дней. Мы долго разговаривали, и он согласился.

Последние из наших друзей уходят, я прощаюсь с Роджером, оставляя его на крыльце с сигарой и скотчем.

Но вместо того, чтобы выйти через парадную дверь, я поворачиваю налево к западному крылу дома, где, как я знаю, находится старая спальня моей малыши.

Я дразнил нас обоих игривыми прикосновениями сегодня вечером. Мне также немного грустно думать, что завтра утром проснусь и не увижу её рядом. Могу сказать, что когда она поцеловала меня сегодня вечером, её мучили те же мысли. Я знаю, что завтра день нашей свадьбы, но это также Рождество, и представлять своего маленького котенка на коленях в сочельник, совсем не улыбается.

Когда я добираюсь до её двери, прислушиваюсь к любому шуму и осматриваюсь, чтобы убедиться, что никого нет рядом. Не то чтобы я не хотел, чтобы меня видели в её комнате, но я бы предпочел уединение для того, чего хочу прямо сейчас.

Я тихо открываю дверь и тщательно закрываю её за собой. Мягкий лунный свет освещает комнату, когда я снимаю всю одежду и иду к кровати.

Приподняв одеяло, я вижу, что моя девочка лежит на животике, её руки спрятаны в передней части трусиков, пока она спит, как ангел. Улыбаясь, я качаю головой, зная, что будь она со мной в постели, я бы держал там руку, мягко поглаживая её киску, когда она засыпала. Должно быть, она скучала по мне и нуждалась во внимании. Хорошо, что я здесь, чтобы исправить это.

Оглядывая её тело, я замечаю, что на ней нет ничего, кроме бледно-розовых трусиков с рюшами внизу и бледно-розовых носков до колен. Мой член, лишенный доступа к её телу всю ночь, пульсирует от нужды при виде её.

Я забираюсь на кровать и опускаюсь на неё сверху. Я чувствую её движение и наклоняюсь, чтобы прошептать ей на ухо.

— Это я, малышка. Ты мне нужна.

Согнув спину, она прижимает свою задницу к моему обнаженному члену, болезненно потираясь об него трусиками.

— Папочка, ты мне тоже нужен.

Я дотягиваюсь до её тумбочки и достаю маленькую бутылочку лосьона.

— Я собираюсь взять твою задницу сегодня вечером, девочка. Твою киску я приберегу на завтра, чтобы она была чиста для нашей брачной ночи, но прямо сейчас Папочке нужна твоя дырочка, — она стонет в подушку, когда я стягиваю её трусики до середины бедра. — Это будет наш маленький секрет сегодня вечером. Тебе не нужно никому говорить, что ты позволила мне войти в свою комнату и задницу до нашей брачной ночи. Хорошо, дорогая?

Она кивает головой в подушку, и я смазываю свой член лосьоном.

Прижимая толстый кончик своего члена к её узкой дырочке, чувствуя, как она расслабляется подо мной, желая, чтобы я проник в её задницу.

— Хорошая девочка. Впусти Папочку в свою попку.

Кончик проскаивает внутрь, и она полностью расслабляется, когда я медленно вдавливаюсь в её дырочку. Она сильно сжимает мою толщину. Хейли снова стонет в подушку, и я сильнее толкаюсь внутрь, пока мои яйца не прижимаются к её ягодицам.

Как только я полностью внутри, всем телом прижимаюсь к ней и начинаю мягко долбиться в неё. Я не вытаскиваю свой член до конца, просто прижимаюсь к ней, вдавливая свой член в её задницу.

Я протягиваю руку и нахожу её мокрую киску. Я потираю её клитор, чувствуя, что он покрыт сливками, когда её бедра начинают двигаться вместе с моими.

— Я знаю, ты хочешь, чтобы я был в твоей киске, малышка. Завтра обещаю уделить этому всё своё внимание. Сегодня вечером это будет наш маленький секрет. Кончи за Папочку, пока я в твоей заднице. Дай мне почувствовать, как твоя «принцесса» сжимает меня.

Её узкая дырка сдавливает меня, доит мой член до основания. Я такой твердый и толстый, но она всегда так мило сжимает меня здесь. Её тело готово принимать меня так часто, как мне нужно. Я целую её в плечо, нежно любя её тело, в то же время, овладевая им в тайне.

Мои грязные шёпоты в темноте заставляют её быстро кончить, и я следую прямо за ней. Я не вонзился в неё, я просто медленно прижимал её к себе, пока мы оба не достигли блаженства. Мы оба цепляемся друг за друга. Мы оба были на грани после сегодняшнего вечера, и я знаю, что оба нуждались в этом освобождении до завтра.

После того, как я медленно выхожу из неё, притягиваю её тело к себе, прижимаясь к ней.

— Папочка, ты собираешься оставаться со мной на ночь? — в её голосе звучит обнадеживающий тон, и я улыбаюсь, целуя её шею.

— Да, девочка. Я уйду с первыми лучами света, не могу проснуться в рождественское утро без тебя. Больше не смогу.

Я запускаю руку в её трусики и ласкаю её клитор, чувствуя, как она засыпает в моих руках. Я провел слишком много лет без моей маленькой девочки. И не планирую проводить без неё еще один день.

Глава 6

Хейли

Я чувствую, что улетаю с тех пор, как проснулась с лицом Папочки между моих ног. Он поедал меня, доведя до трех оргазмов, прежде чем я начала умолять его остановиться, уверенная, что не смогу выдержать больше. Я не смогла бы сегодня пройти по проходу, если бы провела ночь без него. Он должен был нести меня, что не казалось такой уж плохой идеей, когда я действительно думала об этом. Но я знала, что мой отец хотел отдать меня ему по правилам.

Уильям сказал, что все мои оргазмы были попыткой успокоить меня сегодня, и я думаю, что он был прав. Мне стало намного спокойнее, чем я думала. Сегодня я только дважды хотела переделать план свадьбы, что, безусловно, является рекордом.

Папочка помыл меня между ног, сказав, что хочет, чтобы я была чистой, когда пройду по проходу к нему. Это отличается от того, что обычно он хочет, чтобы моя киска была покрыта его спермой. Сегодня я узнала, что он хочет поиграть, поэтому мы собираемся пережить наш первый раз вместе.

Он подарил мне последний поцелуй, прежде чем выскользнул из моей комнаты, но весь день он продолжал присыпать мне забавные изображения танцующих кошек и глупых гифок. Как будто он чувствовал, что я начинаю волноваться, и мне сразу же становилось легче. Затем начали приходить сладкие сообщения.

Уильям написал мне, чтобы я не беспокоилась и всё будет идеально. Он сказал, что пока я стою там, когда двери открываются, пока я иду по проходу к нему, всё будет хорошо. Он прав. Я была настолько поглощена тем, чтобы убедиться, что всё было идеально, что забыла, что всё и так идеально.

Мы с Папочкой сегодня поженимся, и не имеет значения, даже если вокруг всё загорится пламенем. Но если загорится, я надеюсь, что розовым пламенем.

Я чувствую себя совершенно спокойно в этот момент. Я задавалась вопросом, когда внешний мир начнет давить на меня и Папочку, но каждый раз, когда это происходило, мы, казалось, только становились сильнее и лучше понимали друг друга. Вот как я поняла что, это будет длиться вечно. Мы предназначены быть вместе. Мы другие.

— Ты выглядишь так, будто светишься.

Я оборачиваюсь и вижу Еву, жену Адама, стоящую в дверях. Я пряталась в этой комнате внутри часовни большую часть дня, перед тем как выйти к проходу. У неё гигантская улыбка на лице. Интересно, где Адам? Я никогда не видела их друг без друга.

Я знаю, что она его малышка, но думаю, что их отношения немного отличаются от моих с Папочкой Уильямом.

— Я просто так взволнована. Кажется, не могу перестать улыбаться, — я поворачиваюсь к ней лицом, желая показать свое платье. Оно покрыто чем-то похожим на бриллианты, лиф крепко прижат к моему телу. На бедрах юбка из тюля, от колен она падает вниз, с небольшим количеством блесток на оборке. Дизайнер назвал это стилем русалки, и мне это очень нравится. Я чувствую, что вышла из фильмов Диснея.

— Ты выглядишь прекрасно, Хейли. Как настоящая принцесса, — Ева выглядит такой же взволнованной, как и я.

Моя улыбка становится больше, и я боюсь, что мое лицо может треснуть.

— Я никогда не думала, что этот день наступит. Что я найду кого-то, кто просто примет меня, — знаю, она поймет, о чём я. Никогда не видела, чтобы она и Адам играли в Папочку и маленькую девочку, но мне известно, что он работает с Уильямом над созданием дома ради сюрприза для его малышки, и, поскольку Ева — его жена, я знала, что она и есть та малышка.

— Ты счастливица, — мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что я искала. Я чувствовала себя потерянной. Она двигается ко мне, останавливаясь передо мной, чтобы поправить маленькую диадему, которая у меня в волосах. Я обнаружила её на туалетном столике, когда выползла из кровати этим утром после того, как Папочка ушел. Диадема была завернута в рождественскую упаковку с надписью: «Ты всегда будешь моей принцессой». Это был самый прекрасный рождественский подарок, который я когда-либо получала. Я не уверена, что когда-нибудь сниму её. Могу поспорить, я могла бы даже принимать душ в ней, если бы была осторожна.

— Но ты тоже нашла своего Папочку.

— Нашла, — на этот раз она улыбается так же широко, как и я. Я не знаю, что с ней, но она мне нравится. Может, потому что я знаю, что она тоже малышка. Я никогда не встречала такую, как я. У меня никогда не было массы друзей, в основном только Молли, но она была суперглупой. Она также судит обо мне и Уильяме, и я не думаю, что смогу терпеть её дольше.

— Ты готова? Я думаю, что всё на месте, и все выстроились в очередь, — после её слов, мой отец заполняет дверной проем.

— Подружки невесты сейчас идут по проходу, Хейли. Нам пора, дорогая, — сообщает мне отец, заставляя моё сердце биться. Не потому что мне страшно, а потому что я собираюсь принадлежать Уильяму, и весь мир узнает об этом.

Ева протягивает руку, берёт мою и слегка сжимает, прежде чем покинуть комнату, оставив меня наедине с отцом.

— Ты выглядишь так же, как твоя мать, — говорит он, и я слышу столько эмоций в его голосе. Я знаю, что он скучает по ней каждый день. — Я волновался об этом, когда впервые узнал о вас двоих, — он обхватывает моё лицо, одной рукой поглаживая мою щёку большим пальцем. — Но я знаю, что Уильям любит тебя больше всего на свете, и твоя мама была бы так счастлива. Она всегда ценила настоящую любовь, а у вас двоих она есть. Мне жаль, что потребовалось некоторое время, чтобы увидеть это, — я вижу в его глазах чувство вины, но я никогда не расстраивалась из-за того, что мой отец сначала не очень хорошо относился ко мне и Уильяму. Я всё понимала. Я его дочь, и его работа — беспокоиться обо мне.

— Это не имеет значения сейчас. Мы все здесь, вместе. Вот что важно. Мы всё преодолели. Возможно, на этом пути было несколько преград, но ты проведешь меня по проходу и охотно отдашь меня Уильяму.

— Счастливо и охотно, — поправляет он. Убрав руки с моего лица, он крепко обнимает меня. Я сжимаю его обратно так же сильно, пока он не отпускает меня и не кладёт руку мне на плечо.

— Пойдем, подарим тебе счастье, дорогая.

Глава 7

Уильям

Я хожу взад-вперед сегодня не потому, что нервничаю, а потому, что не могу ждать. Я был готов сделать Хейли своей с того самого момента, как узнал, что смогу получить её, и всё это ожидание может вызвать у меня сердечный приступ.

— Время пришло, — сообщил мне священник, и я первый вышел за ним. Сейчас не хочу ничего, кроме как выбежать и схватить мою малышку, но она так усердно работала, чтобы сделать этот день особенным для нас обоих. И я не разрушу это, устроив сцену и похитив Хейли при всех.

Когда все дружки выстраиваются в очередь, и я занимаю своё место перед алтарем и стараюсь не двигаться, разжимая кулаки. Мне нужно увидеть Хейли и убедиться, что она в порядке. Я знаю, как легко она испытывает стресс и дискомфорт. Я беспокоился о ней, отправлял ей сообщения и пытался успокоить её на расстоянии — расстоянии, которое я никогда больше не захочу увидеть между нами. Отсутствие доступа к ней сегодня заставило меня понять, насколько она мне нужна, и как хорошо, что я могу заботиться о ней.

Я смотрю, как подружки невесты идут по проходу, но я хочу видеть только одну мою маленькую девочку.

Наконец, после того, что кажется вечностью, двойные двери открываются, чтобы показать мою прекрасную невесту. Она крепко сжимает руку Роджера, и я вижу в ней побуждение броситься ко мне. Она борется с естественной реакцией своего тела подбежать и прыгнуть в мои руки.

Я чувствую, что моё лицо чуть не ли не трескается надвое, когда я улыбаюсь ей, и вдруг перед глазами все расплывается. Я улыбаюсь, но мои глаза наполняются слезами, когда я осматриваю Хейли с ног до головы и вижу, какая она красивая. Моё сердце разрывается от любви, и я просто хочу обнять её.

Её коричневые кудрявые локоны свободно падают на спину, а длинная прозрачная вуаль грациозно скрывает Хейли от меня. На голове маленькая тиара, которую я купил для неё, розовые бриллианты, переливающиеся на свету. Её ярко-голубые глаза большие и блестящие, а нежные розовые губы улыбаются шире, чем я когда-либо видел. Платье без бретелек и плотно прилегает к её телу до колен, затем свободно спадая. Внизу платья есть оттенок розового, и когда она двигается, я вижу, что её туфли тоже бледно-розовые.

Я чувствую, как у меня перехватывает дыхание от того, как прекрасно она выглядит. Я никогда не видел никого и ничего более прекрасного, чем моя маленькая Хейли. Даже в те дни, когда она в поту, а волосы спутаны во сне, она безупречна.

Когда Хейли доходит до меня, передает свои бледно-розовые розы своей подружке невесты и поворачивается к отцу. Она целует Роджера в щёку и затем поворачивается ко мне. Роджер берет её руку и кладет в мою, прежде чем отступить и занять своё место.

— Привет, Папочка, — шепчет она.

— Ты выглядишь прекрасно, малышка. Абсолютно идеально, — я слишком возбужден, чтобы что-то сказать, и просто сжимаю руки Хейли, глядя в её голубые глаза.

Священник произносит слова, а затем и мы, но я не помню что говорил. Единственное, на что я обратил внимание — это слова Хейли.

— Я, Хейли, принимаю тебя, Уильям, как своего мужа. Отныне и навсегда, до последнего вздоха, я твоя.

Её пальцы дрожат, когда она надевает обручальное кольцо на мой палец, поэтому я протягиваю руку к её предплечью, и она мгновенно успокаивается. Я смотрю вниз и испытываю радость от созерцания символа её владения мной. Я рад, наконец, показать миру, что принадлежу ей, так же, как она принадлежит мне.

Я подхватываю её на руки, резко наклоняю и целую её перед всеми. Зал взрывается в возгласах и хлопках, когда играет музыка, и я несу её по проходу. Я ни за что не позволю Хейли уйти. Она наконец-то вернулась в мои объятия, и я её не отпущу.

Пока я нес хихикающую Хейли на руках по коридору отеля, в номер для молодоженов, она наклонилась, чтобы лизнуть мою шею. Я рычу, не в силах удержать себя от нападения на неё раньше, чем мы окажемся в номере.

— Осторожнее, малышка. Ты играешь с огнем.

— Теперь ты мой муж. Разве это не то, что я должна делать? — я чувствую, как её зубы касаются моего подбородка, и плотно закрываю глаза, стараясь держать ноги ровно, пока мы приближаемся к комнате.

Прием был замечательным, и Хейли не забыла ни одной детали. Наш первый танец был под рождественскую песню «Малыш, холодно снаружи», и моя девочка все время хихикала. Она была в полном восторге весь день, и это всё, что я когда-либо хотел ей дать. Чёрт, я бы устраивал свадьбу каждый день, если бы именно это заставляло её так улыбаться. Но когда я упомянул об этом, она засмеялась и сказала, что одного раза достаточно.

Я открываю дверь и проношу Хейли через гостиную. Я захожу прямо в спальню, ставлю её на край кровати.

— Сегодня вечером, малышка, я хочу, чтобы ты была такой же, как в первый раз. Ты целый день берегла для меня свою киску, не так ли?

Она смотрит на меня сквозь ресницы и застенчиво улыбается.

— Да, Папочка.

Сжимая её подбородок, я жду, пока её прекрасные голубые глаза встретятся с моими.

— Я хочу, чтобы ты пошла в ванную, сняла свадебное платье и легла на кровать, совершенно голая. Ты отдашь мне своё тело, как в первый раз, когда я засунул свой член внутрь тебя. Я хочу, чтобы ты была связана и с завязанными глазами, пока не буду готов взять тебя. И когда я, наконец, буду готов, хочу, чтобы ты умоляла меня об этом, как сегодня утром.

Я чувствую дрожь, пробирающую её тело, зрачки Хейли расширяются, и она облизывает губы.

— Теперь, ты готова поиграть, малышка?

Глава 8

Хейли

Позволив своему свадебному платью упасть на пол, я выхожу из него и выскользываю из туфель. Я полностью голая. Я ничего не надела под своё свадебное платье, зная, что Папочка захочет, чтобы я была доступной. Я знаю, что он сказал мне снять всё, но я оставляю тиару на голове.

Сегодня всё было прекрасно. Каждый отрезок свадьбы. Всё сложилось так, как я хотела. От крошечных рождественских ёлок, украшенных розовыми огнями на каждом

столе, до цилиндра свадебного торта принца, держащего в руках принцессу, это было похоже на сказочную свадьбу, ставшую для меня настоящей. По улыбке на лице Уильяма я поняла, что он в восторге. Но думаю, счастливым его сделало то, что я получила свадьбу, которую действительно хотела. Он хотел дать мне это, всё так и произошло. Как всегда. Он удостоверился, что каждое желание, которое у меня когда-либо имелось, было выполнено.

Я провела большую часть ночи на грани счастливых слез, едва не разрыдавшись от счастья, я была до неприличия счастливой. И чтобы я не разревелась, Папочка прошептал мне на ухо все неприличные вещи, которые он собирался сделать со мной сегодня вечером. Целый новый набор чувств ударил по мне, сдерживая счастливые слёзы в глазах.

Мы запланировали свадьбу, чтобы отпраздновать это со всеми, но, как всегда, когда мы с Уильямом вместе, мир исчезает, оставляя только нас двоих. Так мы провели большую часть ночи, я в его руках. Где буду всю оставшуюся жизнь. Танцуя, смеясь, он заставляет меня чувствовать, что я единственный человек в мире. Как будто он не может дышать без меня. Это опьяняющее чувство быть таким лелеемым.

Когда я выхожу из ванной, вижу, что он сидит в кресле в углу комнаты, глядя на меня. В его руке темный напиток. Я уверена, что это бурбон. Скоро он будет на моих губах. Папочка лениво делает глоток, не отрывая от меня своих голодных глаз, ожидая, что я дам ему то, что он хочет. Он хочет играть. Я люблю, когда мы притворяемся, что это наш первый раз.

Папочка уже снял обувь и скинул пиджак. Его галстук давно отброшен, а на рубашке с воротником расстёгнуты несколько пуговиц. Я медленно заползаю на кровать, дразня его своей киской, прежде чем упасть на спину. Я беру повязку и надеваю её на глаза, прежде чем схватиться за изголовье кровати обеими руками и слегка раздвигаю ноги.

Я чувствую Папочку ещё до того, как он прикоснется ко мне. Я знаю, что он стоит надо мной, его глаза бродят по моему телу, когда он думает обо всех вещах, которые он хочет сделать со мной, и я позволю ему сделать это. Я сделаю всё, чтобы понравиться моему Папочке, всегда желая, чтобы он играл со мной.

Я чувствую, как его рука обхватывает одну лодыжку, больше раздвигая мои ноги, когда он начинает проводить пальцами вверх по моей икре к бедру, останавливаясь прямо перед моей киской. Мягкое подразнивание заставляет меня болезненно сжаться от возбуждения. Потребность пульсирует в моём теле. Я хочу двигаться и заставить его дотронуться до меня, но я знаю, что если я это сделаю, моя киска будет отшлётана.

— Кто-нибудь когда-нибудь тебя здесь трогал? — спрашивает он, наконец, одним пальцем проводя вдоль моей щели, но он не касается меня там, где мне это нужно больше всего. Это усиливает боль до почти сводящего с ума уровня.

— Нет, Папочка. Я не должна позволять кому-либо трогать меня там, — шепчу я.

— Что, если твой Папочка захочет к тебе прикоснуться? Ты бы позволила мне, не так ли? — его голос был хриплым, но ободряющим. Я должна прикусить губу, чтобы не застонать и не умолять.

— Я... мы бы попали в беду, — наконец отвечаю я.

— Никто не должен знать, что Папочка трогает свою маленькую девочку здесь. Это только между тобой и мной. Наш маленький секрет. Тебе нравится иметь секреты с твоим Папочкой, не так ли? — его рука движется к пульсирующему комочку. — Ты хочешь поиграть с Папочкой, не так ли? Потому что это сделало бы меня счастливым, малышка, — его палец снова пробегает по моей щели, на этот раз, задевая нужное место и заставляя меня стонать. — Видишь? Это так хорошо, — его пальцы поднимаются выше к моим твердым соскам. Он их обводит, но не трогает. — Я мог бы прикоснуться к тебе и здесь.

— Да, — умоляю я, когда его пальцы потирают один сосок, дразня, а затем переходят к другому. Я чувствую, что могу взорваться. Он мне нужен. Я хочу, чтобы Папочка везде меня трогал. Иметь секреты, которые никто никогда не знает.

— Тебе нравится это? Потому что это делает Папочку таким твердым, когда он касается тебя вот так. Я хочу поцеловать тебя везде.

— Моё тело покалывает, Папочка. Пожалуйста. Я... — не могу найти слова. Он мне нужен. Мое дыхание стало неровным.

Он опускается своё тело на меня. Его обнажённая кожа вдавливается в мою, а тепло покрывает мою маленькую киску. Язык Папочки облизывает уголки моего рта, заставляя меня раздвинуть губы.

— Всоси Папочкин язык в рот, и, возможно, Папочка поможет этой маленькой девочке с этим покалыванием, — говорит он мне в губы, прежде чем засунуть язык в мой рот. Я жадно всасываю его, пробуя бурбон, пытаясь угодить ему. Сжимая изголовье кровати, я пытаюсь удержаться от того, чтобы опустить руки.

Он прерывает поцелуй, кусая мою губу.

— Ты такая хорошая маленькая девочка, пытающаяся угодить своему Папочке. Теперь широко раздвинь ноги и позволь мне позаботиться о тебе. Затем, когда я закончу, я буду использовать твоё тело, как захочу, и ты позволишь мне, не так ли? Я могу делать всё, что захочу, и ты примешь это как послушная девочка, а потом попросишь Папочку повторить это снова.

Глава 9

Уильям

Хейли раздвигает ноги, и я спускаюсь по её телу, поочерёдно засасывая её соски в рот и сжимая её сиськи вместе. Я чувствую запах её киски и как она возбуждена для меня. Для её Папочки.

Она отчаянно пытается контролировать свои бёдра, пытаясь удержать их на месте, но терпит неудачу. Я чувствую, как её тело толкается на меня, прося внимания.

— Такая жадная, — шепчу я ей в сосок, делая последний укус, прежде чем спуститься по её телу.

Раздвинув её ноги, я смотрю на то, что моё. Её розовая киска пропитана необходимостью, и я на секунду замераю, чтобы насладиться видом. Я наблюдаю, как её киска сжимается, ища что-то, чтобы заполнить пустоту. Она умоляет об освобождении, и я дам это ей. Когда буду готов.

Проводя кончиками пальцев по внутренней стороне её бедер, я чувствую, что мышцы там напряжены и дрожат. Я касаюсь её промокшего отверстия, и, когда она потихоньку скулит, я вонзаю два пальца в неё, трахая её. Прижав свой рот к её клитору, я сосу его, подводя её к оргазму.

Когда она начинает просить меня дать ей освобождение, в котором она так отчаянно нуждается, я убираю свой рот и качаю головой.

— Пожалуйста, Папочка. Избавь киску своей принцессы от этого покалывания, — она поднимает бедра, волнобразно прижимаясь к моим пальцам в поисках оргазма, в котором я ей отказал.

— Теперь ты моя жена, маленькая девочка. Если я хочу играть с тобой, я буду. Я владею тобой сейчас.

— Ты владел мной задолго до сегодняшнего дня, Папочка. Ты всегда владел моим сердцем и моим телом.

Её красивые слова проникают в мою душу, и я знаю, что это правда. Она была моей задолго до того, как я подчинил её себе.

Вернув рот обратно к её клитору, я быстро облизываю его, делаю так, как ей нравится. Я потираю пальцами сладкое местечко внутри её тела, и она сжимает меня,

собираясь взорваться. На этот раз, когда она достигает своего пика, я позволяю ей кончить, работая с её киской и помогая удовольствию продолжаться всё дольше и дольше.

Вылизываю всё до последней капли с её киски, а она умоляет меня перестать облизывать её клитор. Она становится такой чувствительной после того, как кончает, но мне нравится мучить её тело, когда дело доходит до удовольствия. И она тоже, независимо от того, сколько она протестует.

Вытащив пальцы из её киски, я облизал их, и поднялся верх по её телу. Как только я оказываюсь на ней сверху, я снимаю повязку с глаз и смотрю в её красивое детское лицико.

— Ты хочешь, чтобы Папочка был внутри тебя? — она кивает головой, её глаза умоляют. — Нет, малышка. Я хочу, чтобы ты ответила как большая девочка.

— Я хочу, чтобы ты был внутри меня, Папочка, — она облизывает губы, и мой член дергается.

Мне нужны все её дырочки сегодня вечером, но сейчас я хочу её киску.

— Я буду делать это, пока ты не скажешь остановиться. Наш секрет, верно?

— Да, Папочка.

Я прижимаю свой набухший член к её отверстию и толкаюсь в неё, её тугая киска выдавливает из меня жизнь.

— Черт, — хриплю я, сильно вдалбливаясь и помечая её киску. Я долблю её, несмотря на узкие стеночки, когда она сжимается, кайфуя от жесткого секса.

Наклоняясь, я беру сосок в рот, сосу и зажимаю другой сосочек, пока беру свою жену. Она такая же узкая, как и каждый раз, когда я её беру, и этого достаточно, чтобы я был готов кончить всего за несколько толчков.

— Кончай, малышка. Кончай от члена, о котором ты просила и умоляла. Член, который ты дразнила своими короткими юбками и без трусиков. Наклоняясь, открывая мне маленький вид на свою киску, и не позволяя мне трахать её. Теперь у меня есть ты, и ты собираешься кончить на член Папочки, как хорошая маленькая девочка, какая ты есть.

Мои грязные слова посыпают её через край, она откидывает голову назад и кричит о своём освобождении. Её шея обнажена, и я облизываю там, пробуя на вкус сладость, пока кончаю в узкую киску. Её оргазм пульсирует вверх и вниз по моему члену, когда каждая капля меня наполняет её.

Когда мы оба отдохнули и вернулись на Землю, я рухнул на Хейли, придавив её немного. Я до сих пор опираюсь на локти, поэтому не душу её, но ей нравится, когда я сверху.

Я чувствую, как её руки отпускают изголовье и обнимают меня, чтобы удержать. Я улыбаюсь, радуясь, что нахожусь внутри неё, и что она в моих объятиях.

— Спасибо, Папочка. Сегодня был самый прекрасный день в моей жизни.

— Он и был малышка. Все благодаря тебе, — я целую её в кончик носа, а затем прижимаю свой лоб к её.

Что я ей не говорю, так это то, что каждый день, проведенный с ней — самый прекрасный день в моей жизни. Просто иметь возможность держать её и заботиться о ней — это всё, что я когда-либо хотел. И делать это до конца своей жизни — это всё, чего я мог желать. Хейли — моя мечта, и я планирую посвятить свою жизнь тому, чтобы каждый день становился лучше, чем днём ранее.

— Теперь, как насчет кусочка свадебного торта? Я думаю, что обслуживающие компании, возможно, послали нам один, — её глаза взволнованы при мысли о сладком, и я не могу удержаться от смеха. — Только в этот раз я сам съем свой кусочек.

Её хихиканье заполняет комнату, пока мы балуемся в постели, начиная нашу жизнь, как муж и жена. Папочка и маленькая девочка.

Эпилог

Уильям

Десять лет спустя...

— Папочка!

Крик Хейли эхом разносится по дому, и я встаю, собираясь найти её. Я ждал десять минут, чтобы она надела серьги, чтобы мы могли уйти на ужин. Когда я добираюсь до спальни, я вижу её ноги, торчащие из-под кровати, и начинаю смеяться.

— Малыш, что опять?

— Я потеряла сережку, и теперь думаю, что застрияла.

Я опускаюсь на пол рядом с ней и вижу, что её платье действительно застрияло, обнажая её голую пышную задницу.

— Ну, что у нас здесь? — я потираю руками её попку, затем наклоняюсь и облизываю одну сочную ягодицу.

— Папочка! Помоги мне выбраться отсюда, и тогда я позволю тебе взять меня.

— Обещаешь?

— Да! Я обещаю. Пожалуйста, помоги мне!

Я отцепил платье Хейли и помог ей подняться с пола на кровать. Отталкивая её обратно на матрас, задираю её платье, обнажая голую киску, и без колебаний ныряю во влагалище, слизывая её сладость.

Прошло десять лет с тех пор, как мы сказали «я согласен/ я согласна», но я не могу удержать свои руки вдали от неё. Я думал, что в какой-то момент мы успокоимся или остановим на время игры, но наша связь только укрепляется.

Мы некоторое время говорили о том, чтобы завести детей, но Хейли нравилось быть в центре всего моего внимания, поэтому мы решили не делать этого. У нас есть друзья с детьми. В отличии от них в любое время, когда она нуждается в наказании, она может получить его. Но вскоре после того, как мы заканчиваем, она обнимает меня за колени и даёт мне понять, что ей нужны дополнительные поцелуи.

Жизнь, которую мы построили вместе, волшебна. Я не мог бы просить более совершенную жену — и снова пройти через это. Она — причина, по которой я просыпаюсь с улыбкой на лице каждый день, и она — причина, по которой я каждую ночь засыпаю счастливым, с её блаженными руками на мне.

Пока я облизываю её киску, а она просит меня дать ей то, что хочет, я улыбаюсь и думаю, что мы снова опоздаем на ужин.

КОНЕЦ

Бонус к серии «Невинность»

Глава 1

Адам

В Манхэттене настоящий январь, с окутывающим холодным воздухом. Я пытаюсь поймать такси, которые одно за другим проезжают мимо меня без остановки. Уже поздно, и холод начинает пронизывать мою кожу, но я люблю зиму в Нью-Йорке. Запах снега, танцующие огни на зданиях. Я продолжаю испытывать удачу, ожидая, что кто-нибудь подвезет меня, и наслаждаюсь холодом на редко тихой улице в Нью-Йорке.

Я закончил свой деловой ужин и планирую вернуться на ночь в свой отель. Ожидание начинает отдавать унынием. Одиночеством даже. Я упорно трудился, чтобы попасть туда, где я нахожусь, и все это ради денег.

Завтра я возвращаюсь домой в Сан-Франциско. Мое дело здесь закончено. У меня была встреча с клиентом. Обычно мы решаем вопросы по телефону или электронной почте, но он настоял, чтобы я вылетел и поговорил с его партнерами о дизайне. Поэтому я вылетел, желая развеяться, а не сидеть одному дома.

Я архитектор и управляю собственной фирмой. К счастью для меня, я могу планировать свои собственные часы и путешествовать, когда мне нужно. Я окончил университет в Южной Калифорнии три года назад и получил степень магистра архитектуры. У меня сложились хорошие отношения с клиентами, и в двадцать семь лет я смог построить успешный бизнес с нуля. Это все мое, и я вкладываю в свой бизнес каждый час своей жизни. Мне нравится жить на западном побережье, но скучаю по жизни в Нью-Йорке. Я проходил стажировку здесь, отрабатывая навыки у мастеров, но вернулся в Бухту после того, как все закончилось.

Закрыв глаза, я чувствую, как несколько снежинок ударили по моим обнаженным щекам, и пытаюсь насладиться этим. Вероятно, пройдет некоторое время, прежде чем я снова увижу снег.

— Вы не могли бы помочь найти «Точку G»?

Я открываю глаза и оборачиваюсь, чтобы увидеть, откуда донесся сладкий голос и вижу миниатюрную молодую девушку, стоящую передо мной. На улице холодно, на ней надето то, что похоже на тонкий черный топ с длинными рукавами и золотую мини-юбку с блестками, она в туфлях на высоких каблуках.

Длинные светлые кудри заставляют её выглядеть намного моложе, чем можно предположить по телу или одежде. Что-то в ней такое невинное, но провокационное, и я делаю шаг в её сторону. Собственнический инстинкт берет верх, притягивая меня к ней.

— Извините. Что вы сказали? — спрашиваю я, не зная, правильно ли я её понял.

Девушка раскрывает свои полные губы и тихонько смеется. Она делает шаг, и, поскользнувшись на снегу, начинает падать вперед. Я протягиваю руку, быстро ловя её, прежде чем она успевает упасть, и обнимаю. Она прекрасно вписывается, как будто принадлежит мне. Девушка замерзла до костей, но ярко улыбается, как будто знала, что я поймаю её. На мгновение что-то проходит между нами. Как будто мы две души, которые давно потерялись и наконец-то нашли друг друга.

Она права — я всегда поймаю её. Я чувствую это каждым нервом. Это мое предназначение.

Я знаю, что время, потраченное на самосовершенствование, вся моя тяжелая работа, вели меня к этому моменту. Чтобы найти и поймать эту девушку. Я притягиваю её еще ближе, просто чтобы доказать себе, что этот момент настоящий, каким бы безумным и быстрым он ни казался. Я не знал, где окажусь сегодня, интуиция молчала, что только доказывает, этот сексуальный маленький ангел мой.

Я помогаю ей восстановить равновесие, а затем протягиваю руку между нами, расстегивая пальто. Не отпуская девушку, я снимаю его и укутываю её в пальто. Она на короткое время закрывает глаза и слегка улыбается, прижимаясь к моему теплу. Я обнимаю её, пытаясь удержать холод подальше от неё, глядя в её голубые глаза.

Она такая маленькая. Она дотягивается только до моей груди, несмотря на высокие каблуки. Смахнув снежинку с её щеки, я смотрю ей в глаза, желая удержать наш зрительный контакт. Это ощущение, которого я никогда раньше не испытывал. Это непосредственное чувство одержимости чем-то, что не мое.

Держа её за подбородок, я немного наклоняюсь и спрашиваю то, что хочу знать больше всего.

— Кому ты принадлежишь, принцесса? — я не знаю, почему так называю её, но это так естественно. Это имя принадлежит ей. Это так же инстинктивно для меня, как и чувство, что она принадлежит мне.

Она улыбается мне, как будто её сердце шепчет ей ответ, а затем крепко обнимает меня за шею.

— Тебе, — её маленькое тело врезается в мою эрекцию, которую я даже не осознавал, пока она не начала тереться об меня. Секс — это не то, что меня всегда волновало. Я всегда больше беспокоюсь о работе, но кажется, она что-то разбудила во мне, и я хочу её. Сильно.

— Ева! — я слышу, как кто-то кричит, и девушка поворачивается в моих руках в сторону голоса. Я крепче сжимаю её, думая, что она может попытаться покинуть мои руки.

— Вижу её! — кричит кто-то, и я поднимаю глаза, видя, как к нам подходит группа из трех девушек. Я выдохнул, когда не увидел с ними мужчин.

Женщины приближаются к нам, чувствуя, как Ева цепляется за меня, и я ещё сильнее напрягаюсь. Такое ощущение, что наше время подходит к концу. Или что-то пытается отобрать её у меня. Я нашел мою принцессу и не собираюсь больше отпускать.

— Вот и оставляй её на три секунды без присмотра, — говорит одна из женщин.

— Ева? — спрашиваю я, глядя на неё сверху вниз. Она смотрит на меня и улыбается, на одной щеке появляется небольшая ямочка, из-за которой она выглядит невероятно невинной.

Подняв руку, я снял перчатку и дотронулся до её мягкой щеки, чувствуя её кожу. У неё самая мягкая кожа, к которой я когда-либо прикасался. Интересно, везде ли она такая.

— Как тебя зовут? — девушка немного склонила голову, эти полные губы снова раскрылись, заставляя меня хотеть овладеть ими. Я хочу укусить их за то, что они были без присмотра, когда она явно нуждалась в уходе.

Я улыбаюсь и смеюсь над её игривостью.

— Адам, — да, держу пари, она могла легко обернуть меня вокруг своего пальца.

— Мы закругляемся, красавчик. Хочешь проводить её?

Подняв глаза, я киваю её подруге, на мгновение, забыв об остальной части её компании. Я конкретно запал на Еву, поэтому обнимаю её, пока она идет, не желая разрывать нашу связь.

— Я выпила всего несколько коктейлей, но ты и вправду красавчик, — говорит Ева, и это вызывает у меня улыбку. Она соглашается со своей подругой, но когда Ева зовет меня так, это слышится по-другому. Мне нравится слышать это из её уст. Я хочу, чтобы она думала, что я красивый. Я хочу, чтобы она хотела меня, как я хочу её.

— Спасибо, принцесса. Вот почему ты просила помочи с твоей точкой G?

Одна из её подруг впереди нас смеётся и указывает на бар, к которому мы подходим. Над дверью вспыхивают неоновые буквы: "Точка G".

Это похоже на модный клуб, и у Евы нет причин идти туда сейчас. Уже поздно, а она уже довольно пьяна.

— Позволь мне отвезти тебя домой, — уговариваю я её. Если она войдет туда, ей будет только хуже, если она выпьет больше. Мне придется позаботиться о ней, убедиться, что с ней будет все в порядке, и она, вероятно, будет беситься каждый раз, когда я буду вырывать очередной коктейль из её рук, и тогда ей, вероятно, не захочется снова меня видеть.

— Ты пойдешь со мной домой? — поддразнивает она, хлопая ресницами, почти как молодая девушка, умоляющая Папочку о чем-то. Её губы немного надуты. Это меня заводит и сразу бесит. Я хочу её, но мне не нравится, что она так легко пригласила меня домой, даже не зная меня. Если она не чувствует то, что чувствую я.

— Я отвезу тебя домой, — я наклоняюсь, чтобы мой рот был ближе к её. — И поцелую тебя, пожелав спокойной ночи, если ты будешь хорошей девочкой, — после моих слов я вижу, как её глаза засияли.

— Постараюсь, — она облизывает губы, кончик её языка касается моих.

Простое действие заставляет меня стонать.

— Это нехорошо, — говорю я ей, и она слегка улыбается мне.

— Я буду хорошей. Я просто хотела попробовать, — она прикусывает губу, заставляя меня думать, что она все не собирается быть хорошей.

— Где она живет? — я смотрю на женщин, с которыми она пришла.

— Она останется со мной сегодня вечером, — говорит другая, с короткими черными волосами, глядя на меня. Она выглядит немного пьяной, но все-таки диктует адрес.

— У меня есть ключ, — добавляет Ева. Я сжимаю челюсть, желая преподать урок им обоим. Это было слишком легко. Это только проясняет, что Еве нужно, чтобы кто-то присматривал за ней.

— Подойди, — говорю я ей, подтягивая её к краю тротуара. Я слышу, как её подруги смеются, пока заходят в клуб, оставляя меня наедине с ней. Я и ненавижу и люблю это.

На этот раз, когда я машу такси, оно клюет слишком быстро. Ева произносит адрес, затем прижимается ко мне, её голова лежит в изгибе моего плеча. Её светлые волосы покрывают меня. Я мягко поглаживаю их, пока такси прибывает по адресу.

Когда мы добираемся до двери, она роется в сумочке в поисках ключа. Когда она открывает дверь, то тащит меня с собой внутрь. Я охотно захожу. Мне не интересно брать её, когда она пьяна, но я хочу убедиться, что она в безопасности. Я хочу убедиться, что её подруги не притащат кого-то или что-то из бара, что может причинить ей вред.

Я закрываю за собой дверь, и Ева прижимается ко мне своим пышным телом. Я легко ловлю её, когда её рот впечатывается в мой. Поцелуй быстрый и нуждающийся, словно мы потерянные любовники, наконец, снова нашедшие друг друга.

Я не хочу, чтобы это вышло из-под контроля, но она испытывает меня. Все одиночество, которое я чувствовал несколько часов назад, она восполнила. Кажется, я, наконец, нашел свой смысл жизни.

— Где ты спишь? — спрашиваю я, отрывая свой рот от её.

— На диване, — говорит она, снова захватывая меня. В следующую секунду мы оказываемся на мягкой поверхности, я падаю между её раздвинутых ног, стараясь не раздавить её. Клянусь, я в два раза больше неё.

— Пожалуйста, — умоляет она, её маленькое тело извивается под моим.

— Я знаю, что тебе нужно сладкая Ева. Я дам тебе это, так как ты была хорошей девочкой. И после этого ты пойдешь спать. Договорились? — она продолжает шевелиться подо мной, как будто не может себя контролировать.

— Пожалуйста, — снова говорит она, не отвечая мне.

Я соскользнул с неё, упав коленями на пол. Я переворачиваю её, заставляя визжать, таща её за собой и заставляя наклониться над диваном. Её туловище опускается на диван, её задница теперь трется о мой член сквозь мои брюки.

Я раздвигаю её ноги, открывая себе больший доступ. Она не борется со мной. Она просто шевелит своей упругой задницей, желая большего. Спускаясь вниз, я стягиваю её юбку и смотрю вниз, и обнаруживаю, что на ней нет трусиков.

— О, Боже, — она стонет от моего открытия.

— Ответь мне, моя Ева, — рычу я, резко шлепнув её по ягодице. Я понятия не имею, чем я наделен, но необходимость дисциплинировать её поражает меня силой и жестокостью.

— Да, я пойду спать, — наконец говорит она. Я потираю отметину, где ударил её, от вида которой предсперма вытекает из члена, пропитывая трусы-боксеры. Черт, я никогда не был так возбуждён в своей жизни. Я понятия не имею, что на меня нашло.

Она.

Мой разум говорит мне. Что это все она.

Моя Ева.

Наклонившись над ней, я держу её маленькое тело под собой. Моя грудь прижимается к её спине. Она поворачивает лицо, обнажая свою шею, и я наклоняюсь к её уху.

— Ты всегда так одеваешься, моя милая Ева? Крошечная юбка, слишком много напитков и никаких трусиков? Ты отравляешь мужчин? — она не отвечает мне, просто толкает свою голую задницу в мой член, втираясь в меня. Заманивая меня. — Такая непослушная маленькая девочка. Я думаю, что ты искала внимание. Ну, теперь у тебя оно есть, — я протягиваю руку между нами, вытаскивая рубашку из брюк и расстегивая ремень. Мои штаны спадают достаточно, чтобы я мог освободиться.

Я использую другую руку, чтобы обхватить одну из её сочных сисек. Схватив бюстгальтер, я стаскиваю его, пока одна из них не вываливается. Её твердый сосок прижимается к моей ладони, и я стискиваю зубы, желая укусить её.

— Если ты не будешь носить свои трусики, то, я думаю, тебе просто придется носить меня, — рычу ей в ухо, поднеся член к её клитору, и начинаю кружить головкой по её комочку. Назад и вперед мой член скользит по её жесткой маленькой жемчужине.

— Пожалуйста, — умоляет она снова, как будто это единственное слово, которое она знает.

— Скажи мне, что ты больше не будешь ходить без нижнего белья, если я не скажу тебе.

— Обещаю, — стонет она, мгновенно давая мне то, что я хочу. Тепло разливается в моей груди. Я хочу больше.

— Скажи мне, что завтра пойдешь со мной на ужин.

— Я сделаю все, что ты захочешь, — эти простые слова заставляют меня переступить через край, заставляя меня кончить горячим всплеском на её клитор. Я чувствую, как её тело дергается против моего, когда она переступает через край со мной. Она выкрикивает мое имя в оргазме, пока я потираю кончиком своего члена её клитор. Я выплескиваю все удовольствие, которое могу дать ей.

Когда я чувствую, что её тело ослабло, я смотрю на задницу. Мой отпечаток руки все ещё виден там, а на бедрах теперь ещё и след моего оргазма, который начинает течь по её ноге. Я собираю сперму своими пальцами и подношу к её киске, покрывая её ей. Помечая её.

Я медленно поднимаю её и кладу на диван, на её губах появляется сладкая улыбка.

— Где твоя начнушка? — спрашиваю я её, и она кивает на багаж в углу гостиной. Сначала я поправляю свою одежду, затем подхожу к указанному месту и достаю сменку. Я не хочу, чтобы кто-то пришел домой и нашел её такой. Кто знает, кого эти девушки приведут домой.

Я стаскиваю её юбку и натягиваю нижнюю часть фланелевой пижамы. Затем хватаю одеяло, свисающее с дивана, и укрываю её. Наклоняясь, я целую её в губы, и её глаза закрываются. Я сажусь рядом с диваном на пол, открываю сумочку, которую она уронила во время нашего горячего поцелуя, и достаю её телефон.

Я звоню себе с телефона Евы, чтобы у меня был её номер, а затем жду, когда её друзья вернутся домой. Я сижу на полу в течение шести часов, прежде чем они, наконец, вваливаются в дверь. Пьяные, но, к счастью, одни.

Я неохотно отрываюсь от пола, прежде чем подарить Еве ещё один поцелуй, желая ещё раз запечатлеть её вкус, зная, что увижу её завтра.

Я уверен, что Ева нуждается в особом внимании, и наше первое свидание только подтверждает это. Я обнаружил, что она в городе только на выходные, а в Нью-Йорка приехала утром, чтобы найти работу. Она только недавно закончила колледж и искала

работу, но ей не повезло. Я проверяю свой график работы и организую встречи, чтобы мы могли поужинать, прежде чем она отправится домой в Сиэтл.

Я был в бешенстве, она бросила своих друзей ради меня, но предупредила, что это будет только ужин, и что мне лучше бы не облажаться. Я бы не дал ей выбора, но я подыгрываю. Я выбираю лучший стейк-хаус в городе и забираю её у подруг. Когда мы садимся, чтобы поесть, она, кажется, теряется в меню, поэтому я решаю заказать для неё еду.

Когда приходит официант, и я забираю меню из её рук, она с облегчением выдыхает. Я всегда был доминирующей личностью, и брал на себя ответственность, когда это необходимо, но что-то в Еве заставляет меня хотеть не только взять на себя ответственность, но и защитить её. Что-то внутри неё зажигает во мне невиданные инстинкты, и возникает непосредственная связь, подобную которой я никогда раньше не чувствовал.

Я держу её за руку, и мы разговариваем, пока ресторан не закрывается. Потом я вывожу её на улицу, не желая отпускать. Я обнимаю её, чтобы согреть, пока вокруг нас падает снег.

— Я не хочу уходить, — шепчет она мне, и я чувствую то же самое. — Что, если я больше никогда тебя не увижу?

Она смотрит на меня слезящимися глазами, и я знаю, что ей нужно. Уверенность. Я всегда дам ей то, что ей нужно.

— Кому ты принадлежишь? — спрашиваю я её, и она улыбается сквозь слезы.

— Тебе.

— Тогда знай, что я никогда тебя не отпущу.

Мы не видим друг друга в течение одного месяца, и это почти ломает меня. Это утомляет, и я не могу ничего сделать. Я постоянно переживаю за неё, удивляюсь самым маленьким вещам. У меня много денег, но у меня нет Евы, а она это то, что мне действительно нужно.

Через некоторое время я, наконец, уговариваю её переехать ко мне. После этого начинается наша жизнь, и часть этой жизни мы проживаем за закрытыми дверями так, как мы хотим. Нам нужно время, чтобы понять, что работает, а что нет. Наконец, мы согласны с тем, что дома будет игра, но за пределами нашего убежища нам не нужны ограничения лейблов.

Большинство людей называют нашу «жизнь» Папочки/ Маленькой Девочки, но мне просто нравится думать о ней как о той, о ком я забочусь, а она заботится обо мне. Каждый из нас дает друг другу то, что нам нужно.

Ева любит быть независимой в некоторых аспектах своей жизни, но это длится недолго. Ей нужен тот кто позаботится о ней, и это то, чем я занимаюсь с того самого момента, как увидел её.

Глава 2

Eva

3 года спустя...

После двенадцатичасового рабочего дня в офисе я физически и психически истощена. Я еду домой в тумане, не особо вспоминая о своем дне. Я просто хочу вернуться домой к Адаму и провести время вместе, чтобы выкинуть прошедший день из моего разума.

Я паркуюсь в гараже, выхожу из машины и иду в дом. Когда я захожу внутрь, иду к стойке на кухне. Моя записка ждет меня там, как и каждую ночь.

Принцесса,

Сними свою одежду и надень то, что я для тебя подготовил. Ужин будет готов через тридцать минут. А пока отнеси корзину для пикника в гостиную и наслаждайся свободным временем. Я скоро к тебе присоединюсь.

С любовью, твой Папочка.

Я улыбаюсь, кладу записку обратно на стойку и на мгновение застываю там. Я закрываю глаза, делаю глубокие, медленные, очищающие вдохи и чувствую, что мысленно переключаюсь на его принцессу. Хлопоты дня покидают мой разум. Я знаю, что ничто не может потревожить или побеспокоить меня здесь. Я его, и он позаботится обо мне. Даst мне то, что нужно. Заполнит ту часть меня, о которой многие не знают. Я люблю свою работу и свою карьеру, но я также люблю это. Нет, мне это нужно. Я не думаю, что смогу прожить с одним без другого. Адам устанавливает баланс в моей жизни.

Я легко могу испытать стресс, и осознание того, что у меня есть Адам, который может позаботиться обо мне, центрирует меня. Я знаю, что в тот момент, когда я покидаю свой офис, мне не нужно не о чем думать или беспокоиться. Он всегда будет со мной.

Я вижу, что Папочка выложил прозрачные, маленькие белые шорты с подходящей майкой. Они также включают радужные носки выше колена, которые являются моими абсолютными фаворитами. Я взволнованно раздеваюсь, по-прежнему в основном у входа в наш дом, и чувствую, что напряжение дня как рукой смыло. Я кладу свою рабочую одежду в большую корзину возле прачечной и одеваю то, что выбрал Папочка. После того как одеваюсь, я укладываю волосы в тучный пучок на макушке и беру корзину для пикника.

Наша жилая площадь большая и имеет открытую планировку. Я направляюсь к месту перед камином. Я хочу растянуться на шикарном кремовом ковре.

Я кладу корзину и устраиваюсь на полу, скрестив ноги. Я чувствую волнение, готовясь увидеть, что внутри корзинки. Сегодняшнее беспокойство полностью покинуло мой разум, и все, на чем я концентрируюсь, – это задача, стоящая передо мной.

Открыв крышку, я чувствую, как мое лицо сияет. Внутри находится книжка-раскраска с карандашами, открытая бутылка вина со стаканом и небольшой контейнер с конфетами. Обычно Папочка не разрешает есть конфеты перед ужином, но я вижу, что сегодня вечером он сделал исключение.

Достав содержимое, я осторожно вынимаю пробку из бутылки, и наливаю себе бокал вина. Я делаю несколько больших глотков, прежде чем аккуратно поставить бокал на выступ камина.

Затем я ложусь на живот и начинаю рисовать. Книга на самом деле раскраска для взрослых и изображает людей в разных сексуальных позах. Я перелистываю страницу женщины, облизывающей мужские яйца, и упиваюсь красками. Я теряю счет времени, полностью погрузившись в раскраску, когда чувствую, как он входит в комнату. После стольких лет совместной жизни я чувствую, когда он рядом. Энергия прогрессирует, и я становлюсь более осознанной. Это как возвращение домой. Он только заходит в комнату, а я уже чувствую это до глубины души.

Я прекращаю красить, хотя он не просил меня об этом. Он не сказал ни слова, но я слышу его мягкое движение по ковру позади меня. Я смотрю через плечо и вижу, как он садится на диван. Наши глаза встречаются, когда он откидывается назад и широко раскидывает руки по спинке дивана. Его лицо самодовольное, и я знаю, что ему нравится то, что он видит. Его малышка делает именно то, что он просил и любит каждую секунду этого.

Как и мне, моему Папочке это тоже нужно. Столько, сколько мне нужно заботы, ему нужен кто-то, о ком он позаботится. Это укоренилось в нас. Это кто мы есть. Идеальное совпадение. Это то, что он знал с той самой ночи, когда нашел меня на улице в Нью-Йорке.

Папочка одел меня в такие крошечные шорты, которые даже не прикрывают мои ягодицы. Они полностью прозрачны, поэтому я знаю, что если раздвину ноги, он увидит места, которые ему очень нравятся. Это совершенно намеренно, конечно. Ему нравится дразнить себя, и я люблю давать это ему.

Чтобы подраконить его, я подползаю к корзине и достаю вишневый леденец. Я разворачиваю его и оглядываюсь через плечо, облизывая и всасывая его в рот. Я смотрю, как одна из рук Папочки опускается, чтобы поправить его член, и сквозь его брюки я вижу, как он тверд.

Он поднимает брови, как будто ждет больше от моих действий. Я улыбаюсь в ответ, потому что он до сих пор не сказал мне ни слова. Я выгнула спину и высоко подняла задницу в воздух. Он любит мою круглую задницу, и я собираюсь использовать это в своих интересах. Я положила ладони на ковер и медленно начала двигать бедрами в форме восьмерки. Я слышу стон позади себя и знаю, что привлекла его внимание.

Я решила сделать еще один шаг и широко раздвинула колени. Сегодня вечером меня раздражает его вуайеристское поведение, а прозрачные шорты влажные от моего возбуждения. Без сомнения, он может видеть все через них. Мои пухлые губки, мою киску, истекающую медом, и мою розовую, тугую дырочку в полном обзоре. Я высоко держу свою задницу и раздвигаю колени, затем двигаюсь на локтях. Я кладу одну руку под себя и просовываю ее в свои маленькие шорты, чтобы поиграть с собой. Я оглядываюсь назад и вижу, что Папочка тоже просунул руку в штаны и медленно ласкает свой член.

Мне так приятно трогать себя, знать, что он смотрит – половина удовольствия, и мои бедра начинают работать в такт с моей рукой. Мои ногти цвета жевательной резинки такие яркие, что я знаю, что он видит, как кончики моих пальцев входят и выходят из моей киски. Я оглядываюсь назад и вижу, что он сосредоточен на наблюдении за путешествием розовых ноготков и тем, как глубоко они зайдут. Когда я вынимаю руку из шорт, моя киска чувствует себя брошенной. Но я знаю, что доведет Папочку до безумия, поэтому делаю следующее. На данный момент он все еще молчит, и я надеюсь получить от него реакцию.

Я протягиваю руку назад, скользя пальцами по моей ягодичке. Я двигаю пальцами по шортам к моей самой узкой маленькой дырочке. Папочка больше всего любит мою задницу, ему пришлось попотеть с моим телом, так что я знаю, что дразня его этим, несомненно, пробужу его, заставив остудить разгорающийся пожар. Мне это нужно сегодня. Сильно. Когда я впервые проникаю в крошечное кольцо, то слышу его стон. Я улыбаюсь со своим леденцом на палочке во рту, и неожиданно мне в голову приходит идея. Я вынимаю руку из шорт и немного привстаю. Я хватаю пояс шорт и стягиваю их, достаточно, чтобы спустить их ниже ягодиц и раскрыть себя. Я хочу оставить их, но у Папочки должен быть лучший обзор.

— Принцесса, — предостерегает он позади меня своим глубоким хриплым голосом.

Откуда он знает, что я задумала?

С ухмылкой я продолжаю то, что задумала, и возвращаюсь в исходное положение, поднимая попку в воздух и раздвигая колени. Я вынимаю леденец изо рта и скользжу им между ног, потирая гладкую сладкую конфету об свою киску. Леденец твердый и липкий, но я делаю все, чтобы свести Папочку с ума.

Я невинно оглядываюсь через плечо и вижу, что он в полной боеготовности. Он смотрит между моих раздвинутых ног, как будто злится и расстегивает штаны так быстро, как только может. Я наблюдаю за его резкими движениями, когда он расстегивает свой ремень. Он встает, чтобы полностью снять с себя брюки вместе с боксерами, а затем

спинывает свои ботинки и снимает все за пять секунд. Папочка начинает расстегивать свою рубашку, но не снимает её, просто расстегивает пуговицы и оставляет её открытой, обнажая его красивую оливковую кожу и волосы на груди. Его волосы там темные и ведут дорожку к моей самой любимой точке на теле. Его большой твердый член, угрожающее указывающий на меня.

— Это все для меня, Папочка? Я была такой хорошей девочкой, — я приманка, хоть в действительности это не так.

— Нет, принцесса. Ты дразнила меня с тех пор, как я пришел сюда.

У меня все ещё есть леденец на палочке между моими ногами, и я начинаю тереть его вверх и вниз по моей щели, когда Папочка подходит, чтобы встать на колени позади меня.

— Дай Папочке попробовать.

Я отрываю липкую конфету от тела и немного откидываюсь назад, чтобы положить её к его губам. Он наклоняется вперед и облизывает леденец, но я знаю, что этого будет недостаточно, когда он стонет, пробуя меня с липкой конфеты. Я сразу стала завидовать угощению в его рту. Я хочу, чтобы он пробовал только меня, поэтому вытаскиваю соску из его рта, заставляя его ухмыльнуться. Он сделал это нарочно. Я бросаю на него взгляд, который заставляет его ухмыляться еще больше.

— Убери конфету, принцесса. Время игр окончено.

Я бросаю леденец обратно в корзину. Как только мои руки освобождаются, я возвращаюсь в обратное положение с моими локтями на полу и всем, что можно увидеть для него.

Внезапно Папочка хватает меня за бедра, и я чувствую его рот на своей заднице, двигающейся вперед и назад, задевающей мой клитор. Такое ощущение, что его рот везде. Он слизывает с меня сладкий остаток, не пропуская ничего, и я стону в ковер. Мое лицо повернуто боком, и я чувствую, как ковер трется о мою щеку. Мне все равно, если я сожгу кожу об ворс, потому что его рот — мой рай.

— Такая милая принцесса, — стонет он против моей задницы.

Я чувствую, как его язык и губы облизывают и проникают в нижнюю часть моего тела, пока я насаживаюсь на его лицо. Я уже готова увидеть фейерверк, когда чувствую, как он внезапно отстраняется.

— Пока нет, принцесса. Ты кончишь со мной в заднице, а не раньше.

— Черт.

Шлепок!

— Ты дразнила меня этим, и теперь дашь это мне, как хорошая маленькая девочка, — рычит он, прежде чем снова чмокнуть меня в задницу.

Одной рукой он тянется к моим волосам, и отрывает мою голову от ковра.

— Можешь бороться с этим, если хочешь. Ты знаешь, как Папочка любит вбивать свой член в задницу своей маленькой девочки. Или ты можешь быть хорошей девочкой и добровольно дать Папочке то, что он возьмет в любом случае.

Я чувствую жжение на левой ягодице и краснею от смущения. Я немного шевелю своей задницей, чтобы унять жжение и, надеюсь, заставить его выполнить свое обещание.

Теплая головка его члена находится у отверстия моей киски, и он погружается внутрь. Один твердый толчок, и все его десять дюймов углубляются по самые яйца.

— Да, — со стоном отвечаю я, обхватывая его внутренними стеночками.

— Вот и все, принцесса. Не двигайся для Папочки. Прими свое наказание за то, что дразнила меня, и тогда я кончу в эту жадную задницу. Ты моя хорошая девочка, не так ли? — он подбадривает меня, зная, что заводит меня этим. Я люблю быть его хорошей маленькой девочкой.

— Да, Папочка. Я такая хорошая девочка. Я буду очень неподвижна, пока ты трахаешь мою киску.

— Спасибо, принцесса. Ты знаешь, как сильно мне это нужно прямо сейчас.

Я замираю, когда он вытаскивает и грубо засаживает член обратно. Его рубашка распахивается по обе стороны от моей задницы, пока двигается во мне, и это самое лучшее чувство его жестких толчков. Похоже, он так отчаянно нуждался во мне, что не мог дождаться, чтобы попасть внутрь меня. Он все ещё почти полностью одет. Его потребность во мне настолько велика, что я заставила его сломаться. Тем не менее, после всех этих лет вместе, я люблю, что у меня все ещё есть эта власть над ним.

— Такая хорошая девочка, которая так спокойна для Папочки, пока обмакиваю свой член в её киске. Твоя киска покрывает его так, что мне не понадобится смазка, чтобы взять твою маленькую попку. Хорошо, малышка?

Мне нужно все, чтобы не кончить от его грязных разговоров. Я держусь так тихо, как могу, когда он зарывается пальцами в мои бедра и использует мою киску, чтобы смазать свой член.

— Да Папочка. Я сделаю твой член очень мокрым.

Я слышу хлюпающие звуки его большого члена, скользящего в меня и из меня. Я чувствую, как мой сок стекает по клитору, и покрывает его яйца. Я мокрая, и знаю, что он близко. Ничто так не заводит Папочку, как соки моей киски, покрывающие его член. Когда моя киска становится такой нуждающейся в нем, ему стоит только разок хорошенко толкнуться в меня.

Внезапно я чувствую, как он выходит, и знаю, что будет дальше. Я люблю его в своей заднице, но каждый раз, когда он делает это, я боюсь. Я знаю, что боли не будет, но мой разум все ещё ожидает этого. Он прислоняет капающую голову к моей узкой дырочке, и я чувствую, как его тело прижимается к моему.

— Подожди, принцесса. Я хочу, чтобы ты села на член Папочки. Я хочу, чтобы ты взяла меня в свою дырку, а потом сказала «спасибо».

Я сажусь и прижимаюсь спиной к его груди. Он откидывается назад, на колени, с кончиком своего члена у моего узкого входа, поэтому все, что мне нужно сделать, это сесть. Я чувствую, как Папочка целует мою шею, и его руки поднимаются, чтобы потереть мои соски через мою майку.

— Вот и все, принцесса. Папочка получил тебя. Покажи мне, кто единственная грязная девочка у Папочки. Покажи мне, как сильно ты любишь иметь член папочки в своей дырке.

Его слова – мой криптонит, и я опускаюсь вниз. Мои страхи исчезают при этом первом погружении, и я вспоминаю, как сильно люблю это. Чувствуя, как его твердые дюймы скользят в мой запретный храм, я чувствую себя грязной, пошлой и такой чертовски заведенной.

Прежде чем это осознаю, я полностью сажусь на колени, а он глубоко заходит в мою задницу. Я немного приподнимаюсь, а потом опускаюсь назад. Давление такое восхитительное, и то, как он покусывает мою шею, когда я покачиваюсь, подводит меня к краю.

— О, Боже, принцесса. Ты такая хорошая девочка. Ты так сильно оседлала член Папочки. Я собираюсь потереть твою милую киску, а ты позволишь мне кончить в тебя.

— Да, Папочка, — шепчу я, чувствуя, как его пальцы касаются моего клитора. Я бы ни в чем не отказалась ему в этот момент.

Я работаю над его жестким стержнем, а он играет с моим клитором. Он снова наклоняется икусает мою шею, но на этот раз не отпускает. Он хватает меня зубами, пока я объезжаю его член, и он начинает рычать.

Папочка похож на животное, когда он близок к тому, чтобы кончить. Его рычание громкое, а толчки становятся хищными. Одной рукой он растирает мой клитор, а другой обхватывает мою талию. Сейчас он занимается этим, потому что он близко и хочет контроля.

Я кричу от возбуждения и боли, которые пересеклись на волне удовольствия. Это настолько приятно, что во мне что-то взрывается. Я кончаю так сильно и долго, чувствуя, как огонь пронзает мои руки и ноги. Мое тело напрягается, и я достигаю своего пика, когда Папочка находит свое освобождение. Он держит свой член глубоко в моей заднице, наполняя меня своей спермой и делая своей. Мое тело принадлежит ему, и принадлежность ему дополняет меня.

Он крепко держит меня, когда мы оба пытаемся отдохнуться. Наши тела все еще связаны самым интимным образом. Он целует следы от зубов, которые оставил на моей шее, и я немножко смеюсь, когда он делает это.

— Хорошо, что я хладнокровная. Водолазки летом показались бы глупыми.

— Ты умная, принцесса? Ты знаешь, что Папочка делает с твоим умным ртом.

Я сжимаю свою задницу вокруг его все еще твердого члена, и он стонет.

— Время обедать. Иди в ванну, а я встречу тебя в столовой, — он сладко поцеловал меня в щеку, прежде чем вытащить член и помочь мне встать.

Я такая счастливая девочка.

Глава 3

Адам

После того как я убираюсь на кухне, накрываю на стол и проверяю, все ли идеально. Когда Ева работает допоздна, я готовлю ужин и проверяю, чтобы у неё было свободное время делать то, что она хочет. Это всего лишь один из способов позаботиться о ней. Мне это необходимо.

Я знаю, что она любит свою работу, и она хороша в этом, но именно так она расслабляется после своего рабочего дня. Я люблю давать ей это. Быть тем, кто ей нужен. Она мне так же нужна. Моя жизнь казалась бессмысленной до неё. Теперь я чувствую, что в ней есть смысл. Это иное, чем зарабатывание денег. Нет. С моей Эви у меня есть кое-что большее. То, что я постоянно с нетерпением жду. Моя конечная цель каждый день.

Мне повезло с моей работой, потому что я могу работать дома, когда захочу, и это облегчает заботу о моей принцессе. Я уверен, некоторые мужчины могут подумать, что это делает меня слабым или каким-то другим человеком, потому что я делаю все это для неё. Но на самом деле я делаю это для нас. Я позаботился о чистоте в доме и готовых ужинах, чтобы ей не пришлось даже пальца прикладывать по домашним хлопотам, когда она приходит домой. Такая стабильность снимает её стресс. Я уверен, что для некоторых людей это может показаться обыденным, но хаос и беспорядок это стресс для Евы, и способность предсказать её день помогает ей расслабиться.

И это то, что мне нужно от неё. Расслабленная счастливая девочка.

Когда заканчиваю зажигать свечи на столе, я поднимаю глаза и вижу, как она входит в столовую.

— Иди ко мне моя девочка, — я раскрываю свои объятия, и она подходит ко мне. Чувствую, как она целует меня в шею, и хихикает, когда я её поднимаю.

Я подвожу Еву к концу стола, отодвигаю стул и сажусь с ней на моих коленях. По вечерам мы сидим в гостиной на диване и едим китайскую еду. Иногда мы выходим на улицу, обедаем и гуляем по городу. Но по ночам, когда я знаю, что ей это нужно больше всего, я усаживаю её на колени и кормлю.

Я насыпал на вилку немного жареной картошки и протянул ей. Она улыбается и стонет, пока жует. Вид её счастливого лица делает меня твердым, как и её пышный зад на моем члене. Она чувствует, как моя эрекция упирается в неё, и немножко покачиваясь, дразнит меня.

Я не пытаюсь остановить Еву, просто кормлю овощами и свининой между глотками вина.

Она наклоняется и целует меня, а я обнимаю её подбородок. Я чувствую, как она расслабляется в моих руках, и чувствую свежий вкус прохладного вина.

— Это вкусно, Папочка, — говорит она, отстраняясь, опуская глаза и слегка краснея.

— Это так, принцесса. Как всегда.

Когда я закончил кормить её и поужинал сам, отправляю её в постель, и убираюсь. Уже поздно, и я знаю, что ей рано вставать, поэтому я заставляю её как можно больше отдыхать.

После того, как все убрано и готово к завтрашнему утру, я иду в спальню и нахожу её уснувшей.

Я снимаю всю одежду и ложусь позади, прижимаясь к её обнаженному телу. Мой член болит, но я не собираюсь снова её брать. Когда она чувствует меня в постели рядом, все её тело расслабляется. Даже во сне она утешается, когда я рядом.

Прижимая Еву к себе, я засыпаю с любовью всей моей жизни в руках. Что ещё нужно мужчине для счастья?

Глава 4

Ева

Как только солнце заглядывает сквозь окна, я просыпаюсь с ощущением тепла и свежести. Я должна уйти на работу примерно через час, но у нас с Адамом достаточно времени, чтобы поиграть. Мне не приходится слишком долго работать, но по вечерам Папочка всегда обо мне заботится.

Я чувствую его рядом, его жесткий член прижимается к моей заднице. Его рука сжимает мою обнаженную грудь, и я смотрю вниз, улыбаясь этому. Адам своими сильными руками обнимает меня во сне, и в его объятиях я словно в коконе безопасности. Я люблю все его тело, но его руки всегда вызывают у меня жар. Темные волосы, мощные мускулы и его гигантские руки. Я многое люблю в нем, в особенности как легко он поднимает меня и несёт, будто я ничего не вешу.

Медленно, я поднимаю ногу и осторожно кладу её поверх его, слегка двигая бедрами. Я стараюсь быть спокойной, чтобы не разбудить Адама. Мне нравится просыпаться с ним внутри меня. Когда головка его твердого члена прижимается к моему мокрому отверстию, я немного дразню и трусь об него.

Он потихоньку шевелится, все еще спя, затем начинает двигать бедрами. Адам скользит внутрь меня, и стонет мне в шею, а затем останавливается. Я закрываю глаза и наслаждаюсь ощущением его толстого члена, наполняющего меня. Он слегка пульсирует, как будто его член понимает, что он дома.

— Папочка, — шепчу я, и его пальцы оживают, сжимая мой сосок и грудь.

Я выгнула спину, чтобы он углубился, и вдруг оказываюсь перевернутой на живот. Папочка позади меня начинает действовать, один сильный толчок наполняет меня до предела. Во мне не осталось места, так как его большой член заполняет всю меня.

— Тебе нравится будить меня, принцесса? Эта жадная киска просто умоляет, чтобы её первым делом трахнули.

Он толкается сильнее и вдавливая меня в матрас. Грубое обращение усиливает мое желание, и я поднимаю свои бедра для него. Я хочу, чтобы он использовал меня. Чтобы заставить меня хотеть этого и взять то, что его.

— Вот и все, детка. Подари мне эту киску.

Адам широко раздвигает мои ноги и трахает меня. Мое тело приветствует его так, как он хочет, и я замираю, пока он работает своим членом.

Он рукой скользит по моей спине к моим волосам, затем крепко сжимая их в пригоршню. Я стою в подушку, нуждаясь в этом. Я хочу пойти работать на шатких ногах и сесть за свой стол с большой киской, думая обо всех способах, которыми он любил меня этим утром. Я чувствую боль глубоко внутри себя, и мне так приятно доставлять ему удовольствие. Когда он контролирует ситуацию, это балансирует что-то в нас, и я с радостью это принимаю.

— Потри киску, принцесса. Заставь эту киску сжать меня. Высоси всю сперму прямо из члена Папочки. Я хочу знать, что она будет глубоко внутри тебя весь день.

Просунув руку между ног, я делаю, как он просит, и тру свой клитор. Я мокрая, и липкие сливки помогают пальцам скользить по моей киске к его члену. Я задеваю пальцами член Папочки, пока он толкается в меня внутрь и наружу. Я чувствую толстые вены, которые выступают по всей его длине, когда он выходит почти до конца, а потом медленно толкается обратно. Папочка стонет, пока работает своей толщиной, а я сжимаю его яйца. Это заставляет мою киску покалывать, а пальцы на ногах сжимаются, когда он растягивает меня, как будто собирается кончить.

Давление на моё тело абсолютно идеально, когда я приближаюсь к своей кульминации. Я чувствую, как он регулирует свой угол, и его член трахает меня глубже, заставляя меня стонать громче. Мои пальцы возвращаются к моему клитору, и я так близко к краю, что не могу этого вынести.

— Прими его глубоко, девочка. Папочка собирается заполнить эту маленькую киску.

Его грязные слова и ощущение, что он владеет мной, ломают барьеры, которые удерживают меня, и отправляют в рай. Я сильно пульсирую вокруг его члена, когда мой оргазм достигает пика и все тело напрягается. Я нахожусь в положении, когда удовольствие захватывает меня, и то, что я неподвижна, делает ощущение намного более интенсивным. Я могу взять только то, что он мне дает, когда всё внутри меня взрывается. Чистое наслаждение проникает в мои вены, когда он в последний раз вбивается в меня.

Я чувствую часть веса Адама на своей спине, когда начинаю возвращаться на землю, и он кончает внутри меня. Маленькие толчки стимулируют мою киску, импульсы его собственного оргазма заводят меня снова и снова. Такое ощущение, что оргазм в моей киске живет своей жизнью, когда его член пульсирует и опорожняется.

Я улыбаюсь, сжимая свою киску вокруг него, выдавливая каждую каплю. Он стонет мне в шею, любя сладкие пытки, и я лежу, чувствуя себя как желе.

Через несколько минут после того, как мы отдохнули, он шепчет: «Хорошая девочка» — мне в кожу, и это заставляет меня чувствовать себя на седьмом небе. Осознание того, что я не только порадовала его, но и получила удивительный оргазм, делает меня счастливой.

Он вытаскивает свой член и целует меня вдоль по позвоночнику, а затем целует каждую половинку моей попки.

— Давай оденемся и позавтракаем перед тем, как уйти на работу. Я хочу, чтобы твой животик был красивым и полным.

Когда я выпрыгиваю из кровати, мои ноги немного дрожат, и я улыбаюсь. Оглядываясь на Адама через плечо, вижу, что он стоит на коленях на кровати, член все еще большой и твердый, и все, что я хочу сделать — это заползти к нему обратно.

— Одевайся. Сейчас же, — говорит он, используя тон сурового Папочки, и я поворачиваюсь, чтобы сделать, как он говорит.

Я быстро чищу зубы, затем причесываюсь и наношу макияж. Когда я выхожу из ванной, кровать заправлена, а моя одежда разложена для меня, включая нижнее белье.

Я надеваю атласный бюстгальтер и трусики, а затем одеваюсь в черные брюки и темно-фиолетовую водолазку, которая совпадает по цвету с комплектом нижнего белья. Она скрывает некоторые засосы, которые Адам оставил на мне этим утром. Я улыбаюсь,

касаясь материала, который их скрывает. Даже все эти годы спустя ему все же удается заставить меня покраснеть.

Я надеваю черные туфли на каблуках и иду на кухню, где Адам стоит только в трусах-боксерах. Он кладет мой кофе и кекс на барную стойку рядом с моей сумочкой. Когда он видит меня, то подходит, обнимает и сжимает мою задницу. Я не могу сдержать смех, и позволяю ему подхватить меня и поласкать, прежде чем я уйду.

Обнимая его и вдохнув его запах, я целую его на прощание.

Когда я прихожу на работу, в моей сумке от него лежит записка, и я улыбаюсь, читая её.

Принцесса!

Сегодня у нас ужин с Уильямом и Хейли. Будь дома к 18:30. Тебя ожидает сюрприз.

Я уже скучаю по тебе.

С любовью, Папочка.

Глава 5

Адам

Такси подъезжает к ресторану, и я помогаю Еве выйти, взяв её за руку, когда входим. Мы пробираемся к стойке администратора, я смотрю в сторону бара и вижу Уильяма, просунувшего руку под юбку Хейли, пока она потягивает какой-то гигантский розовый напиток, похожий на пузырьки и сладкую вату. Уильям улыбается ей, в его глазах столько любви. У них нетрадиционные отношения с разницей в возрасте и игрой в Папочку/Маленькую Девочку, но они заставляют свою игру работать на них.

Я вижу, как Уильям поворачивается и смотрит в нашу сторону, словно чувствуя нас. Ева машет Хейли, и та с энтузиазмом машет в ответ. Пара берет свои напитки и подходит к нам, одновременно с ними к нам подходит администратор и ведет к нашему столику.

Роберто владелец этого ресторана и наш близкий друг, и мы четверо регулярно встречаемся здесь за ужином. У Роберто всегда есть отдельный столик для нас, когда мы звоним и хотим насладиться трапезой вдали от других посетителей.

Когда мы добираемся до VIP-комнаты, администратор поднимает толстую черную занавеску и позволяет нам пройти за нее. Я пожимаю руку Уильяму, а девушки обнимаются и хихикают. Я оглядываюсь и вижу, что Хейли позволяет Еве сделать глоток её напитка, и Ева загорается. Я призываю администратора принести ей один, она кивает и тихо выходит.

— Обычный вечер? — спрашиваю я, поднимая бровь на Уильяма.

— Определенно, — его ответ несколько хищный, когда он смотрит на Хейли и облизывает губы.

Мы усаживаемся за стол из темного дерева. Отмечу, что в наличии только два стула, по одному с каждой стороны стола. Стулья — это кресла для отдыха, обитые подушками на спинке и мягкими подлокотниками. Они довольно удобны для одного человека с другим на коленях.

Мы с Уильямом садимся по обе стороны от стола, а наши малышки располагаются у нас на коленях. В то время как Уильям и Хейли — полноценно живут жизнью Папочки и Маленькой Девочки, мы с Евой просто играем дома. Только когда есть особые случаи, подобные этому, мы будем играть за пределами нашего дома, и только потому, что мы очень доверяем Уильяму и Хейли.

Как только девочки садятся, приходит наш официант Хавьер, неся розовые пузыристые напитки, и скотч для Уильяма и меня. Роберто знает, что мы ценим осмотрительность и последовательность, и Хавьер обеспечивает это каждый раз, когда мы

ужинаем здесь. Он подчиняется Роберто и его жене Марианне, поэтому мы знаем, что он никогда не станет говорить о том, что происходит в этой комнате, из-за уважения к своим боссам. А также потому, что у Марианны есть жесткий кнут.

Хавьер ставит наши напитки, а затем исчезает. Наш меню неизменно, поэтому заказывать не нужно. Мы пьем наши напитки и общаемся. Уильям и Хейли только что вернулись из медового месяца, поэтому они расслабленные и загоревшие.

Ева рассказывает им о том, чем мы занимались в последнее время, о нашей поездке на побережье и о том, как я учила её ловить рыбу.

— Клянусь, Папочка хотел, чтобы я насадила червя на крючок, а я просто сказала: «Я пасс».

Мы все смеёмся над выражением лица Евы, и я вспомнил, как она побледнела, когда я показал ей, что правильно насаживать червяка. Я никогда не видел её такой напуганной в своей жизни.

— Она так хорошо себя чувствовала после того, как я сделал это за неё, — я улыбаюсь Еве и целую её в лоб. — В итоге она поймала больше меня.

— Я просто не могла смотреть на них дольше секунды, — она поморщилась, и мы все снова начали смеяться.

Хавьер приносит первое блюдо, и это антипасто (*примечание: итальянская закуска ассорти*). Уильяму и мне достаточно легко кормить наших малышек, пока они у нас на коленях.

Я протягиваю оливку Каламаты Еве, она открывает рот и смыкает губы вокруг него. Я чувствую легкое движение её языка, когда она берет её у меня, и мой член поднимается под пышной задницей моей принцессы. От нас четверых доносятся тихие звуки, но свет тусклый, и пребывание вместе как-то усиливает впечатление.

После нескольких минут кормления я успеваю урвать для себя оставшийся деликатес. Тарелки тихо убираются, когда мы заканчиваем и приступаем к следующему блюду. На этот раз это охлажденные салаты, любимые Евой. Я кормлю её, а принцесса начинает своими руками тереть мою грудь. Она наслаждается этим, и я кормлю её еще, прежде чем взять кусочек для себя. Я смотрю вниз на очень прозрачное платье сливового цвета, в которое она одета, и вижу, что её соски тугие и нуждаются во внимании.

— Сними его, принцесса. Позволь мне увидеть их.

Она тянется за шею, развязывая узелок и позволяя материалу упасть. Мой рот опускается на её персик, твердый сосок идеально вписывается в мой рот. Стон скользнул с её губ, когда я чередую, пирую её сосочками.

Отстраняясь от них, я вижу, что её ноги раздвинуты, и у нас уже готово наше основное блюдо. Оглядываясь, я вижу, как Хейли оседлала Уильяма с его рукой между её ног. Она смотрит на нас через плечо и подмигивает Еве. Затем поворачивается к Уильяму и выгибают свою спину.

— На колени, принцесса, я хочу тебя накормить.

Глаза Евы сияют при моих словах, и она скользит и становится на колени между моих ног. Я киваю ей, когда она облизывает губы, а затем расстегивает молнию на моих брюках. Я вынимаю свой член и гляжу его перед ней, кормя её маленькими кусочками стейка, пока мастурбирую. Я не позволю ей оседлать на меня, потому что в конечном итоге я кончу очень рано. А я люблю кончать в её сладкое тело.

Вместо этого она пристально наблюдает, как я жестко и протяжно надрачиваю себя, и она слизывает капли от стейка со своих губ. Её глаза не покидают мой член, пока я убеждаюсь, что она получает достаточно еды. Когда я смотрю на её полные губы и думаю о том, чтобы обкончать их, то пропускаю маленькие капли спермы. Это все, что я могу сделать, чтобы не повалить её и не ворваться внутрь. Вместо этого я растягиваю агонию.

— Достаточно?

Она кивает мне и взволнованно подпрыгивает, зная, что будет дальше. Я отодвигаю нашу пустую тарелку в сторону и поднимаю её с пола. Сажаю задницей на край стола и раздвигаю её ноги перед собой. Низкая высота стула позволяет моему рту быть наравне с её киской. Эта комната была разработана именно для этой конкретной деятельности.

Я слышу хлопок с другой стороны стола, а затем слышу визг Хейли. Без сомнения, она тщательно зарабатывала эту грубость сегодня.

— Мой принцессе нравится публика. Такая хорошая девочка.

Ева сияет от похвалы, всегда лучше реагируя на поощрение, чем на наказание. Она раздвигает ноги чуть шире, и я задираю почти прозрачный материал её юбки, обнажая её голую киску.

— А где ваши трусики, юная леди? — я осмотрел её перед тем, как мы вышли из дома, так что я знаю, что она была в них.

Она прикусывает губу и смотрит на меня сверху вниз, её влажная киска блестит в свете свечей.

— Я сняла их в такси.

— А я ведь только что похвалил тебя. Жаждешь наказания сегодня вечером, принцесса?

Она качает головой, но я вижу румянец на её щеках. Она хочет этого, но не хочет просить. Я хватаю её и опрокидываю на стол, раскрывая её бедра ещё шире. Я потираю ладонью развилку бедер Евы. Моя теплая кожа разогревает её, подготавливает.

Когда моя ладонь опускается на её киску, она вздыхает, но не предпринимает попыток закрыть ноги. Я даю ей еще три быстрых шлепка, чувствуя её липкий мед на моей руке, когда заканчиваю. Мой член раздулся больше некуда, и я не могу больше ждать.

Схватив Еву за бедра, я притягиваю мою принцессу к себе, её тугая, горячая киска принимает меня без препятствий. Я немного подрагиваю, пока не захожу до конца, ощущая, как её маленькое тельце принимает меня.

— Черт, — прошептал я, прижимая её к себе еще сильнее.

Ева руками тянется к краю стола позади нее, и пытается удержаться, а я опускаю её бедра, вдалбливая в нее свой член. Её киска сжимает меня с каждым толчком.

— Член твоего Папочки так тверд для тебя. Мне нужно, чтобы ты высосала всю сперму. Сожми меня, принцесса.

Она стонет, откидывая голову назад, и позволяет мне работать с ней так, как я хочу. Я протягиваю руку и большим пальцем растираю её клитор, когда чувствую, что связка близка. Она всегда так делает. Она превращает меня в секс-машину одним взглядом, и сейчас я глубоко в ней, в нескольких секундах от финала.

С помощью нескольких совершенных толчков она выгнула спину и застонала. Я знаю, что она хотела бы громче выразить свой экстаз сейчас, но она должна сдерживать себя в ресторане. Возможно, мы и находимся в отдельной комнате, но за этим занавесом все еще есть толпа.

Прилив её оргазма стекает по её груди, и я, наконец, позволяю себе кончить. Её сладкое маленькое тело приветствует все, что я ей даю, и чувствую, как она сжимает меня, пытаясь высосать каждую каплю.

— Прекрасно, принцесса. Так совершенно.

Она садится, мягко целуя мои губы, когда мы обнимаемся и возвращаемся к реальности. Смех Хейли заставляет нас обоих взглянуть на нее. Она обнажена, сидит на коленях Уильяма и кормит его с пальца взбитыми сливками.

Посмотрев вниз, я вижу, что десерт, должно быть, уже подали, пока мы отвлекались. Ева улыбается мне и целует мою шею, прежде чем она снова начинает извиваться подо мной.

— Ты хочешь больше, принцесса?

— Да, Папочка, — говорит она, и в её голосе я слышу потребность.

— Мы заберем свой десерт с собой, и ты позволишь мне полакомиться моей порцией дома.

Протиснув руку между нами, я растираю наши соки по её клитору, и она хитро смотрит на меня. Сегодня одна из тех ночей, когда никто из нас не выспится.

— Звучит прекрасно.

— Кому ты принадлежишь, принцесса?

Не задумываясь, она ярко улыбается и отвечает то, что я хочу услышать.

— Тебе, Папочка.